

всепутная история в романах

Валерий ТУРИНОВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ

Валерий Игнатьевич Туринов

Фельдмаршал

Серия «Всемирная история в романах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51707608

Фельдмаршал. Роман: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8166-6

Аннотация

От монаха из захолустного монастыря бенедиктинцев в провинции Лангедок на юге Франции до одного из первых лиц в Швеции. Таков путь этой незаурядной личности с насыщенной жизнью за 35 неполных лет после побега из монастыря. Понтус де ла Гарди – монах, военный, политик, дипломат. Он опалён был огнём всех военных конфликтов Европы середины XVI столетия. В первые годы своей военной карьеры он служил под началом выдающихся полководцев того времени: маршала де Бриссака, генерала Блеза де Монлюка, адмирала Гаспара де Колины, герцога Франсуа де Гиза. Он встречался по роду службы, как дипломат, со всеми знаменитостями своего времени: императором Рудольфом, королевой Екатериной Медичи и её сыном королём Карлом IX, их придворным врачом Нострадамусом, королём Испании Филиппом II, герцогом Альбой, Марией Стюарт и её матерью королевой Шотландии, королевой Наварры Жанной де Альбре и её сыном Генрихом

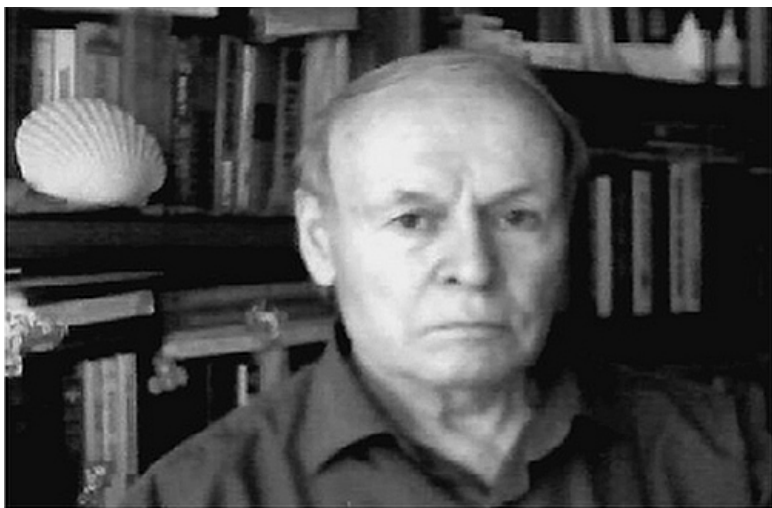
(будущим королём Франции Генрихом IV), папой Григорием XIII, кардиналами, герцогами и графами. За свои заслуги перед Швецией он был возведён в графское достоинство, а король Юхан III вверил ему руку своей дочери Софьи. После блестящих побед в Ливонии над восточным гигантом, Иваном Грозным, он трагически погиб в водах Нарвы, возвращаясь с переговоров о мире с русскими.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	9
Глава 1. Монах	11
Глава 2. Первое оружие	27
Глава 3. Нострадамус	68
Глава 4. Сражение за Сен-Кантен	73
Глава 5. Шотландия	107
Глава 6. Мария Стюарт	136
Глава 7. Маленький принц	151
Глава 8. Гроза на Севере	160
Глава 9. Встреча двух королей	196
Глава 10. Борьба с католическими епископами	208
Конец ознакомительного фрагмента.	227

**Валерий
Игнатьевич Туринов**
Фельдмаршал
Роман

Об авторе

Валерий Игнатьевич Туринов родился и вырос в Сибири,

в Кемеровской области. После службы в армии поступил в МИСиС, окончил его в 1969 году по специальности «полупроводниковые приборы» и был распределен на работу в город Ригу. Проработав там три года, поступил в аспиранту МИСиС на кафедру Физики полупроводников. После окончания аспирантуры и защиты диссертации в 1977 году получил ученую степень к. т. н. и был распределен на работу научным сотрудником в «НПП Исток», в город Фрязино Московской области. Казалось бы, никакого отношения к истории и к литературе все это не имеет, но каждый автор приходит в литературу своим путем, зачастую очень извилистым.

Начиная со студенчества, работая в геологических экспедициях летом на каникулах, Валерий Игнатьевич объездил Сибирь и Дальний Восток. В экспедициях вел дневники, постепенно оттачивая стиль художественных приемов, а сами поездки пробудили интерес к изучению истории не только Сибири, но истории государства Российского, а затем – и к прошлому Европы.

Особенный интерес вызывали XVI–XVII вв. – эпоха становления национальных европейских государств и связанные с этим войны. Вот почему осенью, зимой и весной Валерий Игнатьевич, как правило, пропадал в РГБ (Российской государственной библиотеке), собирал по крупицам в источниках судьбы людей, оставивших заметный след в той эпохе, но по какой-то причине малоизвестных сейчас, а то и вообще забытых.

К числу таких исторических личностей относится и француз Понтус де ла Гарди, родом из провинции Лангедок на юге Франции. Он дослужился до звания фельдмаршала в Швеции, прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. Этот человек заслуживал того, чтобы создать роман о нём!

Сбором материалов в РГБ дело не ограничилось. Изучая жизнь Понтуса де ла Гарди, Валерий Игнатьевич делал выписки из документов РИБ (Русской исторической библиотеки), из АИ (Актов Исторических), ДАИ (Дополнений к Актам Историческим), из Дворцовых разрядов, материалов РИО (Русского исторического общества), а также многих литературно-исторических сборников, как, например, «Исторический вестник» за 25 лет.

Пришлось проделать большую работу, чтобы иметь более широкое представление об эпохе, а также о других известных исторических личностях, повлиявших на судьбу Понтуса де ла Гарди, или, говоря словами одного из героев, «сделавших» его человеком.

Эта деятельность, помимо основной работы по профилю образования, отнимала много времени и сил. Поэтому докторскую диссертацию в родном МИСиС Валерий Игнатьевич защитил поздно, в 2004 году, с присуждением ученой степени д. ф.-м. н., имея к тому времен уже свыше сотни научных публикаций и десяток патентов по специальности.

Избранная библиография автора (романы):

«На краю государственной земли»,
«Фельдмаршал»,
«Василевс»,
«Вторжение»,
«Смута»,
«Преодоление».

Предисловие

Наиболее удивляет в судьбе Понтуса де ла Гарди не то, что он, сын богатого коммерсанта, дошёл до ступеней трона Швеции, а то, что он попал в общее забвение даже среди слишком скромных эрудитов. В 1985 году обошли полным молчанием четвёртое столетие его смерти, и ознаменование этой годовщины осталось неотмеченным: ни конференции, ни выставки. Не меньше демонстрирует его судьба, имя которой – отвага, и воспоминание об одном из тех, кто нёс дальше всех и наиболее высоко талант своей нации.

Фактически в Минервоис, который в Лангедоке, на его родной земле, знают о нём столь мало, что это будут только линии его жизни и карьеры. Конечно, несколько статей были посвящены ему в научных обществах: в основном они были короткими.

Однако Понтус де ла Гарди был удостоен большего внимания в предыдущие века. Так большие словари Moréri (1674) и Bayle (1696) уделили ему место, сравнимое с местом одного из де Гизов или Баярда. Справедливо, что для их авторов Понтус принадлежал к новейшей истории, по крайней мере недавней истории. Но если в Швеции его память была увековечена, что было порывом, с которым его потомки поддерживали память его имени, то во Франции воспоминание о нём понемногу бледнело и дошло даже до того, что его забывают

в Лангедоке.

Именно к местным историкам возвращается заслуга вновь обнаружить Понтуса де ла Гарди в XIX веке, во-первых, Эдуарда Сенемо (1849), затем Альфонса Махюи (1856). Тогда расцветали научные общества и благодаря им воскрешали региональную славу. Увлечение Понтусом было коротким: мешало много неточностей, это касается и его места рождения, чтобы воспоминание о нём встало на якорь длительно. К этому добавлялось глубокое незнание истории Северной Европы, особенно Скандинавии.

В 1958 году Клод Жур, думая о том, чтобы указать, где же всё-таки Понтус увидел свет, решил эту задачу поверхностно. Около пятнадцати лет позже барон Раймон де Фурна, далекий наследник брата Понтуса и хранитель документов архивов, до того не разрабатываемых, наконец, после веков двусмысленности, указал на лангедокские истоки знаменитого шведского потомства.

Georges R. Ph. Pontus de la Gardie. Carcassonne. 1988.

Глава 1. Монах

На юге Франции, вдоль побережья Средиземного моря, протянулась благодатная земля. Ещё с римских времен, когда Галлия была провинцией Римской империи, сюда, к этим берегам, приставали караваны судов с изделиями из серебра заморских мастеров, с восточными пряностями и шёлком. Отсюда же, в свою очередь, вывозили лес, пшеницу, вино. И здесь слышался говор на многих языках того цивилизованного мира. Сюда позже, в Средние века, арабские завоеватели принесли высокую культуру, арабское письмо, арабский счёт. За ними появились в этих местах учителя-евреи: пришла наука, суд появился тоже. Свобода мысли расцвела. Упал авторитет святой непогрешимой Церкви...

Ещё позднее, когда с Пиренейского полуострова арабов вытеснили испанцы, с гор хлынули завоеватели иные: бароны, закон свой клановый всем навязали силой. Но здесь они не задержались, пошли на север Галлии, туда, к Парижу. Культура, лёгкая, арабская, как тонкий слой, покрывший грубую среду, была мгновенно сметена. Вновь погрузилось в дикость всё на многие века.

Это провинция Лангедок. На востоке она выходит к мелководной Роне, на западе упирается в Пиренеи. Их снежные вершины во все века манили путников, улады ищущих своим глазам, уставшим от серых будней, невзрачных городских

трущоб, таких же и усадеб. С юга эта плодородная земля, славившаяся своими виноградниками, омывается волнами Средиземного моря, называемого также «Римским озером».

Пиренеи. За века, и даже тысячелетия, их не тронула цивилизация. Казалось, по своей природе, невозможно приучить к культуре горцев, живущих по законам древних кланов. Что было больше в этом? Традиция, упорство или тупость, которая передаётся из поколения в поколение людям теми же горами. Или же своё делал разряжённый воздух, обеднённый кислородом, каким дышат с малых лет жители гор.

Последуем далее с Пиренеев к городку Каркассонн. Здесь с Пиренеев берёт начало бурная речушка Од. Она идёт почти прямо на север, но вблизи этого городка, словно из почтения к нему, ничем не примечательному, делает изящный реверанс – обходит его с юга. Хотя на самом деле она текла так за много веков до появления этого городка. Затем миль через пять она огибает гору Монтредон и устремляется, уже прямо, к Лионскому заливу. Если же следовать дальше от Каркассонна тем же курсом, каким идёт долина реки Од от Пиренеев до этого городка, то через три десятка миль достигнем района Каунас. Здесь, в неширокой долине, на южной её окраине, расположено селение Руссоль. Маленькое, домишки каменные, и церковь с башней, и колокол при ней.

Вот здесь-то, вблизи этого селения, есть одно местечко, где уютно смотрится помещичья усадьба. Жилой двухэтаж-

ный дом. Наверху мансарда. Ещё выше черепица. Фасад затянут плющем. И в комнатах полутемно, прохладно даже в жаркий летний день.

Это усадьба Жака де Эскуперье, отставного капитана гвардейцев, сейчас же руссольского помещика. Он поселился в этих местах вот уже без малого два десятка лет назад. Осев здесь, он обрёл желанный покой после ряда лет службы в королевской гвардии. Здесь он и женился на пригожей девице восемнадцати лет, с соседней помещичьей усадьбы. Звали её Луиза, урождённая Арменгауд, а проще – Луи, как называл её счастливый муж. У супругов появились дети. Из них выжили только самый старший Оже, его брат Этьен и самый младший – Понс. Ещё были две сестры, погодки, появившиеся на свет через два года после Понса. Остальных же забрал к себе Господь Бог ещё в малолетстве, видимо посчитав, что им у него будет лучше, чем под кровом родителей.

* * *

1543 год. Монастырь бенедиктинцев в районе Монтолье, на северо-запад от Каркассонна, всё в той же провинции Лангедок. Ему уже более трёхсот лет. Каменной кладки стены, неудобные тёмные и холодные кельи. Обычный крестьянский труд монахов, и светлых праздников в году почти что не бывает. Вот то, каким был монастырь века, чем жил простой монах, всецело покоряясь воле Бога.

– Господин аббат!.. Господин аббат!..

Аббат Жюльен Арменгауд, неторопливо шагавший к винному погребу, остановился, обернулся на этот крик.

Догоняя его, за ним бежал молодой инок. Запыхавшись, он подбежал к нему, остановился, переводя дух.

Аббат недовольно взглянул на него, раздражённый, что тот посмел остановить его, прервать его мысли о хозяйственных делах обители. Те шли, если говорить откровенно, из рук вон плохо.

– Господин аббат, ваша дочь Луиза скончалась... – прошепелестели сухие губы монаха.

Аббат какое-то время разглядывал его. Выпуклые глаза его, слегка прикрытые плёнкой кожицы в уголках, как у хищной птицы, уставились на него... Затем он, похоже, сообразил что-то, до него дошло сказанное.

– Я же говорил этому мошеннику! Жаку Эскуперье! Скрыгел!.. Зачем надрываешь Луизу? Мою единственную! – разразился он проклятиями в адрес своего зятя.

Покричав, возмущаясь, он повернул назад и, опустив голову от этого печального известия, побрёл через двор к себе в аббатскую. Надо было собираться, ехать на похороны дочери.

В усадьбе Жака Эскуперье, куда он приехал, царила тягостная атмосфера.

– Что делать, падре? – растерянно спросил его Жак, после того как они поздоровались, помянули добрыми словами

успошую, заговорили о насущном. — Как мне жить дальше?

За дорогу сюда, в усадьбу зятя, аббат отошёл сердцем, раскинул затем и умом. Решение пришло ещё в дороге.

— Я возьму Понса к себе, в монастырь, — сообщил он свое решение. — Тебе меньше забот... Да и младший сын, по обычаю, вступает на путь монашества. Не будет мельчать и разоряться хозяйство...

Так Понс как самый младший в семье оказался в заложниках традиционной хозяйственной системы: без средств к существованию, когда станет взрослым, без наследства после смерти отца...

На похороны собрались соседи.

Жак Эскуперье всплакнул над своей супругой. Его старший сын Оже, взрослый мальчик четырнадцати лет, заплакал, когда повозка с гробом матери тронулась от усадьбы. Этьен, глядя на старшего брата, тоже заплакал.

Младший же, Понс, семи лет, не по годам молчаливый и серьёзный, не понимал, что происходит: почему мать уже который день не открывает глаза, не встаёт. А теперь её зачем-то положили в ящик, на повозку, и повезли куда-то... И он пошёл, как и все, взрослые и дети, за этой повозкой, когда отец сказал ему: «Возьми за руку Этьена! Идите!..»

Гроб с телом матери отвезли на местное деревенское кладбище.

Он плохо помнил, что было на кладбище, где он оказался впервые в своей жизни. В тот день он долго был на ногах,

устал. Он был слабым, болезненным ребёнком, и глаза у него стали закрываться сами собой. Так он и уснул, на чьих-то руках, там же, на кладбище.

Следующий день оказался тоже странным для него. За чем-то отец стал прощаться с ним, размяк, прослезился, что бывало редко. Отца он знал больше как строгого и хмурого. И он с самых малых лет был предоставлен самому себе. Мать, ещё при жизни, тоже немного уделяла ему времени. Её внимания больше требовали маленькие девочки, его, Понса, сёстры, крикливые... Как только он узнал их, когда они появились на свет, с тех пор так и не перестают кричать. И его удивляло: из-за чего они всегда кричат.

И вот теперь это...

– Ну, езжай, сынок! – обнял на прощание старый бедный Жак своего маленького сына. – Твой дедушка Жюльен позаботится о тебе!.. Будет тебе в наставниках!

Он вывел Понса во двор. Там уже стояла повозка аббата, готовая к дальней дороге. Вышли во двор и его два старших брата. Сёстры – те ещё были малышки, и большую часть дня проводили в кровати.

Дедушка Жюльен, как того представил ему отец, хотел было помочь ему, Понсу, сесть в повозку.

Но он, отстранив его руку, сказал:

– Я сам!

Он вскарабкался на повозку и уселся посередине большого сиденья, обитого тёмной кожей, отдающей запахом че-

го-то уже знакомого ему.

Аббат добродушно рассмеялся:

– С таким иноком наш монастырь теперь заживёт!

Отец тоже засмеялся.

Он же, Понс, не понимал, почему они, взрослые, смеются и что в этом такого, если он хочет всё делать сам.

Аббат, забравшись в повозку, слегка подвинул его, сел рядом, взял в руки вожжи.

– Ну, с Богом! – сказал он и перекрестился. – Месье Жак, жду тебя на следующей неделе. У нас, в монастыре, освободилась вакансия казначея. Месье Бернар скончался... Рад буду хлопотать за тебя на эту должность!

Он подхлестнул вожжами по бокам лошадки:

– Пошла, пошла, Ленивая!

Повозка выкатилась за ворота усадьбы. Понс, обернувшись, увидел, как машут руками вслед ему родные. Повозка повернула за угол каменной ограды.

И его родные исчезли для него навсегда.

* * *

В монастыре, куда они приехали, Понса поразили высокие массивные стены из бутового камня. Внутри монастыря, за тяжёлыми дубовыми воротами, с крепкими запорами, стояли такие же, из бутового камня, монастырские постройки, и кельи – крохотные, как хижины в горах у бедных горцев.

И в одной такой келье поселили его.

Дверь скрипнула, открылась, и он шагнул вслед за своим дедушкой, аббатом, в темноту кельи. И первое, что он увидел – ложе, массивное, тоже каменное, только сверху прикрытое настилом из досок. На нём лежало одеяло, шерстяное, жёсткое, старое. Похоже, им укрывался один из тех, кто уже навсегда покинул обитель... И подушка, тоже жёсткая... Единственное маленькое оконце. В него сочился слабо бо-жий свет...

Освоившись на своём новом месте, он как-то взобрался на монастырскую стену и оглядел окрестности, томимый ин-тересом: куда же привезли-то его.

Перед ним открылась долина, пологие невысокие холмы, безлесье... Сады, вон там поля и виноградники... А тут рядом пруд. О нём ему уже сообщили словоохотливые иноки, готовые поговорить с кем-нибудь, рассеивая скуку и одно-образие монастырской жизни, тяжёлого повседневного кре-стьянского труда.

В монастыре он оказался не один, из мальчиков, иноков. Были ещё такие же, осиротевшие.

Раз в день, утром, до завтрака, строгий аббат занимался латынью с ним и ещё с тремя мальчиками его же возраста.

С одним из них Понс сошёлся ближе всего. Звали его Рони. Тихий, худенький, черноволосый, родом откуда-то из этих же мест. С умным взглядом, он тактично выслушивал, когда ему что-нибудь рассказывали, затем уже говорил что-

то своё. Он остался круглым сиротой, в отличие от Понса, у которого был жив отец и братья, да ещё дедушка.

— Латынь — язык Бога, на котором апостол Пётр впервые открыл божественные установления другим народам, — поучал аббат...

Затем, после завтрака, следовал урок закона Божьего.

Каждый день ему, Понсу, приходилось ещё и трудиться, исполнять мелкие хозяйственные поручения: то перебирать фрукты, сортируя от гнилых, а то семена для нового урожая пшеницы. От утомительной работы он быстро уставал. Его мозг не выдерживал однообразных тупых занятий. И он начинал клевать носом. Его голова сама собой падала ему на грудь. И он часто засыпал сидя... Пока кто-нибудь из его сверстников, трудившихся с ним рядом, заметив это, не толкал его в бок.

Изредка он видел своего отца, который стал казначеем монастыря и наезжал теперь по делам экономии к аббату. Но эти встречи, мимолётные, проходили сухо, натянуто, безрадостно для них обоих. Оба они чувствовали фальшь в отношениях между ними. Отец считал себя виноватым в том, что спровадил его сюда, а Понс догадывался, что от него, лишнего, избавились его семейные. Только один раз отец с чего-то растрогался, рассказал ему, как служил в молодые годы гвардейцем в Париже, и там у него был друг юности, вместе с которым он устраивал разные проделки, а то они попадали

в забавные приключения, ещё при короле Франциске I¹.

* * *

Прошло шесть лет. И жизнь в монастыре, скучную и сонную, разбудило на несколько дней появление на небе косматой звезды. Случилось это осенью, в октябре 1549 года. Сначала она появилась слабым малозаметным пятном на ночном небе, в южной стороне. Затем день ото дня она стала увеличиваться, становилась всё ярче и ярче...

И они, монахи, с наступлением вечера залезали на стены монастыря, думая, что от этого будут ближе к ней, и лучше рассмотрят её.

Взирая с восторгом и в то же время со страхом на косматое чудище, они простаивали подолгу на стене, куда залезали и пожилые монахи, уже состарившиеся здесь, в монастыре. И там, на стене, они торчали, пока их не сгонял оттуда старый аббат Арменгауд, грозясь, что завтра поднимет их ещё до зари на работу в поле.

Между тем у звезды появился хвост, начал удлиняться, расцветать и закручиваться, становился похожим на кривой турецкий ятаган.

– Турки придут! – испуганно вскрикнул кто-то в один из таких вечеров, распознав в ней знакомый меч врага всех хри-

¹ Франциск I (1494–1547) – французский король с 1515 г.

стиан.

На стене зашумели... Кто-то из монахов скатился со стены и, втянув в плечи голову, дал тягу к винному погребу, чтобы напиться и спрятаться там... За ним побежали остальные...

Несколько ночей на стене никто не появлялся. Осмелев, видя, что хвостатая звезда никуда не исчезла, ничего не делает дурного и турки тоже не пришли, все снова полезли на стену.

– Папа Павел III² умрёт, – сказал как-то в один из вечеров монах с худыми подтянутыми скулами, «Чахоточный», уже не жилец, как говорили о нём другие монахи.

И снова на стене зашумели. На этот раз никто не испугался. Папы умирали часто, и ничего не менялось...

Что случилось с папой, Понс не знал. Но папа Павел III действительно умер через месяц, десятого ноября, после того как исчезла с ночного неба хвостатая звезда. «Чахоточный» тоже не пережил эту звезду. Его не стало через неделю после её исчезновения, когда она ушла куда-то в бездну бесконечности.

С того времени у Понса закралось подозрение, что в явлении хвостатой звезды что-то есть, поскольку она унесла с собой и папу, и «Чахоточного»... «Грешники!» – решил он... О том, что «Чахоточный» – грешник, он знал точно, так как тот не раз воровал вино из погреба, поскольку видел

² Павел III (в миру Александр Фарнезе) (1468–1549) – папа римский с 1534 г.

это собственными глазами... С папой было сложнее. О нём он ничего не знал, не знал – ворует тот или нет... Но про пап его и Рони просветил всё тот же «Чахоточный».

– В малолетстве, вот в таком же возрасте, как ты, я тоже остался сиротой, – показал «Чахоточный» на него, на Понса. – И попал я в приют августинского монастыря Святого Марка, в Италии. Там в то время настоятелем монастыря был Савонарола³!..

Он выразительно показал взглядом на пустую чарку.

И Рони налил ему вина. На этот раз вино своровал он из монастырского погреба для «Чахоточного», которого он и Понс поили по очереди.

«Чахоточный» выпил вино, протянул пустую чарку Рони, и тот наполнил её снова.

Отпив теперь всего пару глотков, он отставил чарку в сторону.

– Его потом сожгли на костре... – печальным голосом произнёс он, немощный, уже не способный даже на злость.

– За что?! – вырвалось у Рони...

Понс невольно дёрнулся от его крика, настроенный было внимательно слушать историю Савонаролы, еретика, о котором запрещал говорить старый аббат Арменгауд.

А «Чахоточный» стал рассказывать о проповедях Саво-

³ Савонарола Джироламо (1452–1498) – итальянский религиозный проповедник и реформатор эпохи Возрождения.

наролы, о его обличении папы Александра VI⁴, ведущего неправедную жизнь. Его проповеди он слушал не раз, будучи ещё юнцом-послушником в том же монастыре Святого Марка.

Вспоминая Савонаролу, о котором по таким монастырям, как их, ходили всякие легенды, рассказывая им, монахам, о том, что слышал от самого Савонаролы, «Чахоточный» возбуждался сильнее, чем от крепкого вина...

Он глотнул ещё вина, под глазами у него пошли жёлтые круги.

– Казнили его, а через пять лет и сам папа Александр помер... Странно помер... Говорят, отравили... Тело раздулось, стало чёрное, безобразное... В Риме папу ненавидели... Гроб для него сделали узким, тесным. Говорят, столыры смастерили специально таким... А носильщики, положив тело в гроб, покрыли его стареньким покрывалом, затем вбили покойника кулаками в тесный гроб, помяли тиару⁵... Не было ни свечей, ни лампадки, никого из священников! И тех, своих-то, достал он здорово... Таков раб рабов божьих... Хи-хи! – хихикнул он. – Рим без святости... Это языческий город...

Он прерывисто задышал, остановился, и что-то отвратительно забулькало внутри у него...

Это, что говорил «Чахоточный», была ужасная ересь.

⁴ Александр VI (Родриго Борджа, 1431–1503) – римский папа с 1492 г.

⁵ Тиара – головной убор папы римского, имеющий вид тройной короны.

Понс это понимал. Но от этого, от запретного, огнём вскипала в жилах кровь. И после такого очередного общения с «Чахоточным», который так смело говорил о папах, он не мог уснуть до самого утра. И у него постепенно зрела мысль, что отсюда, из монастыря, надо бежать.

И этим он поделился с Рони.

– Зачем здесь оставаться? – спросил он его, хотя и не ожидал ответа. – Чтобы вот так, шёпотом, говорить что-то еретическое, и загнуться как «Чахоточный»!..

И он, мучаясь, не зная ещё по малолетству ничего о жизни, видел для себя спасение от серого существования в монастыре только на службе у короля, в тех же гвардейцах.

Рассказал «Чахоточный» Понсу и другим юным послушникам и о Леонардо да Винчи⁶.

– Великий художник был! – просипел он...

Он уже не выходил из своей кельи. Изредка к нему навещался старый аббат Арменгауд. Посидев у его ложа, он что-то бурчал себе под нос и уходил.

Понс же приходил к «Чахоточному» после аббата, зная, что в этот день тот уже не придёт второй раз к умирающему. И там он оставался надолго. С собой он приносил вина. Его он воровал в винном погребе, этому научил его «Чахоточный». И тот, глотнув бодрящей влаги, оживал на некоторое время: его глаза блестели, обострялись мысли, чувства, и он рассказывал, рассказывал ему о жизни в монастырях, о про-

⁶ Леонардо да Винчи – итальянский художник, учёный, инженер и философ.

поведниках, о папах... А Понс слушал... Заметив, что «Чажоточный» начинал клевать носом, он подливал ему в чарку вина. И тот снова оживал.

* * *

Прошло ещё два года. Наступило лето 1551 года.

Ночь, тёмная, жаркая. Стройный и высокий ростом, художавого сложения юноша ловко вскарабкался, как кошка, на стену монастыря. Горячая, после знойного дня, она обжигала.

В этой стене, в этом монастыре, Понс знал каждый камень, каждую складку и щель. Ежедневный крестьянский труд благотворно сказался на нём. Из болезненного вида, слабого телом мальчика, хиляка, как называли его когда-то старшие братья, Оже и Этьен, он превратился в мускулистого и сильного.

И вот он наверху.

Следом за ним на стену вскарабкался его товарищ Рони, приятель по обители, любви к латыни, Богу и шалостям простительным.

Отсюда вниз путь тоже был знаком ему... Прыжок – и он уже на земле.

Рони бросил ему со стены мешок с едой и одеждой:
– Лови!

Понс поймал мешок... Громким шёпотом прошепав:

«Прощай, Рони!», он исчез в тёмной, насыщенной дневным зноем ночи. Она приняла его, укрыла, как любящая мать, провожающая сына в путь дальний, немного славы, взлётов обещая, но больше слёз, падений, проклятий, крови и трудов.

Он уже составил себе представление, куда подастся. По слухам, в предгорьях Альп, в Пьемонте, стояла армия маршала Шарля де Коссе-Бриссак⁷. И он, де Бриссак, сейчас набирал добровольцев на войну в Италии.

⁷ Герцог Шарль де Коссе-Бриссак (1505–1563) – маршал, прославился победами над испанцами в Италии в 50-х годах XVI в.; дипломат, ездил с посольством в Турцию.

Глава 2. Первое оружие

Пьемонт. Предгорье Альп. В горах снег, в долинах же зелёные поля, дома из камня. Здесь камень бутовый, залитый раствором и крепко схваченный, служил всегда для дел постройки. В сараях, крытых грубым тёсом, стоят лошадки, и скот там тоже. И улочки совсем уж узкими казались нашему герою, привыкшему к простору на родине, среди лангедокских виноградников, полей и огородов.

Вот здесь-то, на севере Италии, и объявился через месяц Понс в армии маршала де Бриссака.

Какой-то хмурого вида сержант стал допрашивать его.

– Как фамилия, имя?..

– Понтус де ла Гарди! – соврал Понс, бойко рапортуя, как, полагал, делают военные.

Своё имя Понс, чисто французское, он переделал на латинский лад, под влиянием своего дедушки Арменгауда, влюблённого в формы Античности. Фамилию он тоже скрыл: взял нравившуюся ему ещё с детства, по их старой ферме Гарди, расположенной недалеко от их руссольского поместья и обычно сдаваемой отцом в аренду.

Когда же он заявил, что хочет воевать в армии маршала Бриссака, то сержант равнодушно решил его судьбу.

– Ну что же – пойдёшь рядовым мушкетёром во вспомогательный корпус. Его сейчас формируют.

Он выдал ему причитающийся солдатский оклад, отсчитав звонкой монетой.

– Смотри, не пропивай! – строго наказал он ему. – Это за три месяца! Пропьёшь – больше не получишь!.. Будешь сам добывать жрачку!

Вообще-то, Понтус ещё не научился пить, как солдат. Но он уже слышал, что те здорово пьют. В монастыре он, бывало, прикладывался тайком к вину. С тем же Рони, другими иноками. То была лёгкая, слегка пьянящая влага, которую хранили в огромных подземных складах, выдерживая в бочках, получая так многолетнее крепкое монастырское вино.

Указав ему, где сейчас стоит его рота, по-летнему в палатках, сержант отпустил его.

Понтус нашёл свою роту, затащил свой неказистый багаж в палатку и, приглядев подходящее место в углу, как раз рядом с окном, бросил его на лежанку. С шумом выдохнув: «Уф-ф!» – он сел на лавочку, что стояла рядом.

– Эй! – услышал он позади себя сильный звонкий голос, выдающий страстную натуру.

Он вскочил с лавочки, повернулся.

Перед ним стоял молодой человек. Он был такого же роста, как и Понтус, с живыми карими глазами, блестящими над его античным носом, видимо, доставшимся ему в наследство от какого-то римского патриция, ещё в незапамятные времена.

– Антуан! – представляясь, фамильярно ткнул тот его ку-

лаком в грудь. — Откуда ты, приятель? — не давая ему опомниться или что-нибудь сказать, стал он сыпать вопросами.

— Из Лангедока!

— Где же это? У чёрта на куличках!..

— На юге...

— А-а, у моря, стало быть, жил!

— Нет. До моря далеко.

— Ну ладно! Отсюда ещё дальше! Хм! Давай, что ли, оглядимся здесь... Ты хотя бы знаешь, куда попал-то? — спросил Антуан.

— В гвардейцы... — нерешительно ответил Понтус, не поняв, что хочет от него этот нахал.

— Да, в гвардейцы! Но к самому маршалу де Бриссаку! Понял, что это значит?

Понтус согласно кивнул головой, хотя не знал, что это такое.

— Служил?

— Нет! Нигде не служил!

— Тогда придётся тебе туго, дружище! — заключил его новый приятель.

Он, слегка кудрявый, был непосредственным в словах, поступках и порывах. Как и Понтус, он был тоже из провинциальных дворян, служил при дворе у какого-то мелкого графа.

Палатка, хотя и большая, была рассчитана на десяток новичков из новобранцев. Но Понтус ведь был из дворянского рода. Так, по крайней мере, считал его отец. Поэтому ему

нужна была отдельная палатка, что высказал он своему новому приятелю тотчас же.

— Ну да, тебе ещё хоромы подавай! И на двоих с какой-нибудь девчонкой! Ха-ха! — засмеялся Антуан. — Иди с ней в лес, там развлекайся! Так романтичней, дружище!

В этот момент запел рожок, призывая их, гвардейцев, на общее построение.

Понтус и Антуан встали в первом ряду шеренги вместе, так как подходили по росту.

— Господа! Вам выпала высокая честь служить в гвардии его величества короля Франции Генриха⁸! — чётко и раздельно произнося слова, заговорил стройного вида капитан, сильный, тренированный. — И сегодня вас будет принимать сам господин маршал Бриссак Шарль де Коссе!..

Капитан говорил, а Понтус глядел на него во все глаза. Капитан, который представился как Пьер де Пирес, произвёл на него впечатление своей выправкой, уверенным и грубым голосом.

Закончив вступительную речь, капитан предоставил слово маршалу.

Маршал оказался очень даже ничего. Куда там было тому же капитану до него.

«Красавчик»! — тихо шепнул Антуан, рядом с Понтусом, прозвище этого маршала, ходившее в высших кругах Парижа, среди светских дам...

⁸ Генрих II (1519–1559) – король Франции с 1547 г.

Да, действительно, маршал был чертовски красив... Рослый, изящный. Но и заметно было, что он силён.

Но самое главное, что повергло в шок Понтуса, это то, что маршал, лет сорока пяти, оказался герцогом и вице-королём Пьемонта. И Понтус посчитал себя самым счастливым человеком, что оказался рядом с таким властителем этого мира.

– Господа! – обратился маршал к ним, наёмникам. – Полагаю, вы уже слышали, с чем связан наш с вами предстоящий поход в Италию!.. В прошлом, шесть лет назад, папа Павел III, в миру Алессандро Фарнезе, потребовал от императора Карла V⁹ герцогства Пармское и Пьяченское!.. Император отказал ему, сообщив, что не имеет прав раздавать имперские земли и имущество! Но папа поступил по-своему и всё же наделил своего побочного сына, Пьетро Фарнезе, этими двумя герцогствами! И присвоил ему титул герцога Пармского и Пьяченского!.. К тому же папа в своей крестовой булле, призывая к походу на еретиков, протестантов, откровенно и прямо писал: «Бей их насмерть!..» Императора взбесило это и попрошайничество папы! Но раздор между императором и папой произошёл не только из-за этого! Хотя и это тоже...

Бриссак на мгновение задержал свою речь, тактично подбирая подходящие слова, чтобы сказать что-то в адрес папы.

– Свинство со стороны папы! – заключил он, сдержанно,

⁹ Император Карл V (1505–1558) – последний император Священной римской империи (1519–1556), из династии Габсбургов.

не распространяясь дальше.

Он пошёл вдоль шеренги их, гвардейцев, вглядываясь им в лица, старался угадать их настрой на то, о чём говорил, понимают ли они важность этого.

Поравнявшись с Понтусом, он задержал на нём взгляд больших светлых глаз, выдающих наивность всё ещё не взрослого человека, воспринимающего с интересом окружающий мир, его красоты и отвратительные стороны тоже.

Он пошёл дальше. И в такт его шагам покачивалось перо на его шляпе, слегка вздрагивали длинные, красиво убранные волосы, падающие из-под шляпы на воротник камзола и небольшое шёлковое жабо, тонкое и мягкое, как пух.

– К тому же папа Павел III перевёл собор в Болонью! В пику императору! – продолжил на ходу говорить он. – Его же сын, Пьетро Фарнезе, за два года правления довёл граждан в Парме и Пьяченце до того, что они не выдержали!.. И его, Пьетро, убили в Парме! Знатные господа того же города! И выбросили толпе его труп, изувеченный и обезображенный, из окна его же замка! И толпа таскала труп по улицам, глумилась над ним!.. «Каков плод – таков и приплод», – тихо, себе под нос пробормотал он о сынке папы...

Узнав о случившемся, папа заплакал. Пьетро был его единственный сын. И в письме к императору, добиваясь справедливости, чтобы ему выдали убийц сына, которых защищал император, он оправдывал себя и сына, не отрицая

его преступлений... Сам же он, папа, мол, не виновен в них!.. Но больше всего на свете он любил своего Пьетро...

– А как же заповедь Христа «Не убий»? – спросил папу один из кардиналов, зная, что тот просит выдать убийц сына, чтобы казнить их.

– К чёрту вашего Христа! – грязно выругался папа.

Там же, в Парме и Пьяченце, события разворачивались драматически. Убийцы и жители города были напуганы тем, что папа послал в Парму с солдатами своего внука – Оттавио Фарнезе, сына Пьетро, и тот занял Парму. И жители Пьяченцы, боясь мести со стороны семейства Фарнезе, призвали в свой город наместника императора в Милане, Фердинанда Гонзага¹⁰. И тот принял их под защиту самого императора.

– Оттавио приходится зятем императору Карлу, – стал разъяснять Бриссак им, наёмникам, тонкости семейных склок европейских дворов. – Он женат на его побочной дочери. Но между ними, императором и Оттавио, вражда великая!..

Оттавио вынужден был заключить с Гонзага перемирие, оставив в его власти Пьяченцу. Но старый папа непременно хотел удержать Пьяченцу за собой. Он не хотел отдавать её и Парму даже Оттавио, своему внуку. Намерен был отдать своему брату, Горацио, или овладеть ею в пользу Церкви.

– И папа, подозревая, что в смерти сына виноват сам им-

¹⁰ Гонзага – знатный итальянский род, представители которого в 1328–1708 гг. были синьорами Мантуи.

ператор, обратился за помощью к нашему королю! И наш король Генрих откликнулся на его просьбу!..

Понтус слушал Бриссак, затаив дыхание. Как смело тот говорил! Он, Понтус, даже сейчас, бежав из монастыря, боялся произнести что-нибудь еретическое, осуждённое Церковью, папой, или в адрес того же старого аббата Арменгауда, своего дедушки.

– Два года назад, десятого ноября, папа Павел III умер! – подвёл черту Бриссак земным метаниям бедного папы. – И только перед смертью он послал пармскому коменданту Камилио Орсини¹¹ приказ передать город своему внуку, Оттавио...

И у Понтуса, слушавшего маршала, невольно в памяти всплыла та хвостатая звезда, напугавшая всех в монастыре и унёсшая с собой вот этого папу Павла III, несправедливо жившего, о чём он тогда догадывался и что сейчас подтвердил маршал. Перед глазами у него мелькнуло и лицо «Чохоточного», его рассказы о папах...

– Пускай его судит Господь Бог за его «святые» земные дела! – сказал Бриссак. – Орсини же заявил папе, что не сможет удержать Парму в пользу будущего папы! Ситуация усугубилась тем, что кардиналы, конклав, целых четыре месяца не могли избрать нового папу! Раздор полнейший! И год назад, в феврале, избрали! И кого избрали-то? Кардинала дель

¹¹ Орсини – римский княжеский род, выдвинувшийся в XII в.

Монте! Назвался Юлием III¹²! Порочного, как и папа Александр VI!.. И он, нынешний папа, устраивает пирушки на своей вилле! Похваляется, так и называет её: «Вилла папы Юлия»!.. Чудак! Когда он был ещё кардиналом, то заметил как-то на улице Пармы бродягу с обезьяной! Тот понравился ему... Когда же стал папой – возвёл его в сан кардинала! Хм!.. Любострастный, беспечный вельможа! Тоже мне святой отец!..

Он усмехнулся снисходительно на таких «святых» из Рима.

– По его заказу известный художник, живописец, выполнил фреску «Страшного суда»!.. Микеланджело, кажется, его имя! Не без таланта! Я видел ту фреску... Она как насмешка циничных над верой простаков!.. Рим, языческий Рим, сломал хребет учению Христа! И он же, Рим, сами папы породили Реформацию! Того же Лютера, Цвингли, Кальвина¹³!.. Протестантов!.. Фернандо же Гонзага, воспользовавшись моментом, сместил Оттавио Фарнезе, захватил герцогства от имени императора Карла V...

Бриссак продолжил выступление. Теперь он перешёл к тому, что должны были сделать они в предстоящем походе. Что ждало их, чего следовало опасаться.

¹² Юлий III (1550–1555) – любострастный и беспечный вельможа, во всем подчинялся Карлу V.

¹³ Лютер Мартин (1483–1546) – деятель Реформации в Германии. Кальвин Жан (1509–1564) и Цвингли Ульрих (1484–1531) – деятели Реформации в Швейцарии.

– Как только папа Юлий взойшёл на Святой престол, то стал требовать возвратить Парму и Пьяченцу Ватикану! А чтобы вернее получить их, он повернул свою тиару в сторону императора!.. И нам придётся, скорее всего, столкнуться не только с имперцами, но и с сопротивлением папы Юлия... И я ожидаю от вас, господа, что вы не осрамите нашего короля в сражениях с имперцами! На этом у меня всё! Желаю удачи, господа!

Он распустил строй.

После, когда у них выдалось свободное время, Антуан рассказал кое-что о «нашем маршале», как его называли гвардейцы.

– Он большой любитель вольера... Но ещё больше дам! Вот они-то и прозвали его «красавчик Бриссак»!..

И Понтус и Антуан были слишком наивными юнцами и не знали, не догадывались, что это было милостью, за которую дамы заставляли Бриссака платить... Вековая мудрость гласит: не следует никогда управлять большими капитанами, которые имеют влюбчивое телосложение: Давид, Цезарь, Помпей, Митридат...

Понтус, желая поддержать разговор, вставил своё:

– Митридат тоже был «красавчиком»! Так его жена, ревнуя его, не отходила от него ни на шаг! Даже на войне! Всегда была рядом, вооружённая, как и он!

Это он вычитал в монастыре из одной книги, что хранились там в его подвалах. Заплесневелые уже, погребённые

в темноту подземелья, они умирали там безвестными, забытыми.

Антуан просветил его в этот же день и насчёт римских пап. От него он услышал, что каждый папа, как только занимал папский престол, тут же разводил кумовство. Дети, племянники, другие родственники, получали церковные должности, поместья, целые герцогства. Хотя бы тот же папа Александр VI, в миру Родригос Борджиа, у которого была куча детей, и всех он облагодетельствовал, пользуясь своей должностью папы. Он сделал кардиналом своего шестнадцатилетнего сына Чезаре, одного за другим возвёл в кардинальский сан своих двоюродных братьев. Во что это вылилось, знает вся Италия. До сих пор в Италии все вздрагивают при одном имени «святых» из семейства Борджиа... Король же Генрих II ввязался в очередную военную кампанию, воспользовавшись скандалами с папами для прикрытия своих целей, чтобы занять Неаполитанское королевство. Оттавио же Фарнезе, в пику своему тестю, Карлу V, дал согласие признать власть французской короны над Пармой, если французы освободят город от имперцев. Вот поэтому-то они, наёмники, гвардейцы короля, оказались здесь. Из них формируют вспомогательный корпус для похода в Италию...

– Про папу Александра и его сына Чезаре Борджиа в Италии ходили сплетни: папа никогда не делает того, что говорит, а его сын никогда не говорит того, что делает!.. Хм! – хмыкнул Антуан от такого каламбура. – Говорят, от

его взгляда женщины падали в обморок! — рассказывая дальше о папе Александре, съязвил он, с завистью к мужскому обаянию того.

— А тебе-то что? Ты ведь не женщина! — засмеялся Понтус.

— Да-а, монашество в тебе засело! — не остался в долгу Антуан.

* * *

Через два года Бриссак, подготовившись к военной кампании, повёл свою армию из Пьемонта, от Альп, в глубь Италии.

Армия пошла, спускаясь всё ниже и ниже, к равнине. Бриссак поехал верхом на коне впереди армейской колонны в окружении офицеров. Затем, пропустив одну или две роты гвардейцев, он почему-то пристроил своего коня рядом с ротой, в которой был Понтус, стал громко вслух рассуждать, чтобы подбодрить солдат.

— Здесь шёл когда-то, давным-давно, Ганнибал с войском! Шёл на Рим!.. Как мы сейчас! Хм! — усмехнулся чему-то он, оглянувшись назад, к горам. — Переходил тут через перевал, Чёртов, как его называли раньше! Сейчас же называют перевал Ганнибала!.. Потерял много коней, солдат и слонов... Но, несмотря на это, спустившись на равнины Италии, в течение двух лет не проиграл ни одной битвы римлянам!..

Он замолчал, покачиваясь в седле, окидывая взглядом

равнину, по которой шла его армия. Вершины гор, покрытых снегом, оставались позади. Он же спешил уйти от гор подальше засветло. Ночью их могла прихватить непогода. Здесь всё так непостоянно. Хотя и было лето, но может потянуть с гор ветер, нагонит облака, морозу, холод.

Спустившись ниже с предгорий Альп, армия Бриссака скорым маршем обошла Парму и Пьяченцу, взяла их в клещи: отрезала с севера от войск императора, с юга же, от Рима, от войск папы Юлия III. Операция была проведена мастерски. Гонзага бежал из Пармы. Теперь Оттавио Фарнезе мог вернуться во владения своего герцогства.

В этом походе, заметив способности Понтуса, его отвагу и распорядительность, Бриссак назначил его командиром роты мушкетёров, в звании лейтенанта.

– Желаю успехов, лейтенант, в дальнейшей службе нашему королю Генриху! – пожал маршал руку Понтусу, невольно отметив стройную фигуру его, ещё юнца, выправку, бросающиеся сразу же в глаза.

С этого времени он взял его под своё покровительство. И Понтус почувствовал над собой руку маршала, простёршую над ним, защищая, как будто это была рука матери, которую он уже забыл.

Здесь же, в Парме и Пьяченце, во владениях папы, как считали в Ватикане, они встретили сопротивление войск папы Юлия III, по просьбе которого сюда пришли имперские войска.

Это Бриссак предвидел. Но всё равно был обескуражен таким поворотом политики папы от его предшественника, Павла III. Начались длительные переговоры, на которые маршал обычно отправлялся с ротой мушкетёров Понтуса, которому он полностью доверял.

В Парме, сразу же после её занятия, Бриссак назначил комендантом генерала Поля де Терма, своего подчинённого. Де Терм, способный в военном деле, проявил себя также и как дипломат посланником при дворе у папы. И он принялся энергично наводить порядок в городе. Прежде всего, он распорядился установить комендантский час. Это диктовала ситуация. В городе, в правление Гонзага, который вёл себя как временщик, расцвели беспорядки, ночные грабежи.

У них же, гвардейцев короля, началась обычная служба. Почётные караулы, на площади перед дворцом герцога Пармы, Оттавио Фарнезе, парады, поездки Бриссака в Пьяченцу, куда они сопровождали его. Часто приходилось им патрулировать улицы города, случалось, что и ночью тоже.

В одну из таких ночей они, пять удалых гвардейцев во главе с капитаном, в числе их и Антуан с Понтусом, двинулись в обход улиц, при свете факелов, которые несли слуги капитана. Настроенные бодрствовать всю ночь, они, шутливо болтая, прошли одну улочку, затем другую...

И вдруг их скуку рассеял крик.

– Помогите! – вырвался он откуда-то из узкой улочки.

И тут же пресёкся, как будто был сдавлен.

– За мной! – крикнул Антуан и рванулся на этот крик, увлекая за собой остальных.

На улочке было темно: ничего не видно буквально в двух шагах. Они сунулись туда, пробежали, остановились... Их нагнали слуги... Заметались факелы от быстрого бега, разбрызгивая свет по красным лицам, разгорячённым страстью и погоней.

Но вот впереди мелькнули какие-то мужские фигуры, исчезли в темноте...

Понтус кинулся туда и тут же наткнулся на кого-то, качнувшегося к нему от стены дома. И у него на руках оказалась маленькая тоненькая фигурка. Она уткнулась ему прямо в грудь так, что он в первый момент невольным отстраняющим жестом хотел было отбросить её от себя...

– Умоляю – помогите! – вскричала маленькая фигурка.

Он же, чтобы удержать её, поскользнулся на мокрой булыжной мостовой, но устоял.

– Ты что тут пляшешь-то? – раздался рядом с ним насмешливый голос Антуана. – Держи её – и крепче, птишку позднюю! Ха-ха!..

– Ладно, будет тебе, – пробурчал Понтус, всё ещё прижимая к себе маленькую фигурку, уже сообразив, что это какая-то дама.

Подошёл к ним и капитан, обеспокоенный, что здесь что-то произошло.

– А-а! – многозначительно протянул он, разглядев в свете

факелов хорошенькую мордашку, которая всё ещё цеплялась за Понтуса.

– Да вы гляньте, гляньте: кого мы отбили-то у грабителей! – продолжал ёрничать Антуан, поддев пальцами светлые букли незнакомки.

Та же, узнав их, гвардейцев французов, и оправившись от страха, стала сбивчиво рассказывать, что на неё напали какие-то лихие молодчики...

– Да разве ходят дамы в такую-то пору? – воскликнул капитан, подозрительно оглядывая незнакомку, недоумевая, что могло толкнуть её на столь опасную прогулку по тёмным улочкам ночного города. – Вы сильно рисковали, – наставительно стал объяснять он ей. – И чтобы с вами больше ничего не случилось, дальше вас проводят наши офицеры, которые спасли вас! Понтус, Антуан, проводите синьору до её дома! – приказал он.

– Синьорина, господин капитан! – поправила незнакомка его. – А вам, сударь, я весьма признательна! – обратилась она к Понтусу. – Не будете ли вы так любезны предложить мне руку!

– Да он и так держит тебя, уже как свою! Вон как ухватил! Ха-ха-ха! – захохотал Антуан, чем-то довольный, весело блестя глазами под яркими бликами факелов.

– Господа, желаю вам спокойно провести ночь! – крикнула незнакомка оставшимся с капитаном гвардейцам.

Её фигурка, под изящным плащом, исчезла в темноте вме-

сте с Понтусом и Антуаном.

По дороге они узнали, что её зовут Мелина. Она служит у графини Мариолли. И та послала её в столь позднее время с письмом к маркизу... Тут она запнулась...

– Господа, это не моя тайна! – вскричала она, сжав тонкими пальчиками руку Понтуса так страстно, что того бросило в жар.

– Прощайте, господа! – метнулся её прелестный плащ к крыльцу дома, перед которым они остановились.

– Увижу ли я тебя ещё?! – кинулся вслед за этим плащом Понтус, когда сзади, прошипев ему что-то, подтолкнул его в спину Антуан, перестав на минуту язвить.

– Да! Непременно! – долетело до Понтуса...

И очаровательная фигурка исчезла за дверью.

– Пошли! – хлопнул Антуан его по спине и потащил назад к своим товарищам, ушедшим куда-то дальше в городские трущобы. – Ну и ягодка же! Ха-ха!.. Повезло же тебе, Понтус!

Несколько дней Понтус ходил и всё вспоминал незнакомку, прикладывал к губам её надушенный платочек, который она кинула ему в последний момент, прежде чем скрыться за дверью того дома. Туда, к тому дому, он ходил на следующий же день. Сделал это украдкой, чтобы не видел Антуан. Тот не упускал случая позубоскалить над его переживаниями.

– И что ты с ними разводишь одни любезности-то! Ха-ха! – смеялся Антуан. – Они же все мечтают о том, чтобы

кто-нибудь прижал их – и покрепче!..

– Мелина не из тех! – возражал Понтус, горячась и стараясь доказать ему, что не все женщины так испорчены, как тот думает о них.

В ответ же он видел только ухмыляющуюся физиономию своего друга.

Но в конце концов счастье улыбнулось ему. В один из таких дней он увидел Мелину, когда она выходила из того дома.

– О-о, господин лейтенант! – воскликнула она, сделав вид, что случайно заметила его, хотя видела из окна его, торчавшего на углу дома почти каждый день с той ночи.

Понтус покраснел, не зная, как ему быть, что делать. Он ещё ни разу в жизни не встречался с женщинами. И его опыт в этом был ограничен только рассказами Антуана: грубыми, скабрёзными...

Мелина предложила ему проводить её. Она идёт по поручению своей хозяйки, тут, недалеко.

– И если господин лейтенант свободен и будет так любезен, то может проводить меня...

Итак, мило болтая, она повела его с собой. Они прошли одну улицу, свернули за угол, затем прошли ещё какую-то улочку, потом ещё... Так что Понтус потерял всякие ориентиры и не представлял, куда же его затащили, когда они оказались перед дверью какого-то дома, вполне приличного внешне.

Мелина постучала в дверь. Им открыл, по виду, привратник, впустил во двор. Мелина уверенно поднялась по лестнице на второй ярус дома, стоявшего в глубине двора, прошла по галерее, открыла своим ключом дверь, вошла в полутёмную комнату. Понтус молча следовал за ней... И он оказался в будуаре, как понял он по обстановке... Мелина пригласила его за столик, стоявший посередине комнаты. Затем она принесла из соседней комнаты фрукты, вино и, не переставая что-то щебетать, наполнила бокалы...

Понтус быстро опьянел от слабого вина. Голова у него пошла кругом... Он не заметил, как Мелина оказалась у него в объятиях... В этот вечер она была прелестна!..

В полк он вернулся сам не свой. Заметив это и обо всём догадавшись, Антуан расхохотался.

– А-а, вот и наш монах! Невинность потерял! Ха-ха!..

Понтус, счастливо улыбаясь, махнул на него рукой.

Месяц с Мелиной пролетел как одно мгновение. С каждой новой встречей он всё больше и больше убеждался, что не сможет покинуть её. И он не знал, что делать. Его сердце разрывалось при одной только мысли, что с ней придётся расстаться.

И вот это время пришло. Уходя с полком из Пармы, прощаясь с Мелиной, он обещал, что вскоре вернётся к ней.

– Через год, чтобы остаться с тобой навсегда! – пылко кричал он, веря, что так и будет.

Мелина же, глядя на него, в этот раз молчала. Печальная

улыбка прорезала её милое личико. Она уже знала цену таких обещаний...

Больше они никогда не встретились.

Его роту Бриссак направил к Сиене на помощь генералу Блез де Монлюку¹⁴, горячему и вспыльчивому гасконцу.

Сам же Бриссак вернулся в Пьемонт. Туда ушёл со своей ротой и Антуан.

События же вокруг Сиены разворачивались драматически. Жители Сиены, республики, два года назад подняли мятеж против испанцев, осадили их гарнизон в крепости, и те сдались. И Сиена обратилась за помощью к Франции. Король послал туда генерала де Терма, тот занял Сиену. Затем де Терм ушёл с полками на Корсику, а в Сиену, по ходатайству королевы Екатерины Медичи, направили с армией её флорентийских родственников. В столкновении с испанцами те погибли, их армия, под командованием её дяди, генерала Петра Строщи, потерпела около городка Марциано поражение от маркиза Мариньяни, генерала имперцев.

Строщи же в послании к королю сообщил, что не может противостоять противнику и отстаивать Сиену, и он умоляет его выбрать кого-нибудь другого, чтобы доверить тому защиту Сиены. Вот после этого-то, в середине июля 1554 года, Монлюк получил курьером указ короля, в котором тот

¹⁴ Монлюк Блез де Монтескью (ок. 1499–1577) – французский полководец, участник Религиозных войн, оставил интересные Комментарии событий 1521–1574 гг.; маршал Франции с 1574 г.

своей волей назначил его управляющим Сиены. Не откладывая, Монлюк нашёл Строцци и уехал с ним, чтобы прибыть в удобное время в Сиену.

Там их встретил де Лансак, временно управляющий городом. Он сообщил им, что по прибытии в Сиену итальянцев из армии Строцци и «серых», как называли здесь французов, произошла стычка в святом Затворнике, монастыре карликов, которые не любили французов. Но он успокоил монахов, заверив их, что французы пришли защищать город и не тронут монастырей. Маркиз же Мариньяни стоял основным лагерем во дворце Дьявола. Сегодня утром, оставив во дворце своих итальянцев, всех испанцев и с ними немцев, маркиз ушёл с отрядом к святому Затворнику, чтобы атаковать капитана Варфоломея Пезере, которого Строцци ранее послал с его командой защищать монастырь.

Получив эти сведения и сведения о положении вокруг Сиены, Монлюк решил собрать обломки армии Строцци и защищать это место. И Строцци подвёл свою армию и расположил лагерь между крепостными Девятыми и Туфовыми воротами Сиены, в красивых её пригородах.

* * *

Вот в это время Понтус и подходил к Сиене со своими рейтарами. Подходил он осмотрительно. Дозорные донесли ему, что маркиз Мариньяни стоит по дороге во Флоренцию.

– Примерно с миллю от Сиены! – доложил старший дозора.

И Понтус свернул в сторону, пошёл в обход армии маркиза. Проводник, итальянец, провёл их известной ему дорогой, минуя местность, контролируемую имперцами, их сторожевые посты из испанцев и немцев.

О том, что Бриссак послал помощь, Монлюку уже сообщили. И при подходе к самому городу роту Понтуса встретил разъезд генерала, высланный навстречу им.

В этот же день Понтус представился генералу, увидел того, о ком говорили многие во французской армии. Его уже кое о чём предупредили, но всё равно странно было увидеть генерала с кожаной маской, обтягивающей ему лицо. Но он не подал вида, что это заинтересовало или удивило его.

– Найди капитана Шарри! Передай от меня, что ты будешь под его началом!.. Дуй, молодец! – грубовато похлопал генерал его по плечу.

Рука у него оказалась жёсткой, шершавой и сильной.

«Не то что у Бриссака!» – невольно мелькнуло у Понтуса...

Он нашёл капитана Шарри, сказал, что его послал Монлюк к нему в команду.

Капитан подал ему руку и спросил почему-то не то, что ожидал услышать Понтус:

– Тебя не удивила его маска?

Понтус сказал, что нет, глядя на белобрысого капитана, похоже, откуда-то с севера.

– Ну и ладно! – ответил капитан на свой же вопрос.

Затем он объяснил, что они защищают форт Камолия, где нужно ему, Понтусу, расставить на защиту форта своих солдат. И он поручил своему помощнику, капралу, бледного вида малому, проводить солдат Понтуса на двор, где они будут стоять постоем и где их будут кормить. Самого же его он ещё задержал.

– Часть своих людей пошлѐшь на защиту женского монастыря Делла Мурате, – распорядился капитан. – Да, кстати, в том монастыре жила три года Екатерина Медичи! Так что накажи своим солдатам не шалить там!

Понтус сказал, что будет следить за этим.

– Ты откуда? Англичанин? – спросил он своего нового командира.

– Шотландец!..

Так они познакомились ближе.

И капитан, поняв, что перед ним свой парень, рассказал сплетни о том, как назначали управляющего Сиеной.

– Когда Строцци уверил короля, что он не может противостоять противнику и защищать Сиену, то король, не откладывая, запросил коннетабля Монморанси¹⁵, Франсуа де Гиза¹⁶ и маршала Сен-Андре, чтобы каждый из них назвал

¹⁵ Коннетабль – во Франции с XII в. военный советник короля, начальник королевских рыцарей, с XIV в. главнокомандующий армией. В описываемое время коннетаблем был Монморанси Анн (1493–1567) – герцог (1551), маршал Франции (1522), коннетабль (1538).

¹⁶ Гизы – французский аристократический род, боковая ветвь Лотарингского

того, кого считает подходящим для этого дела. И каждый из них назвал своего... Тогда король написал им: «Вы не называли Монлюка!» Де Гиз на это ответил: «Я не знаю его совсем... Но если вы назначаете Монлюка, я молчу и не буду говорить больше о том, кого назвал я. Но моего также назвал и маршал Сен-Андре!»... Тогда коннетабль написал королю, что Монлюк не подходит для такого дела, что он отсталый, невыдержанный и злой. Король запальчиво ответил на это, что он каждый день имеет дело с такими, злыми и отсталыми: «Вы плохо использовали его!» Франсуа де Гиз и маршал Сен-Андре написали также королю, что Монлюк уже управлял городком Монкальери, в провинции Альби! И если бы он был так уж плох, то маршал Бриссак не доверял бы ему... Коннетабль же упёрся, стал возражать ещё сильнее!..

– Почему он так?! – вырвалось у Понтуса, с юношеской непосредственностью встающего на сторону того, с кем несправедливо поступают.

– Монморанси хотел, чтобы управляющим Сиены был назначен его племянник, адмирал Гаспар Колиньи¹⁷... Но король разорвал это препирательство и послал сообщение Бриссаку, чтобы тот отправил Монлюка в Авиньон, куда прибудет посыльный дворянин с королевским указом ему идти к Сиене.

герцогского дома. Франсуа де Гиз (1519–1563) – прославился обороной Меца от войск императора Карла V (1552) взятием у англичан Кале (1558).

¹⁷ Колиньи Гаспар де Шатильон (1519–1572) – с 1552 г. адмирал Франции, с 1569-го глава гугенотов, убит в Варфоломеевскую ночь.

Капитан рассказал ещё, как Монлюк, придя с полком в Сиену, выступил с пламенной речью перед горожанами, напомнил им свидетельство их приверженности, которую они давали Франции ещё при королях Карле VIII и Луи XII.

– Вы хотите потерять свободу! Снова попасть под ярмо императора Карла?! – со страстью бросал он в толпу, этот солдафон, как окрестили его в верхах французского общества. – Я, генерал Монлюк, обещаю не оставлять вас! Защищать этот город до последней крайности!..

Он был сражён сам влиянием своей речи на горожан, особенно на женщин из высшего сословия, элегантно одетых, похожих на сказочных нимф... Тут же они предложили ему свою службу по ремонту насыпей и укреплений. Для этого не хватало мужчин, те вступили в ополчение, настроенные воевать. И он разделил женщин на три отряда, во главе поставил дам первого ранга. Они же, знатные синьоры, выбрали каждая свою особенную форму одежды. Так, синьора Фортегужерра, с боевой группой взрослых женщин, остановилась на фиолетовом цвете. Синьоре Пикколомини, с теми, которые отличались красотой, понравился алый цвет одежды. В группе же синьоры Ливии Фаусты вошли совсем ещё юные дамы, они предпочли белый цвет... И этот спектакль под открытым небом взволновал всех, появилось желание победить, выдержать осаду имперцев.

И Понтус действительно увидел как-то раз на улицах Сиены женщин, всех в алой одежде, с лопатами и кирками ша-

гающих строим куда-то, похоже, на работу...

На следующий день по городу пронёсся слух, что Монлюк заболел, внезапно и сильно. Полномочия же по защите города он передал своему помощнику – сеньору Корнелию. Доктор, осмотревший генерала, безнадёжно махнул рукой... Горожане, простые и знатные, приуныли...

Монлюк болел недолго, но тяжело. Поднявшись, он притащился сначала в кабак.

Кабак оказался набит офицерами. Они пили, собираясь затем идти по шлюхам. При виде генерала они вскочили со своих мест, приветствуя его.

Монлюк бесцеремонно подвинул одного из них на лавке.

– Дай место старикам!..

И он, всё ещё слабый, тяжело плюхнулся на лавку.

Офицеры снова сели за стол.

– А-а, земляк! – меланхолично заметил Монлюк, увидев рядом на лавке Понтуса, вспомнив, что тот, когда представлялся ему, сказал, что он родом из Лангедока.

Генерал, собирая вокруг себя офицеров, дворян, наставлял их, юнцов, когда начинал нравоучительную речь в кабаке, сидя вместе с ними за вином или кружкой пива.

– Служить своему королю, а не бегать за каждой юбкой! Бабёнкой, курвой первой!.. Курятник до добра вас, петухов, не доведёт!.. Хм!..

И Понтус понял, что это камень и в его огород.

Генералу было уже далеко за пятьдесят. Но он, сильный,

жилистый и грубый, беспокойный и неприхотливый, как бездомный пёс спал и ел где придётся, месяцами не снимал доспехи. И он очень не любил, когда молодые офицеры говорили непочтительно о прошлом, о рыцарях. И обычно тут же осаживал их:

– Не шевели зря костей предков!..

С особым восхищением говорил он о Баярде¹⁸. И больше всего он возмущался тем, что его кумира, рыцаря без страха и упрёка, убили каменной пулей из аркебузы¹⁹... И обе армии остановили тогда сражение, чтобы похоронить Баярда... И это было, по его мнению, высшей почестью герою... В той битве в Италии, при реке Сезия, участвовал и он, Блез де Монлюк, тогда ещё сопляк, как говорил сейчас он про себя, пересыпая свой рассказ ругательствами в адрес тех трусов, которые стреляют из ружей, убивают издали героев...

Затем следовала тирада о прыщавых юнцах, о нынешних капитанах.

– Сейчас звание капитана стали давать всякому шалопаю! – заключал он чем-нибудь вроде такого, сожалея об ушедших временах, о благородных рыцарях.

Он помедлил, сообразив, что ляпнул по-солдатски не то вот при них, при младших офицерах.

– Господа, это к вам не относится! – поправился он.

¹⁸ Баярд (погиб 30 апреля 1524 г., Италия) – французский рыцарь, известный как «рыцарь без страха и упрёка».

¹⁹ Аркебуза – старинное фитильное ружьё.

«Этот, как и папа Юлий, наломает дров! Точнее, переломает многим кости!» – пронеслось у Понтуса.

– Гугеноты²⁰? Они – враги нации! – заявлял безапелляционно Монлюк, когда разговор заходил о политике.

Рассказывая что-нибудь, он обычно горячился, сверкали белки глаз из-под его чёрной кожаной маски. Эту маску он снимал редко. Его изуродованное, покрытое боевыми шрамами лицо выглядело ужасно, отталкивающе...

– Мы, Монлюки, из фамилии Монтескьё д'Артаньянов, известны всем в провинции Гиень, что рядом с Гасконьей!.. Но что дала нам знатность и известность? Да ничего! – воскликнул генерал, грубо оттолкнул от себя кабатчика, подошедшего к нему, чтобы наполнить его пустую кружку. – В семье десяток ртов, таких как я! А денег – кот наплакал! Всего одна тысяча ливров²¹ дохода!.. Вот я и ушёл на службу, как только чуть-чуть подрос!..

Понтус подумал, что и он сам из такой же семьи, как и генерал.

– У меня есть брат, Жан! Младше меня на год! – продолжал генерал. – Тоже рано ушёл из семьи!.. Сейчас он епископ! Служит при дворе у Екатерины Медичи в советниках!.. Умный – ужас! Но дохляк, «Хромоножка»! В детстве покалечился! Когда мы играли в рыцарей, на скотном дворе, он упал с крыши сарая и сломал себе ногу!..

²⁰ Гугеноты – сторонники кальвинизма во Франции в XVI–XVIII вв.

²¹ Ливр – старинная французская мера веса, равная 489,5 г.

«Они, гасконцы, все хвастуны!» – вспомнил Понтус, как говорили о соседях в его родном Лангедоке...

К новому году в городе начался голод.

Монлюк же потребовал себе на одной из встреч с городской верхушкой диктаторских полномочий.

– Чтобы справиться со сторонниками императора! Они передают в лагерь маркиза всё, что происходит в городе! Избавиться надо и от дармоедов, которые не хотят работать на земляных брустверах, а только жрут! Надо выгнать их из города!.. Кроме того, собрать всё продовольствие в одно место, приставить охрану и выдавать только по списку тем, кто трудится на защите города! Для проведения этих мероприятий, строгого наказания ослушников, прошу диктаторские полномочия на три месяца!.. И я клянусь погибнуть с вами, кого обязался защищать!..

Получив эти полномочия, он сразу же составил список дармоедов, как выражался он, не стесняясь присутствия городских властей. И он выгнал из города первые две с половиной сотни всех без исключения стариков, детей и женщин. В ответ на это он получил от Строцци письмо, в котором тот отговаривал его от таких крутых мер.

Он же, восхищённый энтузиазмом первых синьорин города, набросился с упрёками на городские власти.

– Берите пример с этих синьорин! – повторял он теперь при всяком удобном случае.

В городе тем временем пошли глухие слухи, угрозы дво-

рян в адрес его, генерала. И это остановило его от дальнейшего очищения города от дармоедов... Свои диктаторские полномочия он успешно использовал в ином деле: в городе выловили всех сторонников императора.

Маркиз же Мариньяни отказался от штурма, когда ему донесли об энтузиазме жителей Сиены, их решимости защищаться. В январе он подвёз артиллерию и разместил её на маленькой горе, между воротами Овилле и большим монастырем... Начался обстрел Сиены...

В конце зимы из Рима пришло известие о скором заключении мира.

Пришло ещё известие, что король приказал Бриссаку помочь Монлюку. К этому времени уже была сокращена выдача хлеба до двенадцати унций солдатам и жителям города.

Как-то в начале марта к Монлюку на двор, где он стоял с командой верных ему солдат и офицеров, пришли большие правители, городская власть.

Он принял их, сели за стол. Он предложил им вина.

– Не до того! – вздохнули делегаты.

Затем старший синьор объяснил ему повод их прихода.

– Господин генерал, мы не видим выхода из сложившейся ситуации... В городе голод, болезни! Маркиз Мариньяни полностью блокировал нас!.. А ты, генерал, не имеешь возможности как-то изменить положение... Король Генрих так и не прислал никакой помощи! Поэтому разреши нам хотя бы выслушать требования маркиза!..

Монлюк насупился. Люди уже не верили ему. Сверкнули его глаза под маской, которую он надел перед их приходом, чтобы не пугать лишний раз и без того напуганных людей. Он болезненно переживал, что горожане разочаровались в нём.

– Хорошо! – согласился он. – Только не упоминайте мое имя в договоре о капитуляции!..

Посетители ушли. Но они снова обратились к нему, вынужденно, при заключении договора о сдаче города, поскольку военное положение в городе и за его пределами знал только он.

И генерал впрягся в переговорный процесс, думал только об интересах города. Он добился, чтобы в договор внесли условие, чтобы те, кто не желал быть под властью императора, могли свободно уйти в Монтальчино, крепость в гористой местности южнее, находившуюся под защитой французов. Посредником на переговорах, гарантом, выступил папа Марцел II²², только что избранный на Священный престол девятого апреля. Шёл 1555 год.

За две недели согласовали условия сдачи Сиены. Прежде чем покинуть город, Монлюк передал крепость и форт Камолия в руки городских властей.

Французский гарнизон покидал город без капитуляции.

На прощание Монлюк сунул Понтусу флягу с вином.

– У меня его много! Горожане дали... – отвёл он в сторону

²² Марцел II – римский папа с 9 апреля по 2 мая 1555 г.

глаза.

Это вино у него было последнее. Врать же он не умел.

Понтус растерянно уставился на него, не зная, что сказать.

Генерал обнял его:

– Иди, смелей, мальчик! – И слегка подтолкнул в сторону его рейтар, которые уже садились на коней. Некоторые из них, безлошадные, готовились топтать пешком. Своих лошадей они, голодая, съели ещё зимой.

Понтус выехал с рейтарами за стены крепости, оглянувшись, посмотрел на город, который, возможно, уже никогда не увидит снова.

Подходил к концу апрель, двадцать второе число, воскресенье, тепло, весна была в разгаре. Кругом всё зеленело, душа просила красоты, любви, спокойствия, а тело – отдыха.

Эта защита города наложила первый рубец у него на сердце.

Со своими рейтарами он ушёл на север, в Пьемонт.

Часть армии перешла в Монтальчино.

Монлюк же отправился на встречу с маркизом Мариньяни.

Понтус слышал, уже позже, что после того генерал ушёл дорогой на крепость Арбие, затем в Монтальчино, где его ожидал Строцци. Оттуда уже он уехал в Рим, чтобы передать Сиену папе Марцелу как посреднику на переговорах присутствовать при подписании всех документов.

Не знал Понтус, хотя и Монлюк тоже, но тот, может быть,

догадывался, что только что они были участниками и свидетелями провала далеко идущих планов королевы Екатерины Медичи. Это она уговорила своего супруга, короля Генриха II, послать армию Строцци за Альпы, на помощь Сиене, провозгласить права на Тоскану её, внучки Медичи Лоренцо Великолепного. Она надеялась, что Тоскана, восставшая против испанцев, освободившись от испанского повода, станет апанажем²³ для её любимца, сына Александра²⁴, родившегося четыре года назад, как раз в тот год, когда Понтус бежал из монастыря.

* * *

Понтус и Антуан снова встретились.

– А-а! Оставь! – безнадёжно махнул рукой Понтус, когда Антуан стал расспрашивать его об осаде Сиены.

Но он сообщил ему, что там, в осаде, в их армии появились больные, с позорной болезнью, французской...

– Болезнь французская?! – съязвил, как обычно, Антуан, удивлённо вытаращив на него глаза. – Эту болезнь можно подхватить только здесь, в Италии! В том же Риме! Ты что,

²³ Апанаж (*франц.* аранаге) – земельные владения, предоставляемые младшим членам княжеских семей, некоронованным членам королевских фамилий в Европе; удел.

²⁴ Александр (назван при рождении) – впоследствии Генрих, будущий французский король Генрих III с 1574 г.; король Польши в 1573–1574 гг.

не слышал, что неаполитанская²⁵ она! – категорически отмёл он обвинение в адрес своей нации...

И вот они, офицеры, и Понтус в их числе, снова предстали перед Бриссаком.

Полгода осады в Сиене сказались на Понтусе.

Бриссак встретил его радушно.

– Вот теперь ты стал опытным офицером!.. Голодали? – спросил он.

Понтус смешался от такого внимания маршала, пробормотал, что да, было...

В начале мая вернулся из Рима Монлюк. На встрече с офицерами он поделился тем, что увидел в Ватикане. Там, в Ватикане, он был свидетелем смерти папы Марцела II. Сменив Юлия III, новый папа правил только двадцать два дня.

– О нём говорят, что он был чересчур порядочный! – стал рассказывать подробности Монлюк на совещании офицеров у Бриссака. – Он оказался случайно на этом месте! С характером был!.. Стал ломать круговую поруку в церковных верхах, тягу их к наживе!.. Первые святые папы не имели ни почестей, ни богатств!.. Затем императоры и короли испортили их, когда стали дарить им огромные богатства! Современным же папам всё мало, когда видят, как вокруг епископы и кардиналы наживаются, щеголяют друг перед другом замками и дворцами, стали недоступны своей пастве...

Он тяжело вздохнул: ему было жаль этого папу.

²⁵ Неаполитанская болезнь – сифилис.

– В Риме пошли слухи, что его отравили, – заметил он в конце своего выступления.

Один из офицеров спросил его, кто бы это мог быть.

– Возможно, кто-то из своих же, церковников...

Понтус же вспомнил, что рассказывал ему «Чахоточный» о папе Александре VI. Того тоже отравили, похоже свои же, кто-то из ближних кардиналов или семейные; подозревали даже его сына – Чезаре Борджиа.

Монлюк уехал в Марсель, оттуда в Париж.

Вскоре стало известно, что там его принял король, вручил ему орден Святого Михаила за мужество при защите Сиены, за то, что не капитулировал перед имперцами, выдал ему ещё и пенсию...

Двадцать третьего мая 1555 года на папский престол был избран Павел IV²⁶. Это был старик семидесяти девяти лет, неаполитанец, Джампьетро Карафа, с ещё не отпылавшими страстями, монах театинского²⁷ ордена, архиепископ Неаполя и кардинал, глава верховного инквизиционного трибунала в Риме. У него была тоже слабость: он ненавидел испанцев больше, чем протестантов, евреев и мавров, вместе взятых.

– Этот станет откручивать головы! – высказался вслух даже всегда сдержанный и смелый Бриссак как-то на совещании офицеров.

²⁶ Павел IV (Джампьетро Карафа) (1476–1559) – папа римский с 1555 г.

²⁷ Театинский орден (1524) – назван по родному папе Павлу IV городу Кieti (древнее название Теате).

Офицеры вопросительно посмотрели на него.

– Он хлещет крепкий ром, как заправский шкипер²⁸! Хм! – ухмыльнулся маршал, давая понять, мол, что ещё можно ожидать от такого «святого»...

Новый папа не заставил себя долго ждать, проявил себя сразу.

В Риме, напуганные размахом протестантизма, стали искать своего врага... Подозрение пало на Библию...

– Евреи неверно объяснили христианам смысл Старого Завета! – простая мысль пришла мыслителям из Рима...

И папа Павел IV приказал вешать, немедленно и без пощады всякого, кто, не будучи евреем, будет застигнут в гетто²⁹ или на улице, ведущей в этот проклятый квартал Рима.

– Опять евреи виноваты! – вскричал, скоморошничая, Антуан. – Понтус, отсюда надо бежать! Здесь скоро будет горячо!

– Но ты же не еврей!

– Достанется и нам! Поверь, как только иезуиты разойдутся!.. К тому же ты альбигоец³⁰! Почти что гугенот!.. Враг

²⁸ Шкипер – капитан коммерческого судна.

²⁹ Гетто (*ит. ghetto*) – часть города, отведённая для принудительного поселения людей, дискриминируемых по национальному, расовому или религиозному признакам. Первоначально это была часть христианского города, отведённая для проживания евреев.

³⁰ Альбигойцы – французское название приверженцев манихейской ереси катаров, распространённой в XI и XII веках во Франции, северной Италии и западной Германии. Название происходит от города Альби в Лангедоке, одного из

Церкви!..

Антуан, как всегда, язвил напрапалую. Он был умён, от этого страдал.

– Свою голову надо иметь на плечах! Кто их обманул-то?! Ха-ха!.. Глупцу ведь легче на земле живётся! – продолжал он язвить.

Он часто попадал в какую-нибудь неприятность из-за своего длинного языка.

А тут ещё стала известна тронная речь нового папы. Тот клялся, что будет усердно заботиться о преобразовании Церкви... Кто-то из кардиналов, на собрании консистории³¹, предложил ему начать преобразование с самих себя... И папа ухватился за эту мысль...

– Это как же?! Ха-ха! – засмеялся Антуан, когда это дошло и до них, до низов. – Вытащить самого себя за волосы из болота, что ли? Ха-ха!..

Он стал злословить над этим.

Понтус, слушая его, подумал, что Антуан никакой не еретик.

– Ты просто ещё язычник!..

наиболее крупных центров ереси.

³¹ Консистория – место собрания, совет.

Испанский король Филипп II³², обеспокоенный вмешательством Франции в испанские провинции в Италии, назначил наместником Милана герцога Альбу³³ и приказал ему смирить строптивого папу, предававшего анафеме всю испанскую нацию... Уже в сентябре 1556 года Альба двинулся с армией против папских владений.

В это же время, в сентябре, стало известно, что король Генрих тоже направил в Италию армию под командованием Франсуа де Гиза, но на помощь папе. Де Гизу было предписано тайным приказом короля войти в Папскую область³⁴, затем вытеснить герцога Альбу из Неаполитанского королевства...

– Сюда идёт с армией в двадцать тысяч Франсуа де Гиз! – сообщил им, офицерам, де Бриссак. – А уж он-то надерёт задницу герцогу Альбе!..

Через месяц, в октябре, Бриссак уехал в Париж. Нашёлся и предлог – по делам службы. Оттуда он вернулся в конце

³² Филипп II (1527–1598) – испанский король с 1556 г., из династии Габсбургов.

³³ Герцог Альба Фернандо Альварес де Толедо (1507–1582) – испанский полководец и государственный деятель, ярый враг Франции.

³⁴ Папская область (Церковная область) – теократическое государство в 756–1870 в средней Италии, возглавлявшееся римским папой.

ноября.

Они же, Понтус и Антуан, знали от здешних офицеров сплетни о Бриссаке. В прошлом Бриссак был любовником герцогини Дианы де Пуатье³⁵, фаворитки короля Генриха. И вот он, де Бриссак, делил с королём постель Дианы. Диана была уже в годах: на двадцать лет старше Генриха и на шесть лет старше Бриссака. Её молодость отошла в былое, а красота осталась. И она, по природе волевая, руководила королём с неограниченной властью. Да и других не обходила своей благосклонностью. И король спровадил, из ревности, шесть лет назад Бриссака от двора подальше, в Пьемонт, сюда, назначив управлять этой провинцией в звании вице-короля, стараниями той же Дианы... На это же место коннетабль Монморанси метил своего племянника, адмирала Гаспара Колиньи, но проиграл Диане. Принц же Мерфи, маршал, занимавший должность вице-короля Пьемонта, старый и немощный, вернулся во Францию и там умер. Бриссак немедленно послал своего порученца к королю: от короля тот вернулся с патентом маршала на освободившуюся вакансию, к чему приложила свою руку Диана... Сейчас же Бриссак ездил в Париж просить солдат и денег для выплаты жалованья, чтобы набрать ещё наёмников, после этой военной кампании де Монлюка. Прежняя страсть между Дианой и им всколыхнулась, заставила короля вновь испытать

³⁵ Герцогиня де Валантинуа (Диана де Пуатье) – известная фаворитка короля Генриха II.

ревность. Его «маленький гарем», как шутливо говорил он о своих любовницах, оказался под угрозой. И он поспешил снова спровадить «красавчика» Бриссака туда же, в Пьемонт. Ещё до приезда Бриссака у него произошла размолвка с Дианой, и чтобы загладить её, он подарил ей перстень. После же отъезда Бриссака он, собираясь с Дианой в театр, попросил её надеть тот перстень. Диана стала искать перстень, спросила камеристку... А та, не предупреждённая ею, сказала, что видела перстень дня четыре или пять назад... Это время совпадало с отъездом Бриссака... Король догадался, что Диана подарила «красавчику» перстень, и очень расстроился...

Разобравшись, что произошло здесь в его отсутствие, Бриссак, выбрав время, вызвал к себе Понтуса. Он и раньше не раз делился своими соображениями с ними, офицерами, о том, что здесь, в Италии, их военная кампания затянулась, она не так важна для Франции. К тому же герцог Альба хороший полководец. Он не отдаст просто так Неаполитанское королевство.

– Сейчас более опасно наше положение на северной границе, с Нидерландами, которые в руках у испанцев!.. И там же англичане! У них наш порт Кале, вот уже более двухсот лет! Единственный на материке, с него удобно пакостить нам! И англичане будут за него всячески держаться!..

И он предложил ему, Понтусу, вернуться во Францию.

– Пойдёшь там, в Пикардии, под начало адмирала Коли-

нии! Там нужны сейчас такие, как ты! Адмирал стоит близ Сен-Кантена, в Амьене³⁶! Я дам рекомендательное письмо к нему!.. Не возражаешь? – спросил он его.

Понтус охотно согласился.

– Тогда я произвожу тебя в капитаны! Чтобы ты мог так представиться адмиралу! Ты достоин этого звания!.. С Богом, капитан де ла Гарди!

Так в очередной раз изменилась судьба Понтуса. Ему было всего двадцать лет. Воспользовавшись предложением Бриссака, он сманил за собой и Антуана, такого же юнца, неисправимого балбеса.

«Эх! Мелина, Мелина!» – пронеслось у него в голове...

Но теперь ему было не до неё.

³⁶ Сен-Кантен – крепость на севере Франции, в Пикардии. Амьен – главный город Пикардии.

Глава 3. Нострадамус

Выбираясь из Италии домой, во Францию, Понтус и Антуан обошли Альпы дорогой у моря, с двумя ротами солдат, которых Бриссак послал на помощь адмиралу. На пути, через провансальскую степь, они встретили маленький городок Салон-де-Кро. Пытаясь найти хоть какой-нибудь фураж своим отощавшим лошадам, совсем заморившимся в дороге сейчас-то, поздней осенью, они обегали весь городок. Но здесь, в засушливом Провансе, оказалось сложно что-либо найти... Пасмурно, холодно, сухая осенняя степь... Унылый вид... Подходил к концу 1556 год.

От безысходности, паршивого настроения, они потащились на постоялый двор, где был трактир. Там они выпили вина, отогрелись. Антуан, как всегда, стал ругаться. Но злость на тяготы пути и на этот убогий городок не проходила.

И они пристали с расспросами к трактирщику, где можно купить овёс для лошадей.

Трактирщик показал на глухой забор, видневшийся через окно трактира, посоветовал постучать в ворота, спросить хозяина.

Оставив солдат пьянствовать в трактире дальше, они пошли туда, куда им указал трактирщик.

Им открыли ворота. Вышел седовласый старик, внимательно посмотрел на них:

– Гвардейцы?

– Да!

– Мишель! – представился он, поклонившись.

Понтус и Антуан объяснили ему свои проблемы.

Выслушав их, старик пригласил их зайти к нему в дом.

Дом, как сразу же поняли Понтус и Антуан, был наполнен людьми, семьёй вот этого старика, хотя, на первый взгляд, никого не было видно.

В одной из комнат, мимо двери которой они прошли, мелькнула стройная девица...

Старик провёл их в просторную комнату, скудно обставленную мебелью. В ней сразу же бросался в глаза большой массивный стол, а на нём треножник неизвестного назначения, какие-то бумаги, книги, старые и ветхие. И там же были перья, чернильница. Стоял на столе ещё металлический тазик, похоже, из мягкого металла, поскольку края его были помяты, и сильно. И здесь же, в комнате, находился странный, даже по виду очень тяжёлый стул, зачем-то сделанный из бронзы. Вблизи же окна, закрытого прозрачной занавеской, на невысокой подставке была закреплена астрономическая труба.

Такую Понтус уже видел в той же Парме, в одном из залов дворца Фернандо де Гонзага, когда они, гвардейцы Бриссака, заняли тот дворец. Фернандо же, ходили слухи, увлекался астрономией, точнее астрологией, под влиянием какого-то астролога... И Понтус подумал, что с такой трубой можно

было бы рассмотреть ту косматую звезду, напугавшую монахов в его родном монастыре...

Здесь, в этой комнате, старик ненадолго задержался, словно хотел, чтобы они оценили его род учёных занятий. Затем он пригласил их дальше. И они оказались в небольшой гостиной.

И тут же в гостиную вошла дама, довольно молодая. По тому, как она вошла, как встретил её старик, сразу стало ясно, что это его супруга. Она была намного моложе его.

– Мишель, пригласи молодых офицеров за стол! – укоризненным взглядом посмотрела она на супруга.

Старик велел слугам накрыть стол, пригласил к столу Антуана и Понтуса.

Пришёл молодой человек, поздоровался с гостями кивком головы, тоже сел за стол.

– Чезаре, мой сын! – представил старик гостям этого юношу.

Молодой человек, посидев немного для приличия, бесшумно исчез из комнаты, так же, как появился.

Хозяин, извинившись за назойливость, поинтересовался у Антуана и Понтуса, куда они, гвардейцы короля, сейчас направляются.

– На север Франции, – неопределённо ответил Понтус.

Старик внимательно посмотрел на него, на Антуана, ничего не сказал. Затем он угостил их вином, сказав, что это вино из его собственного виноградника.

Они не отказались.

У этого старика, как оказалось еврея, они купили немного овса. Всего десяток мешков, весом по тридцать пять гарнцев, по двадцать восемь су за мешок³⁷. Чтобы помочь им, старик указал им несколько дворов, где можно было купить ещё овса.

– Сена же не найдёте! – сообщил он.

Понтус прикинул, что этого овса, из расчёта шесть гарнцев на коня в день, хватит на половину роты и всего-то на один день... Это было мало, слишком мало...

В конце этой необычной для Понтуса и Антуана встречи старик что-то пробормотал. Затем он повторил громко, глядя на них:

– Большой город был штурмом взят ночью, охрану захватят врасплох: заставы вблизи Сен-Кантена и посты перебиты, а главные ворота открыты.

Антуан недоумённо посмотрел на старика.

– Откуда вы знаете, что мы едем в Сен-Кантен?! – звонким голосом, с пронзительной ноткой, вырвалось у него.

Старик же смотрел на него и молчал.

– Кто вы?! – вскричал и Понтус, тоже удивлённый тем, что услышал.

³⁷ Гарнц (гарнец) – мера емкости для жидкости и сыпучих тел (равная $\frac{1}{64}$ четверти, четверть в середине XVI в. = 4 пуда). Су (*фр. sou*) – французская монета (сначала золотая, затем серебряная и медная), равная $\frac{1}{20}$ ливра.

– По латыни меня часто называют Нострадамус³⁸, – стал любезно объяснять старик ему. – Но, капитан, как вам будет угодно, так и обращайтесь! Я человек маленький, астролог! Ведаю той частью знаний, которую именуют как личность...

Понтус и Антуан ушли от этого старика озадаченными.

– Чудаковатый старичок! К тому же рифмоплёт! Ненужных знаний сочинитель! – стал издеваться Антуан над астрологом, когда они вышли из его дома.

– Вот и сказал бы ему это! – вспыхнул Понтус, чувствуя какую-то недосказанность во всём, что произошло с ними.

– И скажу! Скажу! – закипятился Антуан, обозлённый на предсказание астролога.

Он стоял, кричал, но не двигался с места. И по его виду было заметно, что он, всегда балагуривший и ни во что не веривший, чего-то испугался после посещения вот этого странного старика.

³⁸ Нострадамус (1503–1566) – знаменитый астролог, врач французского короля Карла IX.

Глава 4. Сражение за Сен-Кантен

Поздней осенью, в конце октября 1555 года, в аббатстве Восель, в округе Камбре, собрались на очередную встречу уполномоченные с французской стороны и со стороны императора, чтобы провести, как обычно, переговоры о размене пленными.

Вместе с адмиралом Гаспаром де Колиньи, губернатором Пикардии и главой французских уполномоченных, туда же приехал Себастьян де ла Обсин, назначенный ему в помощники королём Генрихом. Эмиссаров со стороны императора, Кален и Симона Ренара, адмирал знал в лицо: встречался уже раньше на таких же переговорах о размене пленных. Поэтому к делу приступили сразу, уже уверенные, что можно ожидать от партнёров. И там, в разгар переговоров, Колиньи получил неожиданное полномочие: заключить мирный договор с императором. С этим полномочием от короля Генриха пригнал особый гонец из Парижа. Колиньи сразу догадался, что это инициатива коннетабля Монморанси, его дяди со стороны матери, Луизы де Монморанси, родной сестры коннетабля. Хлопотала о мире между королём Генрихом и императором также и английская королева Мария³⁹, супруга испанского принца Филиппа.

³⁹ Мария Тюдор (1516–1558) – королева Англии с 1553 г., первая супруга испанского короля Филиппа II.

«Монморанси – старый миротворец!» – с лёгкой иронией пронеслось у Колиньи, вообще-то, искренне и глубоко уважающего своего дядю, покровительствующего ему.

Теперь предстояло вести переговоры об ином деле. И они, переговорщики, прервав заседания, разъехались. Через две недели, уже в ноябре месяце, они собрались всё на том же месте для переговоров уже о мире.

Составили проект условий мирного договора.

Симон Ренар зачитал условия договора на французском языке, затем на немецком. Всё вроде бы было ясно. Но когда приступили к обсуждению конкретно каждой статьи договора, сразу всплыли разногласия сторон. Имперцы поставили первым условие разрыва союзного договора французской стороны с папой Павлом IV.

Колиньи, уполномоченный королём не вступать в переговоры по этому вопросу, отклонил этот пункт.

Дальше споткнулись обе стороны, в разногласиях, по поводу Пармского герцогства и Пьяченцы. Французская сторона имела на эти герцогства свои виды. Король Генрих, ободрённый успехами в северной Италии того же Бриссака, считал их уже своими. Парма перешла Оттавио Фарнезе, а тот признал над Пармой власть французского короля...

Потратив несколько дней на дебаты, они пришли к мнению о невозможности заключить желаемый мир.

Колиньи тяжело переживал, раздражённый на самого себя, что не добился того, что хотел король, не оправдал его

доверие. И тот же коннетабль Монморанси будет недоволен им тоже...

Поэтому в середине декабря начались переговоры уже не о мире, а только о перемирии. Съехались тем же составом с обеих сторон. Два месяца переговоров не дали ничего. И только пятого февраля 1556 года заключили перемирие, всего на пять лет.

Затем адмирал поехал в Брюссель, присутствовать там при утверждении договора императором Карлом V и его сыном Филиппом, только что ставшим испанским королём Филиппом II: в середине января император уступил Филиппу Испанию и все испанские владения... Ударили жестокие морозы. И адмирал, добираясь до Брюсселя, чуть было не обморозился в дороге, хотя ехал в крытом возке, укутавшись в шубу на собольем меху, подаренную королю Генриху московским Грозным царём. Одна такая шуба досталась коннетаблю. Тот же подарил её ему, своему племяннику.

В свою очередь переговорщики со стороны императора поехали в Париж, чтобы присутствовать там при утверждении договора королём Генрихом.

Наконец-то вот здесь, на северной границе Франции, к удовлетворению обеих сторон, установилось затишье в военных действиях. В это же время вернулся домой младший брат адмирала, де Андело, проведя более четырех лет в плену в Италии у имперцев, в Миланском замке. Его тоже обменяли в числе пленных по Восельскому договору. Колиньи

сразу же передал ему должность главнокомандующего пехотой, которую временно совмещал с должностью адмирала, поскольку такое совмещение двух высших в государстве должностей запрещалось законом страны. Король же утвердил де Андело в этой должности, в звании генерал-полковника.

Весна, лето и осень прошли спокойно. Наступила зима.

* * *

Понтус и Антуан благополучно добрались до Амьена, где была ставка Колиньи, губернатора Пикардии, предъявили адмиралу рекомендательные письма Бриссака.

Адмирал оказался среднего роста, неулыбчивый и серьёзный, крепкого сложения, с прямым крупным носом честолюбца. Узкое лицо, впалые щеки, усы и маленькая борода клинышком ещё сильнее подчёркивали это. На нём была чёрная шляпа, тёмный камзол с высоким мягким воротником, застегнутый спереди золотой пряжкой. На груди его висел на массивной золотой цепи орден Святого Михаила, знак высшего военного звания Франции.

Прочитав письма, адмирал поднял на Понтуса и Антуана большие светлые глаза, покровительственно оглядел их, желторотых офицеров.

– Вы пришли вовремя! Предстоит операция! – сообщил он им, не раскрывая, что за операция.

Он не договаривал. Они, офицеры, слушая его, подозревали это.

Затем он направил их и прибывших с ними солдат в полк капитана Сент-Андре.

Через неделю их, роты гвардейцев, подняли по тревоге накануне дня Богоявления⁴⁰. К ночи они уже были у крепости Дуэ.

Адмирал подошёл с гвардейцами к крепостным стенам.
– Это ключ ко всей Фландрии! – ещё накануне разъяснял он молодым офицерам...

Вместе с гвардейцами к стенам подошли мушкетёры, несли штурмовые лестницы... Было темно, хоть глаз коли... И в этой темноте слышалось только зловещее сдавленное сопение большой массы людей...

«Ночь Богоявления! Посмотрим – явится ли Он!.. Хватит ли смелости у Него! – с чего-то с сарказмом пронеслось у адмирала в голове, хотя и глубоко верующего. – Тогда мы вместе с Ним пойдём на штурм!»

Понтус, получив сигнал адмирала идти на стену, выдвинулся со своей ротой вперёд... Где-то здесь был незаметный, но всё же лёгкий проход к стене через глубокий ров, сейчас заваленный камнями и деревьями после сильного урагана, повалившего в округе много деревьев.

За два дня же до этого на это место адмиралу указал крестьянин, живший одиноко в хижине, стоявшей в полумиле

⁴⁰ 6 (19) января – Крещение Господне (Богоявление).

от крепости.

— Ваша милость, пройдёте ров, легко пройдёте! — уверенно заявил тот. — А в ночь Богоявления солдаты в крепости будут мертвецки пьяны!..

Впереди Понтуса пошли гвардейцы с клинками наголо вслед за мушкетёрами с лестницами, готовые к броску вверх, на стены, там драться за зубцы...

Понтус вскарабкался наверх по лестнице одним из первых... И в этот момент, в ночной тишине, раздался истошный женский вопль: «Карау-ул!.. Франсузы-ы!» Вопль, прозвучавший где-то внизу у стены в крепости, ударился эхом об стену, отразился и полетел по крепости, завывая панически: «...ау-ул!.. ы-ы!» Залаяли собаки... В крепости на какой-то церковке зазвонили... Показалось, ударили в набат...

Поняв, что их обнаружили, гвардейцы его, Понтуса, храбрые гвардейцы, покатались по лестницам вниз. Понтус закричал было на них, нещадно ругая... Но поняв, что это бесполезно, когда все ударились в панику, он тоже спешно спустился со стены... По шуму рядом, на других лестницах, он понял, что паника была всеобщая.

Уже потом, позже, разбираясь, что было причиной позорного бегства, выяснили, что их случайно заметила какая-то баба и подняла в крепости переполох. А на церковке, звон на который они приняли за набат, просто отбили очередной час, призывая к ранней заутрене.

Но от этого легче не стало... И Понтус видел, что адмирал

здорово злится из-за этого позорного провала штурма.

На следующий день, собрав их, офицеров, Колиньи прямо заявил им, что продолжение войны неизбежно.

– Мы первыми нарушили перемирие! – откровенно признался он.

Сейчас вопрос был только в том, когда начнутся активные боевые действия. Филипп, испанский король, мог собрать армию и привести её сюда, на север Франции, не раньше чем через три месяца.

– И нужно как можно скорее овладеть хотя бы крепостью Ланс! Это более защищённая мощная крепость, чем та, Дуэ, которую мы откровенно... – выругался он. – Сен-Кантен? – переспросил он, когда один из офицеров сказал, что следовало бы им укрепиться в этом городе.

– Это слабая крепость! В ней не удержаться в длительной осаде!..

Он отпустил офицеров, приказав готовиться выступить на крепость Ланс.

Эту крепость они взяли.

Провал штурма крепости Дуэ, сплетни, а то и просто вымыслы о том пошли гулять по другим французским полкам и армиям...

В это время в Италии прокололся и Франсуа де Гиз, уже по-своему. Военную кампанию ему испортил кардинал Карафа, племянник папы. Вернувшись из Франции, где он убедил короля Генриха в том, чтобы де Гиз прислушивался к

его советам, Карафа заключил с герцогом Альбой перемирие, дождался армии де Гиза... А когда тот пришёл с армией в Рим, он задержал его там.

Об этом им, офицерам, просвещая их, стал подробно рассказывать адмирал как-то на совете.

– Как, спросите вы! – посмотрел он на них, на молодых офицеров.

Он усмехнулся язвительно.

– Знаете, знаете же!.. Мошенник ещё тот! – прошёлся он насчёт племянника папы. – Задержал на весь март!.. Пиры, любовницы: девицы и замужние... Этот подлец, кардинал, сводник, знал своё дело... Генералы и офицеры де Гиза кутили, наживали болезни, которые можно подхватить только в Риме и Неаполе!.. И всё это Карафа делал, чтобы слупить с герцога Флорентийского, Козимо Медичи Младшего, пятьсот тысяч дукатов!..⁴¹

Понтус прикинул в уме: это была громадная сумма... Ею можно было поднять только на десятке повозок, не меньше.

– А его дядя, папа Павел IV, тоже хорош! – продолжил адмирал. – С его разрешения в Риме проститутки открыто занимаются своим ремеслом! А он ежемесячно собирает с них деньги... В самом городе полно евреев-ростовщиков, жульничают, обманывают! И тоже с ведома папы! Тот взымает с них деньги, как и со шлюх в борделе... А солдаты де Гиза

⁴¹ Дукат (*ит.* ducato – *duca* – герцог) – с XIII в. венецианская золотая (3,4 г) монета (иначе наз. «цехин»), распространившаяся впоследствии по всей Европе.

наивно думали, что увидят в Риме святость!..

Так Франсуа де Гиз упустил время, март месяц, наиболее благоприятный по погоде для военных действий.

Понтус вспомнил, что по этому поводу говорил тот же Бриссак о Франсуа де Гизе.

«Нет – не надрал задницу!» – с сожалением констатировал он, что его кумир, Франсуа де Гиз, сплеховал.

Герцог Альба же укрепил все города в Абруццах, когда ему донесли шпионы из Рима, что кардинал Карафа отсоветовал де Гизу идти прямо через Тоскану, направил его маршрутом на Неаполь, через Абруццы и Маркино... А с Козимо Медичи кардинал уже взял своё, когда тот убедился, что французская армия не пойдёт через Милан...

И города, укреплённые Альбой, пришлось де Гизу обходить стороной. Взять их оказалось невозможно. Раздосадованный де Гиз осадил Чивителлу, но и её не смог взять. В его армии начался ропот наёмников против этого похода на Неаполь. Особенно раздражал солдат союз с попами... Простояв месяц под этим городом, де Гиз снял осаду.

К концу подходил май. В это время папские войска из наёмников потерпели ряд поражений от немецких и швейцарских войск герцога Альбы. Альба же, оставив часть войск в неаполитанских владениях, вступил в Римскую кампанию, и вот он уже у стен Рима...

Вскоре эти события в Италии отошли на второй план.

Капитан Сент-Андре подвёл свой полк к Сен-Кантену. Его офицеры уже знали, что Колиньи занял без сопротивления город, ввёл туда несколько сотен лёгкой кавалерии и всего одну сотню рейтар. Знали они и то, что испанцы уже блокировали Сен-Кантен. На подступах к самой крепости полк капитана Сент-Андре вышел к холму с виноградником, примыкающему к городским предместьям. Удивительно, но здесь оказались только часовые испанцев, разбежавшиеся сразу же, как только увидели их... Они захватили холм и свободно прошли в город среди белого дня. В составе полка вошли за стены крепости роты Кюзье, Юма и Понтуса, в роте которого находился и Антуан со своими солдатами.

Испанцы же, наблюдая за их передвижкой, не сделали ни малейшей попытки помешать этому.

– Странно! – сказал Антуан на это приятелю, когда они были уже за стенами.

– А что странного? Вот в этом! – показал Понтус на ветхие стены древней крепости.

Крепость Сен-Кантен, поставленная на берегу реки Сомма, тихой и мелкой, заросшей ивами и камышом, как будто одним этим, как прижалась она одной стороной к этой реке, обозначала, что дальше отступать некуда: за её спиной была Франция... Старые каменные стены и такие же старые

башни не производили впечатления надежного укрепления. В крепости дома из камня бутового, но есть и деревянные, убогие, сараи и клетушки...

Колиньи сразу же собрал вновь прибывших офицеров, объяснил им, что король Филипп назначил главнокомандующим испано-нидерландской армией герцога Савойского Эммануэля Филибера. Тому же, Филиберу, на руку оказалась вот эта неудачная история с перемирием, с крепостью Дуэ. Тот хотел этой войны, поскольку его владения, Савойское герцогство, сейчас занимал Бриссак.

– Ваш Бриссак! – показал он пальцем на Понтуса и Антуана. – И Филибер отыграется теперь на нас здесь!.. Поэтому будьте готовы к жёсткому сражению!.. Владения же у Филиппа громадные! – не удержался он от восклицания и зависти, что испанская корона владеет половиной мира. – Кроме тех, что принадлежат в Европе: Нидерланды, Германия, Корсика, Сицилия, часть Италии...

Он замолчал на секунду, вспоминая, что ещё входит в империю Карла V в Европе, какие герцогства и королевства... Затем махнул рукой: а, мол, это мелочь!..

– В Америке: Чили, Перу, Мексика, Новая Испания, Куба, острова Испаньола... В Африке... В Азии... В его империи не заходит солнце! – в сердцах вырвалось у него.

Вот только сейчас он, Понтус, осознал во всей чудовищной обширности империю Карла V. И того могущества, каким обладала Испания, австрийский дом Габсбургов, теми

средствами, богатствами, какие поступали в неё со всех концов света. А что могла этому противопоставить его родина, Франция? И всё же она соперничала с Испанией, с имперцами, раздробленная на мелкие самовластные герцогства, порой не подчиняющиеся королю.

Адмирал отпустил их, офицеров. И они ушли проверять караулы, по своим ротам и полкам.

Герцог же Филибер не торопился штурмовать крепость, хотя и знал положение осаждённых. Он приказал подвести ближе к городу пушки и начать обстрел крепостных стен. Остальным своим людям он приказал укрыться и ждать. Как только замолкали пушки, пехотинцы шли вперёд... Задача была захватить крепостной ров... Но первые дни не дали результата: мушкетёры адмирала отгоняли выстрелами испанцев, как только те подступали ко рву...

В один из таких дней адмирал взял капитанов Миромона и Брёля, пригласил ещё и Понтуса, прихватил именитых горожан и пошёл с ними в обход города.

На крепостной стене у проезжей башни Сен-Жан он остановился.

– Посмотрите туда! – показал он за городскую стену.

Там, на краю крепостного рва, вдоль него тянулись сады. Ветер доносил запахи созревших яблок и груш. Среди деревьев пятнами, как плешины, виднелись ягодные кустарники, грядки, похоже, с овощами...

– В тени этих деревьев может укрыться неприятель и бу-

дет в полной безопасности! Спокойно пройдёт на край рва!.. Все деревья на краю рва вырубить! – жёстко приказал он городским властям.

Те согласились потерять фруктовые сады.

* * *

Понтуса после очередного ночного дежурства с рейтарами на караулах сменил Антуан. Обменявшись парой шуточек, что у них вошло уже в привычку, они разошлись. Антуан пошёл со своей командой на караулы, а Понтус – отдыхать.

Вечером этого дня Колиньи собрал у себя офицеров.

– Господа, к нам на помощь идёт коннетабль Монморанси! – сообщил он им. – И я обращаюсь к вам, к преданным офицерам Франции и короля! Надо продержаться до дня святого Лаврентия, до десятого августа! В этот день, как сообщил Монморанси, он завяжет с испанцами дело, чтобы дать возможность пройти в город обозу с продовольствием!.. Людей у нас мало, но мы сможем оказать ему посильную помощь!..

Он распределил офицеров, кто и как будет действовать при подходе Монморанси, и отпустил их.

– Капитаны Кюзье и де ла Гарди, задержитесь! – попросил он.

Когда остальные офицеры удалились, адмирал стал объяснять им своё поручение.

— Вам особая задача: подготовить удар на испанцев с нашей стороны, когда будет подходить Монморанси! Давайте обсудим подробно операцию! — положил он на стол план крепости. — Вот ворота Сен-Жан, а вот потайные ворота в глухой башне, что стоит рядом! Через них вы пойдёте на вылазку со своими мушкетёрами!.. Бой будет скоротечным! Врукопашную, только холодным оружием! Поэтому пусть мушкетёры оставят свои ружья в крепости! Времени у вас будет в обрез!

* * *

Потянулись дни ожидания подхода помощи. Испанцы же, что ни день, обстреливали город из пушек. Начинали они после полудня, били десять или двенадцать ударов, на этом заканчивали. Канонада затихала до следующего полудня. И так дня четыре подряд, затем день без обстрела, и снова открывалась пальба.

И каждый день после обстрела Колиньи обходил крепость с офицерами, чтобы оценить ущерб от разрушений. Вечером же он и сеньор Сен-Реми, его помощник, подсчитывали потери, которые нанесла артиллерия неприятеля днём, решали с капитанами, что нужно срочно сделать, каких людей привлечь для ремонта стен и брустверов.

Последние дни, перед приходом помощи, наёмники, что были не при исполнении, пили в крохотном кабачке. Они опустошали немалые запасы вина, что отдал им щедрый ка-

батчик, зная по прошлому, что ничего не уцелеет при штурме, когда испанские солдаты дорвутся до его погребов.

Заглянул как-то в кабачок и адмирал, после обхода с проверкой крепости. Он уселся среди офицеров, кабатчик налил ему вина.

Все выпили... Офицеры ждали, чтобы адмирал сказал что-нибудь о том, что ждёт их дальше.

Адмирал сообщил им, что на подходе с армией герцог Франсуа Неверский, красавец, первый кавалер при дворе, а также со своими солдатами принц Конде, щедедушный, но воинственный «коротышка»... Они идут на помощь армии Монморанси...

И Понтус подумал, что адмирал отделался общими словами, похоже, боится паники, если он честно выскажет всё, что их ожидает. От капитанов, уже подвыпивших, это ускользнуло.

Адмирал был молод: ему было всего тридцать восемь лет. Коннетабль же Монморанси был на четверть века старше. У Колиньи, женатого на Шарлотте де Лаваль, родственнице Монморанси, только что, в конце апреля, родился сын Франсуа. Это был уже второй сын в семействе, помимо дочери Луизы, названной в честь его матери, умершей десять лет назад. И он как счастливый отец был сейчас целиком захвачен этим, хотя явно этого не показывал.

А Понтус, зная это, молча радуясь за него, вспоминал Мелину...

Капитаны выпили ещё, каждый заговорил о своём, заговорили, разбились на кучки, забыли о присутствии адмирала.

А тот, придвинувшись ближе к Понтусу, заговорил с ним.

– Эх, Понтус, Понтус! – воскликнул он с чего-то, видимо, желая излить душу ему, молодому капитану, вот в этот тревожный вечер осады.

Его он сразу выделил из других офицеров, пришедших с отрядами к нему в крепость. К тому же о нём хорошо отзывался Бриссак в рекомендательном письме.

– Не изведал ты ещё ничего в жизни! И в любви тоже!.. Но и тебя тоже настигнет эта зараза!.. Попомни мои слова!.. И лучше всего – женись на королевской дочери! Вот как Франсуа, старший сын Монморанси, женился на Диане, внебрачной дочери нашего короля! Их, внебрачных-то, у каждого короля пруд пруди! Хм! – добродушно, с издевкой, усмехнулся он.

В руке у него торчала зубочистка. И он, уже не замечая за собой этой привычки, при разговоре изредка подносил её к лицу... Говорят, ведёт себя так даже в присутствии короля.

В среде армейских кругов же ходила шутка, что нужно остерегаться зубочистки адмирала и чётки коннетабля... Тот, Монморанси, отдавая обычно жёсткие приказы, от этого волнуясь, перебирал чётки, бормотал: «Этих расстреляйте передо мной... Тех же плутов изрубите на куски... Сожгите эту деревню...»

Колиньи стал рассказывать ему о своей жизни буднично,

подбирая слова, как будто, прежде чем сказать, обдумывал сказанное. И Понтус понял, что под этим скрывается сдержанная, волевая натура.

Своего отца, маршала де Шатийона, Колиньи-старшего, он совсем не помнил. Тот заболел и умер от лихорадки в походе с армией на помощь городу Байонна, осаждённому испанцами. Тело маршала привезли в родовой замок Шатийон-на-Луанге, похоронили в замковой церкви.

Ему, Гаспару, малышу, тогда было всего три с половиной года.

Супруга маршала, Луиза, осталась с кучей детей на руках. Трое – Жан, Луиза и Мадлен от первого брака. Четверо были от второго брака с маршалом де Шатийоном: Пьер, Оде, Гаспар и Франсуа. И она, покинув двор в Париже, поселилась в замке Шатийон-на-Луанге, чтобы заняться полностью воспитанием своих малолетних детей.

И первые, наиболее яркие детские впечатления, запоминающиеся на всю жизнь, прошли у маленького Гаспара в родовом замке на природе, на крохотной речушке Луанге... Как купался, загорал, гонял голубей, ходил на рыбалку, дрался с деревенскими мальчишками...

Через восемь лет, в 1530 году, Луиза вернулась в Париж, ко двору, стала придворной дамой у королевы Элеоноры, супруги короля Франциска I, как до того была в такой же должности у Анны Бретонской, супруги короля Людовика XII.

К этому, к возвращению в Париж, обязывал возраст её сы-

новой, их дальнейшее воспитание уже при дворе.

И там, при дворе, юный Гаспар особенно сдружился с таким же юнцом, принцем Жуанвилем, будущим герцогом Франсуа де Гизом...

Нет, он не собирался рассказывать вот этому молодому капитану о себе, о дружбе с Франсуа де Гизом... Зачем?.. Просто вспомнил былое... В памяти пронеслось пережитое, ушедшее, его мать, которая незадолго до смерти отказалась от священника и от исповеди. Для него, глубокого верующего именно благодаря матери, это было непонятно до сих пор...

Адмирал, вздохнув, замолчал.

Он, со слегка рассеянным взглядом, отчего казался задумчивым, на самом деле был жёстким и требовательным. Несмотря на это он нравился многим солдатам и офицерам. Проверяя посты, он обычно таскался по всем закоулкам крепости, ругался... Но увы! Все эти старания его не помогали от голода. В первый же день, когда он вступил со своими рейтарами в крепость, он собрал всех именитых граждан, потребовал собрать всё продовольствие в одно место, приставил к нему охрану, объявил, что будет выдавать только тем, кто будет работать на защиту крепости. Лишних же едоков, дармоедов, он выгнал из города...

«Сделал так же, как и Монлюк!» – подумал Понтус.

Ему же, Понтусу, рассказывать о себе было нечего: родных он не помнил, а бледная невыразительная жизнь в мо-

настыре не оставила о себе памяти.

— Сир! — обратился он к адмиралу. — Пять лет назад вы посылали экспедицию за океан, в Бразилию! Почему не удалось основать там французскую колонию?

— А-а! — многозначительно протянул адмирал. — Вы, капитан ла Гарди, уже слышали об этом! Там уже везде испанцы! Как и здесь! — показал он рукой в сторону испанского лагеря. — Они всюду встают на пути у нас, французов!..

— Почему не создать там, на новых землях, протестантские поселения? — спросил снова Понтус адмирала.

Колиньи внимательно посмотрел на него, молодого капитана. Это предложение понравилось ему. Он как-то не обращал раньше внимание на этого стройного, тонкого сложения капитана... А тот, оказывается, вон как широко мыслит...

С того дня он, приметив его, стал выделять из общей массы офицеров. Те-то в основном живут и мыслят узко: пьют, ходят к куртизанкам, а то дерутся на шпагах по пьянке.

* * *

В крепости голодали. На подходе же был огромный обоз с продовольствием. И все ждали его с нетерпением.

Десятого августа, в день подхода Монморанси, погода выдалась с самого утра жаркой. Солдаты, злые, голодные и с похмелья, выползли по сигналу трубы на стены для отражения атаки.

К полудню появилась конница Монморанси. Подойдя с юга, она стала спускаться с холмов на той стороне реки, двинулась на полки испанцев, уже стоявшие наготове... И там пошли навстречу друг другу широким фронтом две лавины конников, с копьями наперевес... А вот столкнулись, смешалось всё: люди, кони, копья и знамена... Здесь же, вблизи крепости, засуетились испанские пушкари, стали спешно разворачивать пушки в сторону конницы Монморанси... Из испанского лагеря тем временем выходили и выходили конные роты и направлялись туда же, за реку...

Понтус и Кюзье вышли было за стены, как приказал Колиньи, но их тут же загнали обратно залпами испанские мушкетёры, зорко наблюдавшие за крепостными воротами, за уже пробитыми в стенах брешами. И они, потеряв убитыми несколько своих солдат, вернулись обратно в крепость... Больше Колиньи не посылал их.

Сражение за рекой, вначале ожесточённое, стало распадаться на отдельные вялые стычки... Затем кавалеристы Монморанси, потрёпанные в стычках, прикрывая пехоту, увязли в болоте. Испанцы воспользовались этим и вырубili брошенную и беззащитную пехоту. А когда кавалеристы выбрались из болота, то стали отходить в свой лагерь, в десятке миль отсюда... Но в блокированный город всё же прорвались уцелевшие пехотинцы во главе с генерал-полковником де Андело, братом адмирала. Тот вошёл за стены днём, тем же путём как и Сент-Андре, привёл четыре с половиной

сотни пехотинцев.

– Ну, слава богу! – обнял адмирал его, обрадованный его появлению.

Обрадовало его ещё и то, что с Андело пришли полтора десятка опытных капитанов, которых он знал раньше, когда ещё был сам главнокомандующим пехоты.

Итак их застала ночь.

Ночью Колиньи отправил лазутчиков в лагерь испанцев. Те привели языка, и в крепости стало известно, что Монморанси ранили в сражении и он попал в плен к испанцам.

Выслушав лазутчиков, Колиньи тихо процедил:

– Эта старая бездарь и здесь не смог ничего сделать! Только вяпался сам в...

Заметив, что Понтус услышал его, понял, что он имеет в виду Монморанси, он метнул на него хмурый взгляд, но ничего не сказал. Он уже убедился, что этот капитан умеет держать язык за зубами.

Понтус понял, что тот отзывается так о Монморанси. По слухам, какие ходили по армии, Понтус уже знал, что Монморанси никогда не блистал на полях сражений. А вот что был безжалостным, жестоким, об этом он слышал ещё в Италии во время похода в армии Бриссака, поскольку Монморанси подчинялись тогда все войска Франции.

В крепости все упали духом. Горожане, что работали на ремонте стен, разрушенных пушками испанцев, бросили работу и попрятались в подвалах.

Колиньи, не обращая внимания на подавленное состояние солдат, продолжал строго следить, чтобы они несли караулы, требовал того же от офицеров, обходил с проверкой каждый день все роты и кварталы города.

Не застав как-то Понтуса на его участке обороны крепостной стены, он стал искать его и обнаружил в переулке, в полуразрушенном доме, покинутом хозяевами. И там, в крохотной каморке, похожей на келью, он и нашёл Понтуса и Антуана. Адмирал пришёл с де Андело, младшим братом. Тот был здорово похож на него. Такой же крупный прямой нос, слегка выдаётся вперёд, большие глаза, жабо, плащ со стоячим воротником. Правда, как уже подметил Понтус, немного простоватым был. И он, как говорили, находился под сильным влиянием своего брата, Гаспара, по жизни шёл за ним.

– Вы что в такую тесноту забились?! – пошутил адмирал.

– А его, монаха в прошлом, всё ещё тянет в келью! – съязвил, как обычно, Антуан, кивнув головой в сторону приятеля.

Адмирал и его брат, изрядно уставшие, таскаясь с утра по крепости, тяжело опустились на лавку, чтобы передохнуть.

– Мы только что были в предместье де Иль, – начал адмирал рассказывать, что они видели.

Уже три дня как испанцы не делали никаких приступов. Они только приблизились ещё ближе к предместью де Иль. Там они вырыли несколько траншей, захватили ров и,

укрывшись в нём, к чему-то готовились... Зачем-то жгли огонь... И адмирал беспокоился, ожидал от герцога Савойского какой-нибудь хитрости... Он сообщил, что капитан Сент-Андре ранен, лежит в своём жилище, но выглядит неплохо. Его лейтенант также ранен в эту ночь, а сержант убит.

– И будет хорошо, если отряд Сент-Андре заберёт мой брат, – показал он на того. – И вас тоже, – сказал он им, имея в виду, что они переходят под начало генерал-полковника.

Сообщил он им ещё, что испанцы совсем близко придвинулись к воротам Ремикур, начали рыть траншеи, видимо, готовились для подрыва стен фугасами.

Он замолчал. Посидев немного, он и де Андело поднялись.

– Ладно, мы пошли... Дела... Надо посмотреть, что творится у капитана Линье.

Они ушли.

* * *

Прошли две недели обстрела города испанцами. Они начали с того, что установили батарею напротив ветряной мельницы, что была у ворот Сен-Жан, и стали бить по башне у воды так, чтобы разрушить крепостные стены, соединяю-

щие её с аббатством и малой куртеной⁴². От массивных ударов стенобитных орудий сотрясались толстые стены башни, отделанные для прочности керамикой, а внутри неё рассыпались все вещи... И за эти две недели обстрелов, штурмов и стычек при атаках много солдат и офицеров были убиты и ранены на брустверах и башнях.

Вечером, обходя участок за участком крепостной стены, Колин ещё раз напомнил всем о присяге королю и кто какую защищает брешь в стене, уже сделанные во множестве артиллерией испанцев. В конце обхода он появился и у Понтуса.

– Капитан де ла Гарди, вы со своей ротой и я защищаем эту брешь, эту башню, ворота Сен-Жан!

Понтус взял под козырек:

– Да, господин адмирал!

– Тут самое уязвимое место обороны! – продолжил адмирал. – Если неприятель пройдет тут – то будет конец!..

Уточнив ещё кое-какие детали, он отпустил его на его участок обороны.

Наутро, вымотавшийся от недосыпания, голода и постоянного нервного напряжения, Понтус, как обычно, занял своё место обороны. У него в роте осталось всего семнадцать человек, которые ещё могли держать оружие... Вчера он потерял ещё пятерых убитыми. Были у него и сбежавшие, как и у других... Бежали по ночам...

⁴² Куртина – часть крепостной стены между двумя бастиями.

В голове вяло копошились какие-то мысли... И он вздрогнул от крика адмирала.

— Бегут, сволочи!.. Бегут! — закричал тот, появившись на противоположной стороне бреша, показывая рукой Понтусу на груды камней.

Там, на разрушенную башню, с другой стороны, взбирались знаменосцы испанцев, а впереди них, скатываясь по обломкам стены, бежали в панике французы... Позади же знаменосцев, Понтус видел, поднимаются сотни испанцев... У него же всего семнадцать солдат... А брешь огромная, в неё в ряд могут пройти десятка два человек... Остановить обезумевших от страха людей они, Понтус и адмирал, уже не могли...

В поднявшейся суматохе Понтус потерял из виду адмирала. И он видел, видел только, что целый участок стены, с башней и воротами, остался пустым... Там не было ни одного защитника... Только испанцы...

Он смутно запомнил, как угодил, легко раненный, в плен к испанцам. Стал немного соображать и приходить в себя только в палатке, огромной, куда испанцы согнали всех пленных офицеров... Палатка была набита ими, французами... Вон там сидит на каком-то ящике капитан Кюзье, угрюмо уставился в землю... Переживает... Рядом с ним стоял капитан Жарнак... Оказались тут же капитан Салей и генерал де Андело, брат адмирала... Но самого адмирала в палатке не было...

Когда стемнело, наступила ночь, в углу, где был де Андело, началась какая-то возня. Понтус подошёл туда, увидел, что генерал что-то затевает... Вот один из офицеров тихонько расшатал колья, что прижимали к земле нижний край палатки... Образовалась щель... И генерал нырнул в неё, исчез... Понтус непроизвольно устремился за ним, выскользнул наружу, увидел ночное звёздное небо, отполз подальше от палатки, уткнулся в генерала, затаился рядом, как и тот.

– Я хорошо говорю по-испански, – зашептал генерал, не удивившись, что кто-то последовал за ним. – Поэтому держись за мной и молчи, если встретим их патруль... Молчи, даже если тебя будут убивать...

Они проползли ещё немного, встали и пошли: генерал впереди, Понтус за ним... Они благополучно выбрались из лагеря испанцев и в темноте, почти на ощупь, стали пробираться к реке... И тут наткнулись на притаившегося в кустах Антуана и с ним ещё какого-то солдата.

Антуан обрадовался им, нервно зашептал Понтусу о своих мытарствах, как спрятался под разрушенной башней. Там он накануне приметил щель в подземный каземат. До вечера он просидел в том каземате и теперь тоже пробирался к реке...

– Давайте, пора... – слышался в темноте хриплый шёпот генерала.

Они, перебегая гуськом друг за другом, спустились к реке. Ещё раньше, днём, они прикинули, что, по-видимому, её

можно перейти вброд.

В одном месте Понтус зацепился за какую-то корягу и упал, угодил лицом прямо в грязь... Тихо выругался...

– Ты что – грязи боишься больше, чем испанцев? – ехидно прошипел позади него Антуан.

Понтус дрыгнул назад ногой, метя ему по морде, но промахнулся... Антуан хихикнул... И Понтусу, подавленному и уставшему за последние дни от натурального избиения их гарнизона, стало немного легче: если Антуан зубоскалит, значит, с ними ничего не случится...

Наконец они добрались, как им казалось, до чистой воды. От реки, застойной, заросшей водорослями, тиной, на них дохнуло болотной гнилью... Но они, грязные, голодные и оборванные, уже не обращали внимания на такие пустяки, вошли в воду, пошли к противоположному берегу... Стало глубже, ещё глубже... Уже по горло... Дно, вязкое, хватало за ноги... Медленно пошли один за другим... Но вот опять стало мелеть... Вышли на другой берег. Тут, вдали от всех лагерей испанцев, было уже не так опасно. И они в изнеможении повалились на землю. Отдохнув, они пошли на юг, ориентируясь, чтобы Полярная звезда была у них сзади.

До утра они отошли достаточно далеко от места сражения, купили в ближайшем селении лошадей и на следующий день уже были в Париже. Там они расстались. Де Андело дал им немного денег, сам же отправился прямо во дворец к королю, чтобы сообщить о потере крепости Сен-Кантен.

Только много позже Понтус понял, что Колиньи выполнил свою задачу: задержал на месяц наступление испанской армии, спас Париж от осады. Сам же адмирал попал в плен. И ещё запомнились ему слова Колиньи, сказанные о Франсуа де Гизе: хладнокровен, отважен и умён, но вспыльчивый и жестокий к тем, кто не склонялся перед ним. Сказаны они были с завистью к человеку, к его талантам, которые невозможно было принизить. Хотя только что де Гиз вынужден был уйти из Италии ни с чем. Но в том, что его поход в Италию закончился неудачно, снова проявилось лицемерие попов, всей папской курии. Как только их территориальные и финансовые интересы восстанавливались – они тут же призывали воюющие стороны к любви и миру, перед тем же настраивали их друг на друга.

* * *

Король Генрих испугался, узнав о поражении своей армии под Сен-Кантенем и о том, что, его командующий всеми французскими войсками Монморанси попал в плен к испанцам. Он понял, что Париж оказался открыт с севера для армий Филиппа. И он запаниковал, тут же принялся за письмо де Бриссаку:

«Мой любезный Шарль де Коссе, сообщите его святейшеству Павлу IV, что Франция не в состоянии больше помогать ему! – стал диктовать он секретарю письмо. – Ему сле-

дует помириться со своими противниками!.. На каких условиях?.. Да на каких Бог подскажет ему! – язвительно выразился он. – И сообщите Франсуа де Гизу, чтобы немедленно шёл со своей армией к нам! Такое же письмо мы направили ему! Пусть оставит небольшой отряд для защиты герцога Феррарского, своего тестя, с остальными же силами идёт скорым маршем к Парижу!...»

Но он знал упрямство старого Джампьеро Карафы, папы Павла IV, который и развязал безрассудно эту войну в Италии, полагаясь на армию французов, и велел де Гизу, прежде чем покинуть Италию, чтобы он склонил папу заключить мирный договор с королём Филиппом.

Франсуа де Гиз выполнил это поручение короля.

Папа, не желая делать ни малейшей уступки испанцам, настоял, чтобы герцог Альба явился в Рим, извинился перед ним и подвергся церковному покаянию.

Да-да, папа сделал так, что богомольный Филипп, этот ханжа, как говорил он о нём, просил у него мира, а герцог Альба, под стать своему сюзерену, явившись в Рим, смиренно преклонив колена, целовал у него туфлю. За это унижение своих противников папа отказался от союза с французами и простил всех, обнаживших меч против Церкви. Мирный договор был подписан. И теперь святой отец вынужден был называть Филиппа «своим другом»...

– Да, это мой друг, – говорил он с сарказмом. – Такой друг, который держал меня в осаде и хотел погубить мою душу...

Франсуа же де Гиз погрузил свои войска на галеры⁴³ и отплыл к берегам Прованса. Он вернулся в Париж, предстал перед королём. В зале для приёма дипломатов и гостей герцог увидел придворных короля, высших сановников государства.

– Мой любезный герцог! – начал король, подходя к нему, благожелательно разведя руки, обнял его.

И де Гиз почувствовал всё ещё крепкие руки короля, атлетически сложенного, натренированного на рыцарских поединках.

Отстранившись от него, король заходил по палате вялой походкой, странной для него, ещё совсем недавно стремительного и волевого.

– Вы уже знаете всё! Мне нечего добавить к тому, что сообщил вам в письме! – не давая герцогу открыть рот, говорил и говорил он...

Он был не в себе, так показалось герцогу, не способен что-либо предпринять, был растерян и подавлен после поражения армии Монморанси под Сен-Кантенем. Он боготворил коннетабля за его военные таланты. И вот теперь, когда тот попал в плен к испанцам, он стал беспомощным и заметался, как слепой...

После первых минут встречи, сумбурного изложения все-

⁴³ Галера (*итал.* galera) – деревянное гребное военное судно, созданное в VII в. венецианцами. Длина до 60 м, ширина до 7,5 м, осадка 2 м, один ряд весел (до 32 на борт). Экипаж с воинами до 450 человек.

го происшедшего под Сен-Кантенем, он успокоился, перешёл к деловому обсуждению ситуации на севере страны, мельком отметил, что не может справиться даже с гугенотами у себя в Париже...

Под конец приёма он объявил, что из-за сложившегося положения в стране возлагает на него, герцога Франсуа де Гиза, полномочия наместника государства:

– В звании генерал-лейтенанта королевства!.. И передаю вам всю полноту власти на неопределённый срок по управлению государством!

Франсуа, склонив голову перед ним, обещал оправдать его доверие. Затем он дал присягу на Библии: хранить верность королю и Франции...

Уже был конец сентября.

В октябре Франсуа де Гиз двинулся со своей армией на север Франции, подошёл к Булони, расположился там лагерь. Не откладывая, он сразу же встретился с комендантом Булони. И тот сообщил ему добытую им информацию о состоянии оборонительных сооружений крепости Кале.

– Королева Мария из экономии ослабила гарнизон крепости! – докладывал комендант Сенарпон. – Не заготовлено продовольствие, плохо укреплён город со стороны моря!.. Англичанам не продержаться долго, если отрезать к тому же поступление помощи извне!..

Город и крепость Кале находились у англичан во власти с 1347 года, более двух столетий. Отнять их у англичан счи-

талось невозможным.

Он, комендант, не раз засылал своих людей в Кале, знал много о положении в городе и докладывал уверенно.

— Я послал военного инженера снять тайно план города и разведать: можно ли пройти по приморскому болоту: оно считается глубоким, непроходимым! Но по нему, оказывается, можно пройти во время отлива... Форты же, которые держат под обстрелом эту местность, находятся в плачевном состоянии... И наконец, самое главное: англичане, чтобы сэкономить жалованье, распустили на зиму большую часть гарнизона! Новые же войска придут не раньше весны!..

Де Гиз, поблагодарив коменданта за эти сведения, уехал к себе в лагерь. И там, на военном совете с генералами, было решено более основательно обследовать крепость, проверить сообщения Сенарпона.

Под крепость ушли лазутчики генерала Строщи. Сам же де Гиз объехал с генералами окрестности города и крепости, осмотрел издали оборонительные сооружения. Несколько дней собирали сведения о городе и крепостных сооружениях. Все данные подтвердили донесения Сенарпона.

На военном совете разработали план штурма Кале. Армию де Гиза усилили уцелевшими ротами армии Колиньи, вырвавшимися из Сен-Кантена. Так Понтус и Антуан попали в армейское соединение де Андело. К армии де Гиза добавили ещё швейцарские войска.

Эта возня французов вблизи крепости Кале не осталась

незамеченной. Но английский комендант Кале, лорд У Энсворт, зная, что за двести лет французы, сколько раз уже делая попытки, так и не смогли взять крепость, не обратил внимания на предостережения... Дошло это и до короля Филиппа. И тот предложил помощь своей супруге, Марии Тюдор. Но английское министерство, не доверяя ему, тактично посоветовало королеве отказаться от этой помощи.

Для отвлечения же внимания от основного направления удара один полк французов произвёл ложную операцию на Люксембург, затем отошёл к Кале. Первого января 1558 года полки Таванни и герцога Омальского атаковали Кале с суши. Одновременно основные силы Франсуа де Гиза пошли на неукреплённое приморское предместье. В их числе пошли в атаку с де Андело и Понтус с Антуаном со своими ротами. Болота, непроходимые летом, они преодолели легко и там, на шанцах, столкнулись с английскими и шотландскими солдатами... Бой был скоротечным: англичане отступили из предместья к укреплённому замку... Через семь дней обстрела крепости из пушек и ожесточённых приступов крепость Кале пала.

В Англии, когда об этом докатилось туда известие, на правительство Марии Тюдор обрушилось негодование всех слоев общества. К тому же пришло ещё сообщение, что восемь дней спустя французы взяли ещё две другие крепости – Гинь и Гам, окончательно вытеснив англичан с континента.

Франсуа де Гиз вернулся в Париж в ореоле такой славы,

которая затмила самого короля. На какое-то время он стал полным господином Франции.

Глава 5. Шотландия

На какое-то время Понтус оказался не у дел. Ехать ему было некуда. Домой, к отцу, братьям, его не тянуло. И к дедушке Арменгауду тоже. К нему он был привязан, хотя тот сурово обходился с ним в монастыре. К тому же неизвестно было, что выкинет старый зануда аббат Арменгауд, поскольку он сбежал ведь из его святой обители.

И он поехал в Париж. Он вспомнил, правда, смутно, что отец однажды рассказал ему, что у него там был друг юности, по службе в гвардейцах ещё у короля Франциска I. Он назвал даже его имя: Клод.

Антуан же уехал к себе, в родное поместье в графстве Невер, к отцу. Перед тем как расстаться, они договорились о встрече в Париже, на улице Сен-Дени. Там, на углу, у монастыря, есть приметный кабачок.

– Это место знает каждая собака! Найдёшь! – безапелляционно заявил Антуан, когда Понтус сказал, что ни разу не был в Париже.

Он, Антуан, был рад, что не сбылось предсказание старика-еврея.

– Ха-ха!.. Ну и наплёл же тот шарлатан, Нострадамус!..

Он нервно засмеялся и, продолжая всё так же острить, сунул ему руку: «До встречи!» – и укатил куда-то известной ему дорогой.

И вот Понтус вступил в Париж, в его предместья.

Искать друга отца, ещё по юности, ему пришлось долго. Его, уже приученного к выдержке, дисциплине в монастыре, затем в армии, сразу же сбила с толку суматоха на шумных улицах, орущие торговки, конные, пешие, повозки... Всюду шныряли какие-то вертлявые малые, с подозрительно честными глазами. Бродили бездомные собаки, и стояла вонь от нечистот, что выплескивали кухарки прямо за двери из домов. Его дважды посылали не туда. После чего он, проплутав по узким улочкам, среди серых каменных стен, оказывался опять на той же крохотной площади, откуда начинал свой поиск. И он, устав, зашёл в какой-то грязный кабаk, перекусил куском мяса сомнительного вида, запил его вином.

И всё-таки он нашёл друга отца. Его дворик в предместье Сен-Жермен оказался таким же тесным, шумным, с затхлым воздухом, как и всё в этом городе.

Приятель молодости отца не производил того впечатления, как о нём рассказывал отец. Это был тучный мужчина, с большим отвисшим животом, выдающим его пристрастие к гастрономическим радостям, с красными прожилками на обрюзгшем лице, плоском, как блин.

– Вы поглядите только на него! Поглядите! Это же вылитый Жак! И силён! – Воскликая, он потрепал Понтуса по плечу, почувствовал под рукой налитое силой тело молодого человека. – А как мы, бывало, гуляли-то с ним! Ха-ха! – засмеялся он, обдав Понтуса неприятным запахом изо рта.

Его жена, миловидная женщина средних лет, с улыбкой наблюдала за ним, изредка бросая выразительные взгляды из-под пушистых ресниц на статного молодого человека.

Наконец, Клод утомился и, вздохнув: «Эх, Париж, Париж!» – опустил голову.

И Понтус увидел на макушке у него лысину, обрамлённую полуседеыми волосами.

Клод, неряшливо одетый по-домашнему, так и принял его, в старом потёртом камзоле с засаленными рукавами. Его жена была тоже одета не лучше, во что-то старенькое, поношенное, прослужившее ей много лет, что было явно заметно.

– Мы завтракаем рано, – стал объяснять Клод извиняющимся тоном, не глядя на жену и чувствуя, что она следит за каждым его словом. – Так ты не опаздывай к столу...

Прожив здесь два дня, Понтус с облегчением покинул гостеприимный кров друга своего отца.

– Я получил место в казарме, – соврал он любезному господину Клоду, хотя на самом деле снял дешёвую комнатку в одном из грязных кварталов, в котором ютилась беднота Парижа. – Буду жить там. Вы уж извините меня, что покидаю вас... Но... – замялся он. – Там мне будет удобнее. Рядом служба, товарищи, друзья. Да и надоел я вам уже!

– Ну что ты! – фальшивым голосом вскричал Клод. – Мы были бы рады, если бы ты пожил ещё у нас! Поверь, дружже! Не так ли, Сюзен?! – посмотрел он на жену.

А та красноречиво ответила на это молчанием.

Зима промелькнула быстро. Весной приехал Антуан. И в это время они невольно оказались вовлечены, как и все жители Парижа, в грандиозное зрелище: свадьбу дофина⁴⁴ Франциска и Марии Стюарт⁴⁵, наследной королевы Шотландии.

День двадцать четвёртого апреля 1558 года выдался солнечным, тёплым, всё зеленело и цвело, как будто сама природа сулила безоблачную жизнь новой чете королевского семейства.

Понтус и Антуан, захваченные толпой, последовали вслед за королевским кортежем карет... Вот на мгновение появилось там, в открытой карете, миловидное лицо, ещё юное, белокурые волосы...

Понтус понял, что это Мария Стюарт... И ему почему-то вспомнилась Мелина. Это было мимолётно: её образ уже изгладился у него из памяти.

Рядом же с каретой, с той стороны, где сидел король, следовала верхом на арабском скакуне красивая брюнетка. Изящество рослой и стройной обольстительницы, одетой во всё чёрное, свежесть и естественность её лица затмили всех остальных размалёванных придворных красавиц.

Антуан разинул рот...

⁴⁴ Дофин (фр. dauphin) – во Франции с сер. XIV в. до 1830 г. титул наследника престола.

⁴⁵ Мария Стюарт (1542–1587) – наследная королева Шотландии, королева Франции с 1559 г.

– Диана! – воскликнул кто-то восхищённо рядом с ним в толпе.

И он понял, что это Диана де Пуатье, фаворитка короля, ещё и по тому, как король изредка бросал на неё выразительные взгляды.

Понтус же не сводил глаз с белокурой красавицы в карете. Екатерина Медичи⁴⁶ не произвела на него впечатления: так – маленькая ростом, невзрачная толстушка... Мельком скользнул он взглядом и по атлетической фигуре короля Генриха... Его взгляд приковала Мария Стюарт, шестнадцати лет, королева Шотландии... В сравнении с ней, иных там он просто не заметил...

– Ты что пялишься на неё? – толкнул его в бок Антуан.

Понтус очнулся, скосил на него глаза, забурчал:

– Нельзя смотреть, что ли?

– Можно! Но ты смотришь так, будто хочешь затащить её в постель! Хм!.. Не по нам она, дружище!

Он тяжело вздохнул. Понтус тоже вернулся мыслями на землю.

– Ладно, пошли в кабак! – потащил Антуан его, после того как скрылась в воротах Лувра последняя королевская карета.

И они пошли запивать горечь от увиденного, того, что им было не по зубам.

⁴⁶ Екатерина Медичи (1519–1589) – французская королева с 1545 г., принадлежала к флорентийскому роду Медичи.

Торжество же только-только разворачивалось. Это было началом сумасшедшего праздника. Париж загулял на целую неделю. Во дворце и простой народ веселились так, как будто завтра наступит конец света, а может быть, ещё что-нибудь похуже: вдруг станут все с чего-то ангелами, на земле будет скучно жить без подлецов... Через неделю сплошной пьянки Понтус и Антуан уже не могли ничего делать. И лишь очередная порция вина поднимала их на новые подвиги. Всё начиналось снова: пьянки по кабакам, шатание по борделям...

– Нет, такое не пройдёт нам, французам, безнаказанно! – бурчал после очередной попойки вечером Антуан. – Поверь, дружище! Придёт похмелье... Но кто заплатит за всё?!

Понтусу же было не до выяснения каких-то высоких предсказаний. Он был безобразно пьян, как всегда, после их походов. Иногда, правда, у него мелькало в голове что-то из того, что говорил в Салон-де-Кро ему и Антуану тот чудаковатый еврей и что, вообще-то, не сбылось в том же Сен-Кантене. Он, как и Антуан, уже полностью стал язычником, пропащим человеком, а может быть, отпетым еретиком. Но это его уже не волновало. Былая монашеская жизнь его ушла в прошлое. Теперь он жил страстями.

* * *

Прошло семь месяцев. В ноябре на него, Понтуса, свалилось новое горячее дело. Толчком послужила смерть англий-

ской королевы Марии Тюдор, супруги испанского короля Филиппа из дома Габсбургов. Филипп как послушный сын не стал возражать, когда его отец, император Карл V, сказал – надо... И он согласился на брак из политических расчётов, с давно увядшей женщиной, на двенадцать лет старше него, рано постаревшей, непривлекательной и в юные года. После церемонии бракосочетания Филипп пожил какое-то время в Англии. Но Англия быстро наскучила ему, тяготила излишняя привязанность супруги, которая искренне любила его. И он уехал в Испанию, жил там, а она в Англии. И к ней, супруге, он навещался не чаще одного раза в год. Так прошло четыре года... И вот в Лондоне, проснувшись утром семнадцатого ноября 1558 года, жители узнали о смерти королевы Марии Тюдор, а также о том, что парламент провозгласил королевой Елизавету⁴⁷, дочь английского короля Генриха VIII Тюдора и второй его супруги, Анны Болейн⁴⁸. Той Анны Болейн, которой отрубили голову по приказу её мужа, Генриха VIII, за супружескую неверность, а её дочь Елизавету заключили в тюрьму, лишив её прав на престол... Но Генрих VIII уже давно умер, а вот теперь умерла и его старшая дочь Мария. И в английском парламенте верх взяла партия Реформации. И дело было даже не в самой церковной Реформации. В парламенте восстали противники папы, возму-

⁴⁷ Елизавета Тюдор (1533–1603) – английская королева с 1558 г.

⁴⁸ Болейн (Boleyn) Анна (ок. 1507–1536) – вторая жена английского короля Генриха VIII, мать Елизаветы.

щённые постоянным вмешательством Рима в дела государства, а ещё больше опасались Габсбургов, испанского двора, и этого противоестественного союза Испании и Англии... И парламент провозгласил английской королевой Елизавету...

Новая королева с тревогой ожидала, как поведёт себя французский король Генрих. Тот же в это время находился вблизи местечка Серкан на северной границе Франции, где шли переговоры о мирном договоре между Францией и Испанией. На это вынуждена была пойти Франция после поражения под Сен-Кантенom. С французской стороны в переговорах участвовали как посредники регентша в Шотландии вдовствующая королева Мария Лотарингская⁴⁹ и её брат, кардинал Шарль де Гиз. Переговоры, от имени короля Генриха, вёл коннетабль Монморанси как опытный дипломат, откупившийся от плена за кругленькую сумму. С испанской стороны на переговоры прибыли герцог Альба и принц Оранский.

Эта смерть английской королевы смешала всё, остановила переговоры. Переговорщики разъехались ни с чем. И король Генрих тоже уехал в Париж, отправив графа де Рандана к Елизавете с поздравлением восшествия на престол.

Елизавета облегчённо было вздохнула, что её признал французский король. Да, король признал. Но если Генрих признал, дипломатично, королевой её, то Гизы плюнули на

⁴⁹ Мария Лотарингская (1515–1560) – вдовствующая королева, герцогиня, дочь Клавдия де Гиза, мать Марии Стюарт.

дипломатию. Не собирались они смириться с этим. Они стали срочно набирать наёмников: для армии регентши в Шотландии, своей сестры Марии де Лоррэн. Они, её братья, герцог Франсуа и кардинал Шарль, задумали силой оружия отстаивать права на английский престол Марии Стюарт, своей племянницы, только что ставшей супругой Франциска, наследного принца, сына короля Генриха.

Понтус же, восхищённый полководческим талантом Франсуа де Гиза, не раздумывая вступил в эту армию Гизов. Об этом он тут же сообщил Антуану, вовлекая и того в новую авантюру. У него, Понтуса, уже появилась страсть к приключениям, опасностям. Без этого он уже не мог жить.

Здесь, в Париже, они узнали и своего нового командующего.

– Господа! – обратился к ним, к полку наёмников, сам Франсуа де Гиз, когда стал проводить им смотр. – Представляю вашего командующего! Господина Генри Клютена!

Он сделал жест рукой, показав на одного из прибывших с ним офицеров. Тот, лет сорока, моложаво выглядевший, с живыми глазами, скорее похожий на клерка, не производил впечатления крутого военного.

Говорил герцог чётко, собранно. Его речь, оформленная, была краткою.

– Господин Клютен служил семь лет при дворе в Шотландии, советником у королевы-регентши. Умелый дипломат и военный! В чём вы убедитесь сами!..

Он стоял перед ними, наёмниками, заложив руки назад, рослый, стройный, подтянутый и деловой.

Они же, гвардейцы и наёмники, не сводили глаз с его лица, мрачного, прорезанного большим глубоким шрамом на левой щеке, уходящим под чёрную подстриженную бородку...

«La balafre⁵⁰!» – вспомнил Понтус прозвище вот этого герцога, о мужестве которого и военном таланте ходили легенды по всей Европе.

И он, когда герцог мельком взглянул на него, невольно вытянулся под взглядом его выразительных глаз на демоническом лице с косым шрамом от сабельного удара, полученным при нападении англичан на Булонь... Но Франсуа де Гиз, «la balafre», выглядел красавчиком по сравнению с Монлюком...

Антуан многозначительно посмотрел на Понтуса, догадался, о чём тот подумал, глазами показал, что согласен с ним.

– Господа, я надеюсь на вас, на ваше мужество! – закончил герцог, довольный их видом.

Затем выступил Генри Клютен. Знакомясь с ними, наёмниками, он сказал просто, по товарищески, что им будет нелегко: и добираться сейчас до Шотландии, когда началась зима, и в самой Шотландии не все будут рады их появлению.

– Но мы должны поддержать Марию Стюарт! Её мать, ко-

⁵⁰ «La balafre» (*фр.*) – «меченый», прозвище Франсуа де Гиза.

ролеву-регентшу! И нашего короля, принявшего самое искреннее участие в судьбе дружественной нам династии Стюартов! – закончил он своё выступление на высокой ноте.

Понтус заметил, что пафос, с каким произнёс свою речь Генри Клютен, их командующий, не очень-то вязался с настроением их, гвардейцев, набранных Гизами на эту операцию. И они, наёмники, холодно выслушали его, «клерка», уже окрестив так его.

– Господа, через неделю выходим в море! – сообщил в конце смотра Франсуа де Гиз. – Корабли ждут, стоят в гавани Кале!..

Армия Гизов, снявшись с лагеря, двинулась по дороге на Кале. Время года для выступления было выбрано неудачно. Начало зимы, сезон штормов на Северном море. Это поняли они, гвардейцы, уже в порту, когда стали грузиться на галеры и эспинги⁵¹. В порту хотя и качало корабли, но было ещё терпимо. А вот когда они вышли в открытое море... Там зачалось даже само небо... На палубе, в трюме, везде полно больных, не выдержавших качку... Кругом вонь, рвота, гвардейцы, как живые мертвецы...

Понтуса вывернуло тоже... Он заглянул в трюм: Антуан валялся там тряпкой среди кучи тел. Он хотел было помочь ему. Не выдержав вони, он шарахнулся опять на палубу, где ветер был, но и свежесть там была.

А галеры то падали с волны, качаясь с боку на бок, а

⁵¹ Эспинг – военный двухмачтовый корабль.

то опять с чего-то лезли на волну, чтобы упасть с неё за-чем-то... И всё повторялось, повторялось... Итак на целый день и долгую, томительную ночь. И всё это сейчас: зима, холод... Рассвет пришёл, но не принёс он облегчения: всё тот же ветер, стужа... Не видно было этому конца. Измучились все люди и хрупкие судёнышки, галеры старые... Эспинги шли точно так же...

На третий день они прошли уже все опасные места в Северном море, как им сказали матросы на их галере... Но тут на них налетел сильнейший шторм. О том, что такое может быть, он, Понтус, даже не подозревал... И видел, видел он, стоя на палубе, ухватившись за канаты, как галеры, беспомощные перед стихией, разносит в разные стороны какая-то чудовищная сила... Вот скрылось в сплошном мраке одно судёнышко, за ним другое... Их галеру, на которой плыли они, Понтус и Антуан, тоже утянула за собой эта водяная завеса... И они потеряли других из виду... Их караван судов раскидало по морю и унесло куда-то в неизвестность... Наступила такая же ночь, ночь тревоги и одиночества на бушующем море. И они, уже ни на что не надеясь, вяло сопротивлялись, моля о спасении лишь Бога одного.

Наутро кошмар внезапно закончился, так же как и начался. Когда стало совсем светло и далеко видно, они не увидели своей «морской армады», как шутливо окрестили они свою эскадру, а только кое-какие остатки от неё. Так они и вошли на следующий день в Фортский залив, стали чалить-

ся в порту Лейта. И только тут, уже на берегу, они, гвардейцы, осмотревшись, увидели кучку потрёпанных своих товарищей, не более тысячи тех, что остались живыми.

Генри Клютен построил остатки своего войска. Гвардейцы выглядели жалко...

Он, понимая их состояние, распорядился устраиваться в казармах порта и отдыхать. В этот же день он собрался на приём в Эдинбургский замок, к регентше.

– Капитан де ла Гарди, будете сопровождать меня в королевский замок! – приказал он Понтусу.

Понтус предложил ему, что надо бы взять ещё одного или двух офицеров: для представительности.

– Вот, хотя бы Антуана!

Клютен не стал возражать. Так они, Понтус и Антуан, попали в королевский замок Холируд, вход куда им, простым смертным, в иное время был бы закрыт.

Замок, мрачный и приземистый, возвышаясь серой каменной глыбой на вершине горы, невольно вызывал жутковатый трепет у всех, подходящих к нему по широкой дороге с каменными барьерами по бокам. Массивной стеной в проезжей башне и таким же массивным подъёмным мостом встречал он угрюмо всех, непрошенных и званых.

Этот замок видел многое за свою четырехвековую историю: и нашествие норманнов, и кровь убитых принцев, порою кровь королей тоже окрашивала стены и полы замка...

Пройдя подъёмный мост, они вступили во двор замка.

Везде на караулах, когда шли они по двору, затем по галереям, длинным коридорам, палатам, стояли шотландские мушкетёры, хмуро взирая на всех проходящих, казалось, подозревая каждого в недобрых намерениях против королевы.

Но вот они вошли вслед за Клютеном в большую палату, наполненную дворянами, лордами, баронами... На троне же, подле стены, на которой висели меч и щит как символ королевской власти, сидела женщина...

Понтусу, уже непроизвольно, по выработавшейся привычке оценивать людей по внешности, невольно бросились запоминающиеся черты королевы, выдающие что-то глубоко личное, её характер: возможно, тайна и для неё самой... Прямой длинный нос, высокий лоб, выразительные губы, и брови полукругом. Серый чепец охватывал её лицо, как у монашки, холодный взгляд: смесь аскетизма с властностью. Она была похожа на своих братьев. Кровь Гизов в ней, хоть была и женщиной, никак не ослабела...

Как он понял позже, его первое впечатление не обмануло его. Да, она, регентша, урождённая герцогиня де Гиз, энергичная, как и её братья, одарённая, реально мыслящая политически, понимала, с каким противником имеет дело. Была намерена покончить с ним, не прятала своё лицо, держала, как рыцарь, открытым своё забрало.

— Господин Клютен, благодарю вас за помощь, которую вы привели! — обратилась регентша к Клютену, когда тот доложил ей все обстоятельства их морского перехода. — Но с та-

кими силами мы вряд ли что-то сделаем! Нам не подавить мятеж!.. К тому же граф Джеймс Гамильтон, лишившись регентства, затаил на меня зло! А Дугласы рыжие, с Муртоном, встали во главе протестантов! Они образовали лигу, назвали себя «лордами конгрегации»⁵²! И всё против меня!.. Кроме того, они рассчитывают на помощь Елизаветы, на союз с ней!.. Вам, господин Клютен, понятна, полагаю, цель этого союза?

– Да, ваше высочество!

Понтус, стоя тут же, почтительно на два шага позади Клютена, в этой роскошной палате, среди прилично одетых лордов, понял, почему Клютен взял сюда именно его и Антуана. Из всех офицеров после морского перехода они выглядели меньше всех потрёпанными. И Клютен хотя бы этим хотел как-то сгладить перед регентшей впечатление о ничтожной численности приведённой им армии.

* * *

Прошла зима 1559 года. Всё это время королева-регентша безвыездно жила в своём неприступном королевском замке. Там же она встречалась и с «лордами конгрегации». Шли переговоры. Она искала в переговорах возможность мирно поладить с ними, лордами Шотландии. Но дело не двигалось.

⁵² Конгрегация, от лат. congregatio – соединение.

Граф Джеймс Гамильтон настаивал на отстранении её, королевы-матери, от регентства... А волна кальвинизма грозила вот-вот смести регентшу, Гизов, захлестнуть Шотландию, превратить её в страну, враждебную Франции, королю Генриху. К тому же восшествие на престол Англии королевы Елизаветы поощрило оппозицию Гизам. Конфликт между Тюдорами и Стюартами перешёл в горячую фазу, вовлекая всё более крупные силы в назревающую большую драку...

В это время их, гвардейских офицеров, как-то собрал Клютен.

– Господа, королева-регентша ведёт сейчас переговоры со своими советниками о том, как остановить эту заразу, протестантизм!.. Эту... – выразился он по-солдатски откровенно.

И они, офицеры, засмеялись.

Клютен отпустил их. У них же, офицеров, пошли обычные дежурства на караулах, а то они бывало откровенно бездельничали.

В конце июля пришло известие из Франции. Их король, Генрих II, стараясь обезопасить страну от неугомонных соседей, выдал замуж свою дочь – принцессу Елизавету – за короля Филиппа, лишившегося своей первой жены, английской королевы Марии. Свою же младшую сестру, принцессу Маргариту, король Генрих выдал за герцога Савойского Эммануэля Филибера... Особенно несчастной оказалась четырнадцатилетняя малышка Елизавета. Приехав со своими кук-

лами в Испанию, она расплакалась, увидев своего тридцатидвухлетнего старого и унылого супруга... Во время празднеств, устроенных после этих бракосочетаний, король Генрих, участвуя в рыцарском поединке, был смертельно ранен осколком копья капитана Монтоммери. Осколок проколол ему глаз и проник в мозг... Через десять дней, десятого июля 1559 года, короля Генриха II не стало... Франция погрузилась в траур...

Во дворце, как дошли слухи сюда до них, офицеров, начались разборки между своими же. Первым поплатился за свой длинный язык коннетабль Монморанси. Екатерина Медичи вспомнила его любезности, которые он с ехидцей говорил не раз её супругу... «Ваше высочество! У вас много детей, но что-то они не похожи на вас»... Король снисходительно сносил эти вольности своего коннетабля, которому он полностью доверял, был восхищён его талантами как военачальника и дипломата. Сам же он блистал только на рыцарских турнирах, да ещё в постели с женщинами... У него было много женщин, много было и детей как законных, так и прижитых на стороне. И разобрать, его ли они или иных «резвых скакунов», не представлялось возможным...

– Всё! – решили они, офицеры. – Прошло время старика Монморанси!..

Королева же мать, Екатерина Медичи, влачившая при живом супруге жалкую роль одной из женщин его «маленького гарема», как шутил сам король, распрямилась после его

смерти. Она сразу же удалила от двора Диану де Пуатье, неизменную фаворитку покойного короля в течение последних двадцати лет, безраздельно властвовавшую при его жизни. Отправили на отдых и коннетабля Монморанси. Когда тот явился после похорон короля ко двору, новый король, юный Франциск II⁵³, супруг Марии Стюарт, сообщил ему, что должность управляющего финансами уже занята, так же как и командующего армией. Эти должности уже были отданы Гизам: кардинал Лотарингский Шарль де Гиз стал ве-
датель финансами, а его старшему брату – герцогу Франсуа, «la balafre», поручено было командование всеми французскими военными силами. Гизы оказались сильны большим числом: полководец герцог Франсуа де Гиз, кардинал Шарль де Гиз, их младший брат великий приор шевалье Анри де Гиз, герцог Омальский де Гиз...

– Когда понадобятся ваши советы – мы позовем вас! – дал ему, коннетаблю, ответ в любезной форме новый король Франциск, настроенный на это своей матерью, Екатериной Медичи...

Итак, в Эдинбурге минуло лето. В сентябре стало известно, что восемнадцатого августа 1559 года, на восемьдесят четвёртом году жизни, умер папа Павел IV, очередной святой отец.

– Надорвался, преобразовывая своих ближних! – рассмеялся Антуан, когда узнал о смерти папы. – Но он ещё святой

⁵³ Франциск II (1547–1560) – король Франции с 1559 г.

по сравнению с тем, с Александром VI, Родриго Борджиа!.. Хи-хи!..

Понтус поддержал его, вспомнив Савонаролу и то, что рассказывал ему «Чахоточный». Этот папа, Павел IV, Джампьеро Карафа, просидев на святом троне четыре года, был ещё не из самых одиозных. Правда, этот аскет, божий избранник, любил пожрать и глушил такое крепкое вино, что куда там было до него им, гвардейцам.

* * *

Наступил 1560 год. Весной в замок королевы-регентши пришло сообщение от её сторонников из Лондона, что к берегам Шотландии вышла английская эскадра под командованием адмирала Уинтера. В Берике же, на границе Шотландии, у реки Туид, вблизи от морского побережья уже стояла сухопутная английская армия в шесть тысяч пехоты и две тысячи кавалерии, готовая в любую минуту перейти границу. Эта армия поступила под начало лорда Грея Норфолка, члена Тайного совета Елизаветы... В Престоне же стояли восемь тысяч конфедератов, протестантов, противников регентши, с графом Муртоном Дугласом, чтобы выступить на стороне англичан.

Клютена срочно вызвали в замок. Оттуда он вернулся к себе в полк озабоченный, собрал офицеров.

– Господа, королева-регентша сообщила, что сюда идёт

английская эскадра!..

Он рассказал всё, что услышал в замке.

– У нас нет сил воевать с таким противником в открытом поле!.. Будем держать оборону в крепости и в порту! Они господствуют над заливом! Надо не допустить высадки англичан и продержаться до подхода помощи из Франции! Задача ясна, господа офицеры? – спросил он их. – Тогда за дело!

Дав указание куда и какие роты расставить в порту, он отпустил офицеров.

– Капитаны Джейн и Пирес, а также де ла Гарди и Харбиргес, задержитесь!

Он подошёл к ним, оставшимся капитанам, откровенно, ничего не утаивая, сказал, что их ждёт, к чему нужно быть готовыми.

– Разместите свои роты за пакгаузами! Так мы обеспечим скрытность наших сил и в то же время укроем своих мушкетёров от огня корабельных пушек!..

По-доброму улыбнувшись, он пожал каждому руку:

– Удачи, господа!

Эскадра подошла через три дня. На горизонте, на юге, сначала замаячил одинокий парус. Затем показался ещё один... Их становилось всё больше, больше... Они шли сюда, к Фортскому заливу... Во второй половине дня корабли стали входить в залив, бросали якоря на безопасном расстоянии от королевского замка и от порта Лейта, опасаясь бе-

реговой артиллерии...

В этот же день пришло сообщение, что армия Грея Норфолка перешла реку Туид и двинулась к Эдинбургу на соединение с протестантской армией Мортон Дугласа.

– Он бездарь в военном деле! – презрительно отозвался Клютен о лорде Грее, собрав их, офицеров, на очередное совещание. – Только умеет вешать!.. А вот адмирал Уинтер опасен! Поэтому вам, капитаны, в порту придётся туго!.. И следите, не поддавайтесь на провокации! Этот хитрый пёс, адмирал, может выкинуть какую-нибудь пакость!.. Я рассчитываю на вашу смекалку, господа капитаны!

Он отпустил офицеров.

Как и предвидел Клютен, адмирал Уинтер нашёл уловку для развязывания военных действий... Простояв несколько дней на рейде, вдали от берега, эскадра начала перестраиваться. На виду у защитников форта корабли стали расходиться для этого в стороны... И один из галионов⁵⁴ сильно отклонился в сторону берега, к Лейту... Пошёл, пошёл... На палубе засуетилась команда, не в силах справиться с прибрежным бризом⁵⁵... Вот корабль уже опасно приблизился к берегу, под крепостную артиллерию...

⁵⁴ Галион – старинное испанское и португальское военное трёхмачтовое парусное судно. Водоизмещение – 1550 т, вооружение до 100 орудий; усиливался отрядом солдат (до 500 человек).

⁵⁵ Бризы (*фр. brise*) – ветры с суточной периодичностью по берегам морей и крупных озёр. Дневной бриз дует с водоёма на нагретое побережье, ночной – с охлаждённого побережья на водоём.

И Клютен, поняв уловку адмирала, приказал открыть огонь по галиону. Но там, на галионе, опередили их. На судне ударили разом все пушки с одного борта. И французский флаг на крепостной башне Лейта слетел, как мокрая тряпка, к ногам гвардейцев.

Адмирал Уинтер рассчитал точно, что такого оскорбления французы не стерпят... Начались военные действия. Остановить их уже было невозможно.

Гвардейцы Клютена отбили одну атаку высадившегося с кораблей десанта, затем другую, встретив с саблями и этих англичан... На этом первый день штурма закончился. На следующий день всё повторилось. Затем наступило затишье. Адмирал Уинтер понял, что такой силой, какая была в его распоряжении, форт Лейта не взять.

Движение же армии лорда Грея Норфолка остановили верные регентше полки шотландцев. Норфолк, оправдываясь, отписал в одной из депеш в Лондон, что он не получил должной поддержки от шотландских «лордов конгрегации», на что рассчитывал и в чём его уверил лорд Дуглас.

Так, в мелких стычках, прошёл месяц... В замке, у регентши, и в крепости Лейта все с надеждой ждали помощь из Франции. Но с каждым приступом неприятеля надежда становилась всё призрачнее. И гвардейцы совсем упали духом, когда по ротам разнеслась весть, что вместо обещанной армии из Франции прибыли советники от Марии Стюарт и её супруга Франциска, чтобы помочь регентше в переговорах с

упрямыми «лордами конгрегации». И так выиграть время... Во Франции в это время раскрыли в Абуазе заговор, с целью свержения партии Гизов... И тем сейчас было не до сестры-регентши... Они усиленно защищались сами...

Клютен, вернувшись из замка, сообщил, кто приехал из Франции.

– Четверо! Во главе с епископом валанским Жаном де Монлюк!

Понтус, услышав это, попросился, чтобы тот взял его на очередную встречу с королевой.

– Я служил под началом его старшего брата, генерала Блеза де Монлюка!

– М-м! – с уважением промычал Клютен так, словно перед ним был не он, Понтус, а сам генерал.

И он взял его с собой в замок. После официальных разговоров с королевой, когда выдалась возможность, Клютен представил его, Понтуса, епископу Монлюку.

– Жан! – просто и дружелюбно пожал епископ ему руку.

Понтус назвал себя, сказал, что воевал в Италии под командой его брата, генерала Блеза.

– А-а! Старина Блез! – воскликнул епископ. – Генерал!.. Широко шагает братишка!..

Он криво ухмыльнулся, как избалованный ребёнок, ревнующий, когда речь заходит о ком-то, а не о нём.

Затем он фамильярно подхватил Понтуса под руку, как доброго приятеля, с которым можно не церемониться, при-

храмывая и странно подпрыгивая, потащил его в сторону от Клютена, подмигнув тому: мол, не серчай, дружок... И стал что-то быстро говорить Понтусу про турок, когда был в Турции послом... Ругался, сквернословил... Вспомнил, как его, посла, держали в тюрьме в Стамбуле.

– Паскудные тюрбаны! – походя ругнул он турок...

Говорил он красноречиво, искренно заглядывал Понтусу в глаза, чутко реагируя на малейшую его реплику... Сама истина творила мир его устами... Понтус был потрясён... К концу беседы ему казалось, что этот человек, «Хромоножка», роднее брата ему... У него осталось такое чувство, как будто этот старик шестидесяти лет, рано состарившийся из-за терзаемых его страстей, поселился в его сердце...

Вечером в этот же день, за бутылкой вина, отдыхая, Клютен рассказал ему сплетни об этом епископе, младшем брате генерала. Тот в Стамбуле публично поносил турецкие власти, накидывался на них с дерзкими требованиями уступить то или иное французской стороне.

– И это там, где наши дипломаты только просили, и весьма униженно!...

Турки истошно завопили, умоляя короля: не присылайте к нам больше таких языкастых!.. И если во Франции нет других людей, с мозгами, тот лучше никого, чем таких!..

– Пройдоха! – произнёс Клютен с тёплым чувством. – Неслучайно Екатерина Медичи держит его при себе как советника!

Прозвучало это с искренним восхищением талантом умного, изощрённого и циничного дипломата-епископа.

Понтус высказал предположение, что Монлюк сломает в переговорах «лордов конгрегации».

– Здесь турок нет! – лаконично заметил на это Клютен.

Опорожнив достаточно бутылок с вином к концу этого вечера, они в откровенной беседе прощупали друг друга, и это сблизило их.

На следующий день они, гвардейцы Клютена, видя слабость неприятеля, осмелели, стали делать вылазки, беспокоя англичан, протестантов и наёмников, оказавшихся у них тоже...

Так прошли ещё два месяца вялых боевых действий.

По французскому гарнизону прокатился слух, что королева-мать опасно заболела.

Да, многие годы борьбы за регентство с тем же Джеймсом Гамильтоном, протестантами, а теперь и последняя, уже открытая война с лордами «конгрегации» и англичанами, подорвали здоровье Марии де Гиз.

Клютена срочно вызвали в замок к королеве. Туда он явился со своими капитанами: Харбиргесом, Понтусом, Антуаном, Джейном, проверенными, надёжными его соратниками по оружию.

В замке, в тронной палате, они увидели Марию де Гиз всё так же на троне. Хотя и было заметно, что она больна, и безнадёжна. Тут же, неподалёку от трона, стоял её личный врач,

готовый в любую минуту помочь ей.

В палате были её сторонники: бароны, графы, священники, придворные... Мелькнуло лицо и епископа Жана де Монлюка...

Но что поразило Понтуса, так это то, что в палате присутствовали и конфедераты, противники королевы. Тот же лорд Мортон Дуглас, граф Арджил, лорд Джеймс Стюарт...

Мария де Гиз встречала каждого входящего приветливой улыбкой, с усилием, похоже, справляясь с болью, съедающей её болезни, сохраняя на лице спокойствие, подобающее её сану. Когда палата заполнилась, явились все приглашённые, она произнесла краткую речь.

С волнением в голосе говорила она:

– Я удручена печальным положением государства... Искренне сожалею о том, что вынуждена была следовать указаниям из Франции. Помимо своей воли!.. Беспокоясь о судьбе Шотландии, верная клятве, данной ещё королю Якову, моему супругу, я советую вам, лорд Дуглас, всем конфедератам, вашим единомышленникам, и моим сторонникам тоже: чтобы спасти Шотландию, выведите отсюда как французские, так и английские войска!..

В конце приёма, встав с трона, она пошла вдоль ряда выстроившихся перед ней, останавливалась перед каждым, подавала руку, говорила несколько слов, просила извинения, что не оправдала надежд как королева... Вот задержалась она около епископа де Монлюка. Тот что-то сказал ей. Она

кивнула согласно головой... Пошла дальше, миновала Клютена, затем остановилась перед ним, Понтусом...

И Понтус увидел перед собой глаза уже немолодо выглядевшей королевы, наполненные чем-то, что не забывается, появляется у человека, уже стоявшего на краю вечности...

Что сказала ему королева, он не запомнил. Да и сказала она ему те же слова, что говорила и другим. Но он запомнил прикосновение её руки, ещё тёплой... Она прошла дальше: к Антуану, другим офицерам...

На этом приём в замке был завершён. Они, Клютен и его офицеры, вернулись к себе в крепость.

На следующий день произошла крупная атака на крепость Лейта с моря и одновременно со стороны суши. На площади, перед крепостными воротами, началась самая настоящая резня.

Понтус, сражаясь в первых рядах вместе со своими гвардейцами, в запале драки не заметил, что к англичанам подошло подкрепление: рота мушкетёров... И те, построившись, дали залп по ним, французам.

Понтуса что-то ударило в грудь, он зашатался... Ещё какое-то время он стоял, затем упал, потерял сознание...

В этот же день от лорда Грея Норфолка ушла в Лондон к королеве Елизавете депеша о событиях в порту Лейта. В ней он упоминал и его, Понтуса: «Ваше величество, – сообщал Норфолк новости королеве Елизавете. – Я уже посылал с господином Френсисом Лайком сообщение о нашей стычке

в понедельник. Сейчас же я получил заслуживающую доверие информацию, исходящую из Лейта, о том, что капитаны ла Джейн, Пьемонт и Пирес, так же как господин де Логре, убиты, капитан де ла Гарди тяжело ранен. И ещё убиты тридцать из их наиболее смелых товарищей. Помимо семидесяти четырех из двух рот: капитанов Харбиргеса и Рисарвилла. Общее число убитых и раненых свыше двухсот пятидесяти. Правдоподобность этого большая, если верить постоянным сетованиям вдовы-регентши и параличу наших соседей в Лейте. Я прошу вашу милость послать столько пушечного пороха, сколько можно изготовить на мельнице Бервика, и позаботиться о том, чтобы это было приготовлено и отправлено на место. Взамен я поставлю нужное количество змеевиков⁵⁶. Что касается фитилей, то мы лишены их абсолютно»...

После этого, уже последнего столкновения начались переговоры об условиях сдачи крепости, заключения перемирия. Со стороны Елизаветы переговоры возглавил лорд Сесиль и Николай Уоттон, с французской стороны – епископ Жан де Монлюк и епископ амьенский ла Бросе де Узель и Рандан. Мирный договор был подписан шестого июля 1560 года. По условиям этого договора, французские гарнизоны оставались только в двух маленьких городах Шотландии: на этом настояли бароны, приверженцы католицизма, потерявшие уже былую силу.

⁵⁶ Змеевик – пушечный снаряд.

Генри Клютен начал вывод своей армии из Шотландии. Всех французских офицеров и солдат, здоровых, больных и раненых, в том числе и Понтуса, погрузили на уходящие во Францию галеры.

Галера, на которой разместились и Понтус с Антуаном, медленно развернулась, отошла от пирса в порту Лейта, нацелилась носом на выход из Фортского залива.

Понтус, стоя на палубе галеры, поддерживаемый Антуаном, тоже раненым, с тоской смотрел на королевский замок, на горе в Эдинбурге. Только что стало известно, что Мария де Гиз, королева-регентша, умерла в своём замке.

На душе у него было скверно. Вот только что умерла женщина, королева, в общем-то, чужая для него. Но всё равно было скверно.

Глава 6. Мария Стюарт

Во Францию их, раненых, вывозили в трюмах галер.

– Ну что, дружище, жив! – балагурил Антуан над Понтусом, прихрамывая на левую ногу, ковылял, опираясь на палку и стуча ею о дно трюма галеры.

Выглядел он не воинственно, забавно, прижимая к груди раненую кисть правой руки, висевшей на повязке. Отделался он легко в той передрыге, в порту Лейта. Его отшвырнуло взрывной волной от разорвавшегося неподалёку ядра. Двоих гвардейцев убило. Он же уцелел, только припадает на ногу. Да ещё не всё было в порядке со слухом. Но доктор, который осмотрел его, заверил, что у него всё пройдёт.

И он смеялся, довольный, что остался цел.

Сначала, когда их доставили во Францию, их поместили в королевскую богадельню. Других же, офицеров, легкораненых, забрали в свои владения герцоги Гизы.

Понтус поправлялся быстро, несмотря на тяжёлое ранение. Уже в октябре он перебрался из замка кардинала Шарля де Гиза в Париж. В ту свою каморку, которую снял и на этот раз.

Антуан был уже давно в Париже. Какое-то время они, наслаждаясь свободой, таскались по Парижу, кабакам, заносило их и в бордели.

В начале декабря всё того же 1560 года, шестого числа,

Париж встряхнул очередной подземный толчок: умер король Франциск II, ещё мальчик, шестнадцати лет. Осталась юная вдова, королева Мария Стюарт, на два года старше его.

Понтус и Антуан оказались на улицах Парижа. Все ждали волнений.

В это время офицеров, участвовавших в походе в Шотландию, в том числе Понтуса и Антуана, разыскал Клютен.

Они встретились в кабачке.

– Снова предстоит дело, – лаконично сообщил им Клютен. – Всё там же... Гизы набирают армию для своей племянницы, Марии Стюарт. Будьте готовы. Как понадобится – позову!..

Выдав им звонкой монетой жалованье от Гизов, он исчез.

Во дворце же, как они слышали, новым королём стал второй сын покойного короля Генриха, десятилетний Карл IX. Минуло сорок дней траура. Венчание на престол состоялось, как обычно, в Реймсе. Екатерина Медичи стала королевой-регентшей при малолетнем сыне, забрала всю власть во дворце, оттеснила от трона нелюбимую сноху, Марию Стюарт.

Опальная королева, юная вдова, знала причину этой ненависти к ней королевы-матери. История эта восходила ещё к временам, когда её мать, красавицу Марию де Гиз, пророчили в супруги принцу Генриху, когда тот ещё не знал той же герцогини Дианы де Пуатье.

Прошла зима. В начале марта Понтуса и Антуана снова отыскал Клютен. Вручив им очередное жалованье, он приказал им уже как их начальник быть к десятому марта в порту Кале.

Прибыв туда, в Кале, они быстро отыскивали галеры, которые описал Клютен. Побросав в трюм свои неказистые вещицы, они познакомились с такими же, как они, наёмниками.

Потянулись дни ожидания.

В один из таких дней Понтус и Антуан толкались, как обычно, на палубе галеры, изнывая от безделья, травили всякое со своими новыми приятелями. Что ожидали они? Этого они не знали. Им, мушкетёрам и гвардейцам, Клютен приказал ждать. И они ждали...

Вечерело, когда кортеж карет, повозок и верховых с шумом ворвался в порт Кале. С коней посыпались гвардейцы, в суматохе забегали придворные. Все быстро разобрались, выстроились у кареты с гербом Медичи. Впереди Клютен, бравый, подтянутый. Короткий взмах его руки, дворецкий распахнул дверцу кареты... И на землю грациозно ступила неизвестная особа, укутанная в тёмно-бордовый длинный плащ, скрывающий её черты под капюшоном. Изыщно и непринуждённо оперлась она о руку дворецкого, на секун-

ду появилась белоснежная ручка и снова скрылась под плащом... Незнакомка легко взбежала на борт галеры. За ней поднялась на борт сопровождавшая её свита. Незнакомка прошла на корму. Откинув капюшон, она схватилась руками за борт галеры и жадно устремила взгляд туда, на берег, на придворных, с которыми приехала... О-о, сколько было в её взгляде тоски, смятения и страха!..

Да, да! Предстала перед всеми французская королева Мария Стюарт, наследная королева Шотландии, всего восемнадцати лет от роду, уже вдова скончавшегося только что короля Франциска II. Смерть эта отняла у неё власть, изящество и блеск парижского двора... И тут же рядом с ней, подойдя, почтительно встал кардинал Шарль де Гиз, её дядя, за ним же ещё какой-то незнакомец, молодой, лет двадцати, тенью следующий позади. А там, на пирсе, среди провожающих, стояли два других её дяди: герцог Франсуа де Гиз, «la balafre», и герцог Клод де Омаль. Могущественней их, пожалуй, не было тогда в Париже.

А Понтус где? Где Понтус?.. Он замер поодаль от кормы, стараясь не глядеть туда, на ту особу, всем существом и кожей ощутив сошествие на борт к ним кого-то неземного...

Галера с бесценным грузом на борту отчалила от пирса. За нею стали отходить гружённые войсками корабли, которых уводила с собой Мария: десять тысяч французов, шотландцев, наёмников из разных стран, крутые все и молодые.

Кардинал Шарль де Гиз предложил Марии спуститься в

каюту.

Но прелестная белокурая головка молча покачала отрицательно в ответ. По лицу у неё катились слёзы. Прикушенная розовая губка едва удерживала рыдания, готовые вот-вот сотрясти её взволнованную грудь...

«Ба-а!.. Она же плачет! Да разве может быть такое?.. Какая она – о боже! – сжалось сердце у бедного Понтуса. – Ну всё, конец, пропал, и безвозвратно! На что ты годен, белый свет, коль не было б её!»

С кормы же донеслось:

– Я хочу проститься... С ней!..

Печаль и боль: всё прорывалось в голосе её, самой несчастной в эту минуту на всём белом свете...

– Ваше величество, она будет видна ещё и завтра утром! – в порыве чувств воскликнул юноша, вставший тут же, рядом с ней, казалось, появившись ниоткуда.

О юный, юный де Анвиль Монморанси! Он пренебрёг запретами отца, коннетабля, всё бросил здесь, во Франции, не в силах был расстаться с ней: не видеть этих чудных тёмно-карих глаз, не следовать за ними хоть на край земли!..

– Всё равно, мой милый де Анвиль! Я останусь здесь, буду ждать рассвета...

– Ваше величество, здесь прохладно, ветер... – настаивал на своём, не отходил от неё Шарль де Гиз.

Но очаровательная головка всё так же непреклонно покачалась.

И даже издали заметил Понтус пленительный пушок на тонкой шейке; он золотился и манил, изящный профиль, глухого платья воротник, и шарфик, а может быть, платок, как дымка голубая...

Она, отверженная королева, была одета по-дорожному. без украшений, в тёмное, изысканно и ладно скроенное платье, подчёркивающее все прелести её точёной талии.

Кардинал ушёл с кормы и скрылся с тем незнакомцем в каюте. А де Анвиль, почтительно отступив назад, остался тут, всё так же рядом с ней. Он не решился оставить её одну на палубе, среди гвардейцев, мушкетёров, исподтишка глазевших на неё: на королеву, птицу неземную, чудом залетевшую сюда, на старую и грязную шотландскую галеру.

Галеры, вытянувшись в ряд, пошли каким-то вялым ходом, пошли вдоль берега, с трудом тараня волны: их, разлучниц, сносивших все корабли назад, назад! Куда идёте – там жизни нет для пташек полевых!..

Солнце скользнуло вниз, упало в море, взмахнуло, как руками, в немом прощальном крике багрово-золотистыми лучами. И серость поползла, всё поглотила и всюду лезла, вездесущая, как пыль. За ней пришла бездонная, пугающая темнота. Заброшенное небо почернело. Ушла, как в пропасть, в темноту вода. Остался только фон, сплошной и мерзкий фон: без жизни, мысли и тепла, нет точек, ряби, одна боль...

А на корме, под звёздным небом, плыла над морем всё так же одинокая фигура, дугою изогнувшись в порыве страст-

ном, и всё стремилась взглядами туда, где в темноте исчезла Франция...

Но тут вдруг хлопнула дверь каюты, и на корму поднялся Шарль де Гиз.

– Ваше величество, не соизволите ли спуститься в каюту?

Мягкий, сильный баритон, сочувствие и нежность в нём сквозили.

– Монсеньор, я буду отдыхать здесь, на палубе... Распорядитесь принести что-нибудь и постелить, – послышался в темноте дрожащий, наполненный волнением голос.

– Ваше величество, позвольте я, я! – вскричал де Анвиль, бросаясь бегом исполнять волю своего божества...

Всю ночь просидел Понтус на палубе среди мушкетёров, следя за еле различимой на корме фигурой. Рядом, вместе со всеми гвардейцами, сидел и тоже не сводил глаз с королевы Клютен, которому Гизы поручили охранять племянницу.

Когда суматоха на галере улеглась, Клютен, коротая время, разговорился с Понтусом.

– Вот тот, что всё время держится за кардиналом, это Брантом, секретарь Екатерины Медичи, – стал передавать он придворные сплетни. – Она поручила ему проследить, чтобы Мария убралась отсюда...

И Понтус понял, что королева-мать выжила из страны красавицу-сноху.

Спала ли Мария в эту ночь? Может быть. Но только утром, когда едва забрезжило, Понтус снова увидел её всё в той

же напряжённой позе, взиравшей на берега милой её сердцу Франции, которые вновь замаячили в серой предрассветной мгле.

Через пять дней, девятнадцатого марта 1561 года, галеры добрались до берегов Шотландии, благополучно миновав сторожевые корабли английского флота, посланного королевой Елизаветой на перехват шотландских галер. Да, она, Елизавета, опасалась, что Мария Стюарт высадится на берега её владений, доставшихся ей не по закону, а кривым ходом всей истории лукавой...

Стояла вторая половина августа. Родная земля, Шотландия, встретила свою королеву неприветливо. Было холодно, сыро. Над морем висел густой туман, закрывая берега дикой и суровой горной страны, живущей по законам кланов, где королевская власть вот уже на протяжении целого столетия терпела поражение из поколения в поколение в попытках смирить законы гор, баронов спесь, не приученных терпеть любую власть.

Ещё печальнее, для неё, королевы, оказалось то, что здесь её никто не ждал... Она сошла на берег.

Пристань в портовом городе Лейта была пустынна. Ну, ни души!..

Клютен, Понтус, Антуан, другие офицеры сошли на берег вместе с Марией и её придворными, сопровождающими лицами.

Одна за другой подходили и подходили галеры. Наёмни-

ки, настороженно оглядывая пустынный порт, стали сходить на берег.

Клютен указал офицерам выставить караулы вокруг порта, разгружать подходившие корабли.

Выполняя его команду со своими солдатами, Понтус изредка взглядывал туда, где была Мария Стюарт... И там же был Шарль де Гиз, охрана...

Мария стояла в окружении своей свиты, растерянная: её, королеву, никто не встречал из её подданных. Она оказалась здесь чужой, незваной.

* * *

Всё сплетни, сплетни, их не скроешь при дворе болтливом... Все силы мира, кажется, восстали на неё: ещё дитя, всего-то восемнадцати неполных лет, уже вдова, исторгнутая из самого изящного европейского двора. Она, беспомощная, стала в одночасье яблоком раздора для всех королевских дворов. О боже, разумеется, не из-за любви к ней!.. Шотландия – убогая и бедная страна. И не из-за неё, Шотландии, конечно же, раздор весь этот. А вот Мария, из рода древнего Стюартов, наследная королева слабенькой Шотландии, имела ой как много прав. Она, бесспорно, королева Шотландии, имела все законные права и на английский трон. И даже больше прав, чем Елизавета, её двоюродная сестра из рода Тюдоров, мать которой лишилась головы на эшафо-

те из-за неверности супругу. А вместе с головой отлетели и все права её потомков!.. Но Тюдоры игнорировали это, когда вводили во дворец Елизавету... Известно, когда посадят, то снять с трона не так-то просто и легко!.. Как в тюрьму: туда попал, оттуда выйти нелегко, будь ты хоть трижды свят или сам святой!.. Не заблуждайтесь, господа, от века это не зависит. Уж такова природа правды человека... Французская корона была к ней тоже недалеко. Кто будет рядом с ней, присоединит к тому же и свои права. Тогда куда уж больше прав и силы, могущества, на крохотном клочке Европы? Да, да, были бы права: всё остальное добудем сами!.. Считали так во всех дворцах Европы.

Её имя было на устах у всех: то говорили с трепетом, а то с опаской, предвидя беды оттого, когда она, а вдруг да выйдет замуж за вон того... Филипп, король испанский, заслал к ней сватов от своего сына, дона Карлоса. От этого перепугалась Елизавета! Когда явились к Марии посланцы от императора, из дома Габсбургов, по делу важному тому же, тотчас же Франция невольно содрогнулась! А тут ещё за ней стал волочиться король всех шведов Эрих. Он с этим надоедал Елизавете, когда та была ещё принцессой. Теперь решил он испытать её двоюродную сестру... Один хотел, другой страшился, тот не пускал посольства к ней, иной же был не по ранжиру ей, кого-то не хотела и сама она, а кто-то домогался невесть чего!.. Елизавета, с насмешкой, предложила ей герцога: своего любовника и подданного тоже. Так выдавали на

Руси за крепостного... Пощёчина, укол, зуд издевательства дурнушки над красотой!.. Так длилось долго: два полных года! И в сплетнях закалённая душа не выдержала бы такого.

Королева, юная, к тому же и вдова. Красавица, каких не видел ещё свет, умна, начитана и голос дивный. К тому же музицирует отменно и говорит на многих языках, в Европе принятых негласно за образованность в высшем свете... Как много в этом соблазна для голов иных горячих! Что ожидало их?

Первым спасался бегством из Шотландии капитан гвардейцев Гепбёрн. Он, глупец, позволил с ней, с юной вдовой и королевой, переступить приличия порог, лишь малую фривольность!.. Вторым, безумным, был Пьер де Шателяр: так, мелкий дворянин, но неплохой поэт. Служил он при её дворе. Ему Мария неосторожно ответила стихами, по наивности своей, в её года вполне простительной, а также из любви к изяществу и слогу. А он, несчастный, думал про иное! И стал преследовать её стихами и письмами надоедал, и всюду лез ей на глаза. Дошёл он до того, что как-то раз проник к ней в спальню и спрятался там под кровать. Марию этим он до смерти напугал: она кричала, вызвала охрану... И бедный тот поэт взошёл на эшафот, за дерзость эту не по чину, в свои последние минуты лепеча стихи, что выдавала в горячке его больная голова.

– Пора отсюда уносить ноги! Пора же, Понтус! – заговорил Антуан после того, как они вечером остались одни у себя в комнатке на постоялом дворе, где их устроил Клютен как верных ему офицеров. – Ты что – хочешь вот этого же? Вот этого! – ткнул он пальцем в сторону площади, где состоялась казнь поэта. – Одумайся, дружище! Не по тебе она!..

Понтус замотал головой, как бык, пристёгнутый к повозке. У него было такое чувство, что его чем-то опоили. Сердце сжималось в судорожный комок, стучало, просилось наружу. Перед глазами постоянно, застилая всё, стоял один и тот же образ...

Видя бесполезность разумных доводов, Антуан сунул ему под нос горькую пилюлю, чтобы до него дошло, что Мария всего лишь земное существо.

– Тут недавно как-то я разговорился с Клютенем... И он мне сообщил, что Франциск, муж Марии, мальчишка шестнадцати лет, был настолько слаб, что даже не смог справиться с её девственностью... Хм-хм!..

Понтус смотрел на него несколько секунд.

– Ну да, тебе, болтуну, он так бы и рассказал про это!..

Он догадался об уловке приятеля.

– А куда мы побежим? – спросил он, уже спокойнее. – Мы же на острове! Все суда проверяют королевские сыщики!

Отловят за милую душу!

– Не отловят! – рассудительно заявил Антуан. – Я всё продумал!

Он помолчал, подождал, когда у Понтуса взгляд станет более осмысленным. Затем он стал излагать ему план бегства из Шотландии.

– Пойдём в наёмники! Из наших, из Пьемонта, есть ещё такие, что собрались на войну! С теми же шведами!..

Антуан был в ударе. Его уже достала служба при дворе Стюартов.

– Куда угодно! Но только подальше отсюда! – взревел он. Понтус был сражён его откровенностью. Тот, оказываясь, скрывал от него, от друга, свою ненависть ко двору Стюартов.

– Ты что – гугенот?! – напрямую спросил Антуан его. – Из этих! – с презрением скривил он рот. – Ах, я забыл, что ты из Лангедока! Альбигоец! Еретик! Божий избраннык!..

– Перестань паясничать! – закричал Понтус, недоумевая, что случилось с приятелем, всегда холодно относившимся к религии.

– Из этих! Из манихеев! Катаров⁵⁷! – с издевкой продолжал Антуан. – Чистеньких! Так они говорят про себя!

– Откуда ты знаешь?! – не выдержал Понтус. – Катары –

⁵⁷ Манихейство (от имени легендарного перса Мани) – религиозное течение, получившее распространение в Римской империи начиная с III в. н. э. Катары (гр. *katharos* – чистый) – религиозная еретическая секта в Италии и Франции (в XI–XIII вв.).

это те же пуритане⁵⁸! Ты не знаешь даже этого!

Антуан как-то странно уставился на него, затем расхохотался:

– Ха-ха-ха! Ты на самом деле принял всерьёз всё, что я наболтал!

Он подскочил к нему, схватил его за пояс, легко оторвал от пола, крутанул и отшвырнул от себя так, что Понтус отлетел от него на несколько шагов и едва устоял на ногах.

Понтус готов был вот-вот накинуться на него с кулаками за этот розыгрыш. Но, увидев невинно улыбающуюся физиономию друга, он тут же простил ему это. Однако всё равно намял ему бока в потасовке, затеянной ради потехи.

Отдышавшись, они стали уже серьёзно обсуждать то, что предложил Антуан.

– А как же Клютен?! – спросил Понтус его.

– А-а, оставь!

– Ладно, я договорюсь!..

Да, отсюда надо было сматываться. Дела при дворе разворачивались странным образом после казни сумасшедшего поэта-мальчишки.

– Он, этот поэт Шателяр, как гусёнок!.. Говорят, что гусёнок, когда вылупится из яйца, принимает за родителя того, кого увидит в первый момент!

– Но ты же не гусёнок! – захохотал Антуан. – Но уж гусь-

⁵⁸ Пуритане (англ. puritan, лат. purus – чистый) – английская протестантская секта (возникла в XVI в.).

то порядочный!

Итак, наш пылкий мушкетёр, отчаянный смельчак, готовый валяться хоть псом под дверью королевы и божества, бежал из Шотландии, чтобы забыться в Северной войне. Там поискать свою судьбу. Подбил на это он таких же, как он сам, романтиков. Они, шотландцы, итальянцы и французы с охотой ввязались в большую драку шведов и датчан.

Глава 7. Маленький принц

Кристиан, впоследствии датский король Кристиан II, родился в тот год, когда его отец, Ханс, стал датским королём Хансом I после смерти в 1481 году его отца, датского короля Кристиана I.

Когда ему исполнилось всего каких-то пять лет, отец поручил его воспитание близкому к его двору канонику Гейнцу. Тот служил священником в храме Спасителя в Копенгагене. Каноник был человек занятой, и король поместил своего сына в доме мещанина Ганса Бухбиндера, ближе к месту службы каноника. И там маленький принц имел комнату и стол. Кухарка кормила его, присматривала за ним, держала в чистоте его постель и бельё.

Так с малых лет его, принца, окружала простая незатейливая среда, в которой он, привыкнув, не чувствовал себя чужаком.

Каноник постоянно пропадал на службе в храме. И маленький принц был предоставлен самому себе. Очень скоро у него появились друзья, сыновья мещанина. К тому же у того на дворе, у прислуги, было полно его сверстников. И они, познакомившись с ним, увлекли его на улицу, где полно было таких же сорванцов. Так маленький принц окунулся в самую гущу городских трущоб. А улица, признав в нём своего, низко поклонилась ему, как уличному королю.

Когда он немного подрос, каноник стал брать его с собой на службу в храм. Теперь маленькому принцу предстояло петь в хоре таких же мальчиков, учить наизусть катехизис. К последнему у него уже сложилось стойкое отвращение под влиянием улицы, её безбожных босяков.

Но первое время ему было интересно петь. Под своды готического храма, под нервюры и розетки, улетал его голос, дерзкий и звонкий, вплетаясь в хор таких же голосов, вибрировал между трифориями минорной нотой тягостной, лизены трепетали как будто перед кем-то в страхе... Затем оттуда он, усиленный, вопящим возгласом обрушивался на центральный неф⁵⁹, на головы внизу стоящих... Устав, затравленный, спасался он в нефе боковом. Но там его, как злодея распоследнего, швыряла сила неземная в окна стрельчатые, пронзая небо детской чистотой...

И это нравилось ему, всё рушить, трепещут все: бродяги уличные, изысканно одетые все паразиты-толстяки...

Заметив, что с сыном происходит что-то неладное, король забрал его от каноника. Теперь он передал его учителю, чтобы тот обучал принца латыни.

Сухая латынь и нудный учитель-немец из Померании, которого выписал оттуда король, не вызвали в душе уже сформировавшегося улицей мальчика ничего, кроме презрения к академическим знаниям.

⁵⁹ Нервюры, розетки, трифории, лизены, неф – архитектурные элементы готического храма.

– Чтобы управлять – знания не нужны! – сразу же безапелляционно заявил его новый учитель. Столь же категорично он съязвил насчёт конституции. – Мыслящему субъекту уже достаточно для счастья того, что он имеет её!..

И это больше всего понравилось маленькому принцу. И он так и не научился изъясняться на латыни, а о конституции сложилось мнение как о бесполезном увлечении.

Маленький принц уже достаточно подрос. И король вернул его обратно во дворец. Но из принца уже получился форменный босяк. Его тянула улица, трущобы, кабаки, бродяги, проститутки, жулики, вся нечисть, проходимцы... Та жизнь народная, что крутится и плавает, воняет на поверхности...

И он стал тайком от отца и придворных исчезать из замка, как только темнело. Спустившись вниз по стене замка на верёвке, он подавал знак своему верному слуге. И тот, подняв верёвку, прятал её в укромном месте до утра, до его возвращения.

В кабаках завсегдатаи уже знали его. Пьянчужки, как присоски, липли к нему, все набивались в приятели, в друзья. Выпив с ними пару чарок рома, он пускался с этой компанией в приключения по ночному городу... Буянили, дрались...

Слухи об этих ночных его похождениях дошли и до короля.

После одной такой ночи, вернувшись к себе тем же путем, каким уходил, он бухнулся, не раздеваясь, на постель.

В комнату вошёл отец... За ним придворные...

Король Ханс, подтянутый и видный, с локонами седины. Лицо усталое, разгневанное.

– Встань! – приказал он ему, подойдя к его постели.

Кристиан поднялся. Пошатываясь, он встал перед ним: помятый и грязный после очередной драки где-то в городских трущобах, где с такими же, и таких же били... Он тяжело вздохнул...

Короля обдало перегаром. Он поморщился. Наливаясь гневом, он сжал кулаки.

– В кого ты уродился! – вскричал он. – Ублюдок!..

Кристиан криво ухмыльнулся:

– В тебя!..

Демократическое начало улицей, кабаками уже въелось в него. Он говорил правду, невзирая на того, кто был перед ним.

Это было уже слишком.

– Ты ещё и паясничаешь! – вскричал король.

Он выхватил из рук слуги плётку, уже приготовленную для воспитательных целей.

Первый удар плёткой пришёлся Кристиану по ногам...

Король хлестал сына, ненавидя его в эту минуту.

Кристиан не сопротивлялся. Улица научила его молча сносить обиду и боль. К тому же он боялся отца, боялся его припадков безумия, накатывавших на того внезапно...

Посчитав, что на первый раз достаточно, король ушёл к себе, в гнев пробурчав:

– Подонок!

К утру обида на отца у Кристиана прошла. Следы побоев исчезли не так скоро. Но к этому он уже привык.

Потом отец преподавал ещё не раз ему такие же уроки: после каждого громкого похождения его, о чём говорил весь город.

Прошло какое-то время, и король оставил его в покое. Он понял бесполезность перевоспитать сына.

Кристиану уже исполнилось девятнадцать лет. Он был агрессивен, безбожен, нелюдим, уют и дом, одежду не ценил, спокойно голод он терпел.

В это время отец и направил его в Норвегию: усмирять восставших там жителей. С этим он успешно справился: показал уличную науку не ценящего своей и чужой жизни.

За восемь лет, которые он провёл наместником в Норвегии со своим рыцарством, там навсегда исчезло дворянство как сословие.

Один раз его занесло в портовый город Берген, расположенный в глубине Бю-фьорда. Ганза, всё та же Ганза, вездесущая, была хозяйкою и там... Товары, торгаши, портовики, матросы, проститутки, кабаки... Всё на него дохнуло юношью его. И окунулся он в привычный с детства мир. Пошёл по кабакам. В одном трактире закутил и сразу же подрался... Но здесь никто не знал, что маленький он принц. И в драке, в пьянке, в суете его избили, он память потерял... Очнувшись он нескоро, лежал на чьём-то ложе... Кругом стояла ти-

шина... И он подумал было, что, может быть, уже попал на небеса... С сарказмом было всё в порядке у него, а значит, остальное тоже всё при нём... Тут к ложе кто-то подошёл... Он присмотрелся: то женщина была, похожая на его мать... Хозяйкою трактира оказалась та, вот этого, где он кутил и дрался... Представилась:

– Сигбритта!

Он поднялся с лежака. Голова у него закружилась. И он снова упал на лежак.

Женщина настойчиво, но тактично уговорила его лежать, не двигаться. Голос у неё грудной, обволакивающий – успокоил его сознание. И он, блаженно улыбнувшись, уснул.

Когда он проснулся, наступил уже следующий день. Светло. Тепло. На дворе было лето.

У его ложа сидело и что-то вязало прелестное юное создание... Так показалось ему в первый момент.

Хозяйка трактира уже узнала, что маленький он принц, и приставила к нему сиделкой свою единственную дочь.

А маленький принц, взглянув на диво, сразу же в неё влюбился. В этот же день он поднялся на ноги. Поблагодарив хозяйку трактира за помощь, он попросил её дочь немного проводить его.

Беседуя о пустяках, они пошли по городу.

– Döveke⁶⁰! – представилась девушка, когда он спросил её имя.

⁶⁰ Döveke (нем.) – Голубка.

– Кристиан! – слегка поклонился он ей и стал рассказывать о тех странах, где уже успел побывать, а то и просто слышал о них и врал напрапалу.

Они постояли зачем-то у королевской крепости... Зашли в церковь Святой девы Марии. Там Голубка поставила свечку под образом Пресвятой. Когда же он спросил, зачем, то она, мило улыбнувшись ему, ответила уклончиво:

– Потом узнаете...

Она рассказала, что они с матерью родом из Амстердама. А здесь её мать, торговка, держит трактир.

Они вышли к морю, к порту. Вот здесь-то и нашли его телохранители и рыцари, товарищи его.

С того дня он стал часто навещать в тот трактир. Вскоре Голубка стала его любовницей.

Он уехал опять в свою резиденцию, в Осло. Туда же перебралась и Голубка со своей матерью. К тому времени он построил им там большой каменный дом.

Через два года его безмятежной жизни с Голубкой его вызвал обратно в Копенгаген его отец, король. И он предстал перед ним, предвидя, что тот закатит ему скандал за связь с простой девкой, золушкой...

Но отец не знал о его похождениях в Норвегии. Знал только, что он подавил там всякие ростки мятежных выступлений.

Отец выглядел плохо. По всему было заметно, что он долго не протянет. Действительно, через три года, двадцать пер-

вого февраля 1513 года, его не стало. Перед кончиной же, в один из дней, в ясной памяти, отец настоял, в своей обычной категоричной манере, чтобы он заключил брак с Изабеллой, дочерью австрийского эрцгерцога Филиппа Красивого и королевы Кастилии и Арагона Хуаны Безумной⁶¹.

– Дед Изабеллы, император Максимилиан, согласился на этот брак, – лаконично сообщил он.

Кристиан не стал перечить ему, чтобы не доводить его до очередного припадка...

И на трон взошёл он под именем короля Кристиана II. Теперь, уже как король, он открыто перевёз в столицу Голубку и её мать. Такое, связь его с женщинами низшего сословия, появление его с ними на торжествах в королевском замке, восстановило против него многих в аристократических кругах.

Приготовления же к заключению бракосочетания шли своим чередом. Оговаривались условия приданого, обязательства сторон, оформлялось множество договоров.

⁶¹ Хуана Безумная (1479–1555) – королева Кастилии (1504) и Арагона (1516), супруга эрцгерцога австрийского Филиппа Красивого (1478–1506); была душевнобольной, фактически правили регенты. Имела шестерых детей, по старшинству: Элеонора (1498–1558, во втором браке супруга короля Франциска I), император Карл V (1500–1558, Изабелла Португальская, пять детей), Изабелла (1501–1526, супруга Кристиана II), император Фердинанд (1503–1564, Анна Чешская, 15 лет.), Мария (1505–1558, Людовик II, король Венгрии и Чехии), Екатерина (1507–1578, род. после смерти отца, Жоан III, король Португалии, ум. 1557). Максимилиан II (1527–1576, сын императора Фердинанда) – император Священной римской империи в 1564–1576 гг.

Император выставил ему через архиепископа условие, чтобы он, прежде чем пойдёт на ложе новобрачных, удалил от себя свою наложницу... Кристиан обещал...

Когда он вступил в зал с Изабеллой на торжественный обед, в честь неё, только что коронованной, то там, в зале, была и его Голубка... Он так и не выполнил своего обещания, не терпел, когда ему что-либо диктовали. Он содержал её перед глазами королевы и дальше.

Через два года, в 1517-м, его Голубка занемогла странной болезнью. Она умерла у него на руках. Подозревая в этом что-то неладное, он велел одному из верных ему придворных тайно разузнать, кто бы мог это совершить... Он подозревал, что здесь замешана длинная рука императора... Через несколько дней придворный доложил ему, что его начальник замка пытался соблазнить Голубку, так скомпрометировать её, удалить от двора, но ничего у него не вышло... И он тут же приказал отрубить голову начальнику замка... Двор, ужаснувшись, притих...

К этому времени уже распался союз трёх северных государств: Дании, Швеции и Норвегии, закреплённый Кальмарской унией⁶² 1397 года, под верховной властью Дании. Швеция, всё та же Швеция, первой отпала от унии. Государственным правителем в Швеции стал Стен Стуре Младший.

⁶² Кальмарская уния (1397–1523) – объединение Дании, Норвегии (с Исландией) и Швеции (с Финляндией) под верховной властью датских королей. Окончательно оформлена в г. Кальмар. Распалась с выходом Швеции.

Глава 8. Гроза на Севере

В то время, когда в Дании подрастал маленький принц, в Швеции подрастал никому неизвестный мальчик Густав из рода Вазы. Он, Густав, был младше на девять лет маленького принца. Но скоро, очень скоро, в историческом масштабе, они столкнутся, и судьба решит, кому и кем быть.

Густав редко видел своего отца, Эриха Иогансона, владельца мызы⁶³ Ваза в погосте Ридбогольм. Тот, как шведский государственный советник, человек занятой, мало уделял времени своим детям. И его, Густава, самого старшего из детей, с малых лет воспитывал его дед по материнской линии, бывший государственный правитель Монс Карлсон, при дворе которого он и жил. Содержали его скромно, чуть ли не в нужде, чтобы он познал хлеб насущный и из него вырос бы избалованный, сильный мужчина, какими были его предки, мужественные викинги, служители Одина, бога войны.

В памяти у него остались наиболее яркие детские впечатления. Когда ему исполнилось десять лет, он считал себя уже взрослым. Тогда он жил у Стена Стуре Старшего, по-своему, поскольку его бабка Бригитта, с отцовской стороны, была дочерью Густава Стуре и сестрой государственного пра-

⁶³ Мыза – отдельная усадьба с хозяйственными постройками, хутор.

вителя, вот этого Стена Стуре Старшего. В то время он и попался как-то раз на глаза датскому королю Хансу I, отцу маленького принца. Десятилетний мальчик, с открытым, дерзким взглядом, понравился королю. И тот просил его у Стена, чтобы забрать с собой в Данию, показать своему сыну. Он рассчитывал, что такой «зверёныш» как раз подойдёт для его сына, и это благотворно скажется на нём, когда у него будет перед глазами такой же буйный, как он сам... Стен вежливо отказал ему. Затем он, обеспокоенный этим интересом короля, срочно отправил Густава к его родителям на их мызу в погосте Ридбогольм, в Упланде, подальше с глаз короля.

Начались его годы обучения: история, математика, письмо, латынь...

Урок латинского языка вел у них, схоляров⁶⁴, магистр-датчанин. И обычно он дурно, с презрением отзывался о Швеции... Однажды Густав не выдержал такого.

– Вот, вот тебе твоя Дания! – стал рубить он шпагой книгу, которую держал в руках магистр.

Но его учитель не остался в долгу:

– Дрянь! Ты кончишь жизнь свою в темнице!..

Густав взглянул ему в лицо, всё так же со шпагой в руке. Какая-то муть закрыла ему глаза... Ещё мгновение – и произошло бы непоправимое...

Магистр побледнел, поняв, что хватил лишнее с этим вспыльчивым мальчишкой, отступил назад от его шпаги...

⁶⁴ Схоляр – студент.

И у него перед глазами полыхнул огнем красный кафтан из английского сукна, в котором тот, этот балбес-мальчишка, ходил всегда на лекции и вызываяще вёл себя.

Это Густав выскочил из комнаты, мельком заметив ужас в глазах своих сверстников схоларов...

Через три года умер его покровитель Стен Стуре Старший.

И Густав прибыл опять ко двору по вызову уже нового государственного правителя Сванте Нильсона Стуре.

Сванте, однофамилец Стену, не был родственником ему. Неробкий сердцем, он был отважным, не раз показал себя в сражениях. Кровь древнего королевского рода бурлила в нём. И это наложило отпечаток на всю его жизнь. Стен же был родом из графства Шлезвиг-Гольштейн, земли в Германии, графы которой объединились в персональной унии с Данией. И ещё при жизни Стена между ним и Сванте было немало стычек, поскольку оба выступали против Кальмарской унии, датского правления, унижения шведов, против аристократии, государственного совета, стоявших на стороне унии. И оба они, соперничая, ревниво относились друг к другу из-за этого, толкаясь на одном и том же поле, деля его, растаскивая и ослабляя. Было это ещё при жизни датского короля Кристиана I, деда маленького принца. Желая восстановить свою власть, власть Дании, в разваливающейся унии, Кристиан I пришёл к Стокгольму с флотом и армией. И здесь, вблизи столицы, шведы и датчане столкнулись. Кри-

стиан I потерпел поражение и ни с чем ушёл в Данию. А Стен Стуре Старший стал государственным правителем. Во время своего правления Стен безрассудно ввязался в войну с русскими. Русские полки осадили Выборг, отторгли у Швеции Карелию, Лапландию, другие земли... Московский великий князь Иван III заложил в устье Нарвы, напротив немецкого города Нарва, на Девичьей горе, каменную крепость, назвав её своим именем – Ивангород. Но Сванте Стуре взял её с небольшим отрядом, предложил её Ливонскому ордену, зная, что ему не удержать крепость. Магистр ордена отказался, чтобы не навлекать на Ливонию гнев московского князя... Эта война отняла жизни у многих шведов, всколыхнула недовольство в среде народа против Стена. И этим воспользовался уже новый датский король Ханс I, отец маленького принца, заключивший перед тем союзнический договор с Москвой, с великим князем Иваном III. Он сместил силой Стена с поста государственного правителя. В Швеции власть перешла опять к олигархам, сторонникам унии, к датскому королю... Но через четыре года, в июле 1501 года, в Вадстене шведы снова избрали правителем Стена Стуре. В это время Стокгольм находился в руках датчан. Там пребывала и супруга короля Ханса I. Стен осадил столицу. Город сдался, но королева укрылась в замке, хорошо укрепленном, который Стен осаждал ещё восемь месяцев. Ханс I снарядил флот и направился к Стокгольму спасать супругу. Но за три дня до его прибытия она сдалась шведам. Ей возвратили свободу

только через полтора года. Стен Стуре Старший лично проводил её до границы и на обратном пути умер тринадцатого декабря 1503 года. В январе 1504 года шведы, недовольные датским правлением, аристократами, завладели Стокгольмским замком, избрали в правители Сванте Стуре...

И вот, представ перед новым правителем, Густав попал под обаяние его: рослого, сильного, внушительного и уверенного... А голос-то! Как рявкнет!.. Но ещё больше, чем поразил его Сванте, это было то, как он относился к гражданам, к тем же простым крестьянам, четвертому сословию в риксдаге⁶⁵, приходившим на заседания в грязных лохмотьях. Сванте дружески здоровался с ними, обнимался, не отказывался выпить с ними чарку крепкого рома. Он был с народом, он демократом был, за это аристократы ненавидели его.

Теперь для Густава начались годы обучения другим искусствам. Забавы рыцарские, копье и меч сдружились с удалью, силой, ловкостью его. Звенели шпоры, латы рыцарские на нём, закованном до самых пят в железо. И следил, следил он сквозь щели бацинета за соперником, за всем, что окружало его... Затем кидал он в азарте коня вперед, сшибал корончатым копьём соперника на землю в поединке у барьера. И упражнялся он в квинтине⁶⁶ с копьём турнирным и боевым.

⁶⁵ Риксдаг (riksdag) – представительный сословный парламент Швеции с 1436 г.

⁶⁶ Бацинет – чашевидный шлем со щелями для наблюдения, XIII–XVI вв.; корончатое копье – копье с корончатым наконечником, чтобы вышибить всадника из седла, не поранив его; квинтина – упражнения с копьем: метание, вращение, удары на скаку коня.

И так прошли ещё несколько лет его обучения.

И вот настало время показать, что получил он в забавах шутовских, ристалищах и поединках жёстких.

Но внезапно умер его кумир – Сванте Стуре. И Густав, под впечатлением от происходящего в Швеции, сразу же откликнулся, когда его, молодого и энергичного, вызвал в Стокгольм новый государственный правитель Стен Стуре Младший, сын Сванте...

В ту эпоху Швеция раздиралась ещё и борьбой между светской властью и Церковью. Церковь давно уже превратилась во вторую светскую власть, набрав могущество богатствами, скопившимися у неё за века. Многие замки и поместья перешли как дарения в руки церковников, но не насытили их души алчные. И потянулись они к власти светской, земной, легко променяв её на власть небесную... И схлестнулись они. Во главе первых встал Стен Стуре Младший, вторых же поднял на него uppsальский архиепископ Густав Тролле. Правитель осадил укреплённый замок архиепископа в Стекете, взял его штурмом, пленил самого архиепископа. Затем на сейме в Арбоге он лишил его архиепископства.

Собрав своих приближённых, соратников, дворян, Стен Стуре Младший прямо объявил им:

– Господа, товарищи мои боевые! Нам предстоит тяжелая и опасная борьба за нашу Швецию! За освобождение её от ига датского! Король Кристиан II не оставит это без последствий! До тех пор пока жив, он будет пытаться восстановить

свою власть здесь, будет цепляться за Кальмарскую унию!.. Каждый из вас знает, что принесла нам, шведам, эта уния! Унижение от датчан, оскорбление и насилие! Грабеж и беззаконие под видом благого дела, со словами на устах о том, что заботятся о нас!.. И я призываю вас готовиться к отражению нападения датчан! Укреплять замки, собирать ополчение! Учиться воинскому искусству и обучать других!.. Не пройдет и года, как сюда придут и флот и войска короля Кристиана...

В середине лета следующего года, 1518-го, король Кристиан II, возмужавший маленький принц, появился под Стокгольмом с флотом и армией.

Дворянское ополчение Стена Стуре Младшего и полки короля сошлись в сражении на поле близ церкви Бреннкирки. Перед этим же Стен доверил ему, Густаву, нести войсковое знамя Швеции, воодушевлять своих мужественно идти на битву.

Густав, принимая знамя, преклонил перед ним колено, поцеловал край знамени, дал клятву умереть, но не позволить захватить его врагу.

Сражение началось с атаки датских рейтар, тяжелых кавалеристов, на позиции шведских ополченцев. Ополченцы встретили неприятеля залпом из ружей, ударили и полевые пушки, рассеивая колонны рейтар... Запели трубы шведов, призывая пехотинцев к атаке... Стен Стуре подал сигнал Густаву. И Густав, вскинув вверх стяг, устремился с ним впе-

реди своих на датчан... Они обратили в бегство первые ряды наемников. Остальные побежали вслед за теми... Датчане отступили, немало потеряв пленными и убитыми, иные же спаслись на кораблях...

Кристиан, потерпев неудачу в прямом столкновении, заблокировал Стокгольм с моря.

В ответ Стен Стуре стал устраивать вылазки из крепости, беспокоил датчан в лагерях, перекрывал им путь в районы за продовольствием.

Итак, в мелких стычках и набегам, прошла неделя, затем другая, месяц...

На кораблях у Кристиана появились первые признаки голода. Бесполезность дальнейшей блокады стала очевидной. И Кристиан решил уйти обратно в Данию. Но этому помешала непогода. Начался сезон сильных ветров с юга. Встречный ветер прижал беспомощные галеры к берегу... Уже подошла осень, на носу замаячила зима, голод...

Стен Стуре, узнав о тяжелом положении с продовольствием у короля, отправил ему несколько быков.

Вскоре в лагере у него появились парламентарии от короля и передали его предложение.

– Король Кристиан хочет с вами, господин Стуре, встретиться лично на переговорах в вашем лагере! Для своей же безопасности он желает получить от вас пятерых знатных заложников!..

Стуре согласился с этим, хотя ему показалось подозри-

тельным такое странное предложение короля... Договорились, что заложников разменяют на короля в Кунгсгамне⁶⁷, Королевской гавани.

Судно с заложниками, в числе которых был и Густав, отчалив, в сопровождении судна с охраной, пошло по Северной реке к Королевской гавани... Они миновали уже половину пути, когда из-за острова вдруг выскочила наперерез им галера с наёмниками короля... Удары вёсел в такт!.. И галера, отрезав судно с заложниками от охраны, взяла его на abordаж... И так же быстро она ушла с пленными заложниками в сторону королевского флота.

Наступили ранние осенние сумерки. Затем стемнело.

Стен был взбешён: король провёл его, обманул, как уличный воришка, захватил заложников...

Ночь прошла в беспокойстве и надежде.

Утром же открылась картина пустого, покинутого лагеря датчан. Их корабли поднимали якоря, уходили в море... При ветре, тот стал попутным...

Так он, Густав, оказался пленником в Дании. Всех их, пятерых заложников, заключили по одиночке в темных и сырых камерах в подвале королевского замка в Копенгагене.

Раз в день в камеру Густава приходил угрюмый молчаливый стражник, приносил какую-то похлёбку.

В один из таких безрадостных дней в его камере появился Эрих Банер, его дальний родственник. Бабка Густава с мате-

⁶⁷ Кунгсгамна (швед.) – Королевская гавань.

ринской стороны и этого Эриха прадед, Яков Андерзон Банер, были родные сестра и брат.

– Собирайся! – велел тот ему, показав грамоту короля Кристиана. – Я беру тебя на поруки: в залог за тысячу талеров⁶⁸!

Густав заикнулся было о других заложниках, его товарищах, но Банер махнул на это рукой.

– Разрешено взять только тебя!..

Свояк привёз его в замок Калеск в Нижней Ютландии, комендантом которого он был. Первое время Густав наслаждался свободой и возможностью гулять в живописных окрестностях замка, но под надзором служителей. Когда он восстановил силы, окреп, в нём заиграла его природная жажда свободы. Прогулки «на поводке» раздражали его. И он, прикинувшись послушным, стал аккуратно исполнять всё, что ему приказывали. И его хитрость сработала: ему разрешили гулять вольно, одному... И вот наступил тот день. Ещё заранее он спрятал плохонькую крестьянскую одежду в дупле клёна, в глухом местечке, в той стороне, куда надумал бежать. Её он выменял на свою кожаную куртку у одного работника на скотном дворе замка. Переодевшись в неё, он пустился в путь. За день он прошёл пешком более полутора десятков миль. Шёл только проселочными дорогами, таясь от каждого встречного. Наконец, вот и Фленсбург, погранич-

⁶⁸ Талер (нем. Taler) – золотая и серебряная монета; впервые отчеканена в 1518 г. в Богемии из серебра (примерно 28 г).

ный датский городок. Он зашёл в него и в нём, крохотном и чужом, оказался на виду у всех горожан... Испугавшись, что его могут узнать, он быстро покинул городок. За его стенами он увидел торговцев рогатым скотом. Те оказались из Саксонии, порядочные люди, как определил он сразу же. Они возвращались домой из Ютландии, с барышами и были навеселе. И они не стали возражать, когда он попросил их взять его с собой.

Его путь лежал в Любек, вольный ганзейский город, соперничавший по богатству и военной силе с иными герцогствами и королями. Да он и сам понимал, что сейчас податься ему больше некуда. В других городах его сразу бы выдали королю Кристиану. В Любеке же бургомистры и сенаторы ценили свою свободу и могли постоять за свободу других.

Так он благополучно добрался до Любека. В городе он сразу же пришел в мэрию, попросил убежища от короля Кристиана. Там его выслушали, велели никуда не отлучаться из города.

Прошло немного времени, и в Любеке объявился его свояк, Эрих Банер. В мэрии он вручил бургомистру письмо от короля Кристиана с угрозами городским властям, если те не выдадут беглеца. Король писал в письме, что Густав нарушил слово, данное им же самим...

Встреча их, Банера и Густава, вылилась в грубую перебранку.

– Я за тебя поручился!.. А ты, подлец, наказал меня на

тысячу талеров! – кричал Банер на Густава.

– Беги, лижи сапоги у своего короля! Проси, чтобы вернул деньги! – зло смеялся Густав над ним...

Любек, его городской совет, отказали Банеру. И тот уехал ни с чем.

В сенате же заколебались, опасаясь короля Кристиана.

На городском совете Любека Густав, защищаясь, привёл свой основной довод: что король Кристиан первым нарушил слово, когда просил у Стена Стуре заложников, но захватил их, как пират, и увёз пленниками в Данию.

– И можно ли верить слову такого короля? – с сарказмом обратился он к сенаторам Любека...

Для него потянулись месяцы вынужденного безделья. Семь месяцев волочилось его дело в магистрате. Коротая это время, он стал читать сочинения Мартина Лютера, чтобы понять его евангелистское учение. И мысли того, резкие высказывания, были созвучны с его мыслями о римской церкви, о папстве, о католиках в его родной Швеции, о том же архиепископе Тролле...

За это время он не раз встречался и беседовал с бургомистром города Нильсом Бремсом. Тот обычно вызывал его в магистрат, чтобы сообщить ему последние новости о его деле.

На одной из встреч бургомистр сообщил ему, что архиепископ Тролле подал в Риме жалобу на Стена Стуре.

– И добился от папы предания его церковному суду! И суд

отлучил Стена и его сторонников от Церкви! И наложил интердикт на всё государство!.. Но это не произвело в Швеции ни малейшего впечатления!..

Густав оживился, заговорил, что интердикт папы лишь подтолкнёт сильнее шведов к Реформации... Он, не заметив этого, повторил слова Лютера...

– Да, но король Кристиан взял на себя выполнение приговора папы! – охладил его пыл бургомистр, человек порядочный, но и реально мыслящий.

Так и получилось. Король Кристиан уже давно искал предлог наказать шведов: за бунт на своём корабле, в своей унии, как сделал он в той же Норвегии... А тут, как подарок, интердикт папы! И он воспользовался им: стал брать деньги и с духовенства и с мирян. Как на крестовый поход, начал он собирать на войну со всей Европы наёмников, любителей чужого добра, среди них отпетых и простых головорезов.

Армию собрали быстро, по кабакам и притонам, многотысячную. В январе 1520 года эта армия вторглась в Швецию. Главнокомандующий её, Оттон Крумпе, сам прибывал проклятие папы на церквях по селам и городам, через которые проходила его армия.

Наемная армия и армия Стена Стуре Младшего сошлись на льду озера Осунден, в Вестергётланде. И зазвенел металл в руках остервенелых... В ход пошли затем и пушки, полетели ядра... Стен сражался в первых рядах своих солдат... В горячке боя он поздно услышал свист ядра... И оно плюх-

нулось совсем рядом с ним. Взметнулись вверх осколки от ядра... И Стен упал, подкошенный огнём, что полыхнул под ним... Его вынесли из рядов дерущихся, перевязали. Но тут ему донесли, что наёмники обходят их позиции. И он понял, что кто-то предал, из своих же, показал наёмникам дорогу на Упланд. Теперь наёмники обрушатся на беззащитную провинцию, на Стокгольм. И он кинулся спасать столицу. Он умер от потери крови по дороге в санях на льду озера Меларен. И это решило исход битвы...

Густав, подавленный от этого нового известия, не знал что делать. Он ничем не мог помочь своей родине и той же вдове Стена Стуре, которая защищала осаждённый Стокгольм, как пришло об этом сообщение.

На очередной встрече с бургомистром он изложил ему ситуацию, возникшую здесь, на севере. Теперь король Кристиан, набрав такую силу, непременно нарушит равновесие между северными государствами.

– Что будет, если Дания начнёт одна предписывать всем законы?! – стал с жаром излагать он ему свои доводы и сам же отвечал на них: – Упадёт торговля всех ганзейских городов!.. Поэтому для сохранения равновесия нужно помочь Швеции!..

Бургомистр выслушал его, признал его доводы стоящими внимания. Затем он представил всё это магистрату Любека. Густава вызвали в магистрат и тоже выслушали. И там, перед сенаторами Любека, он объявил свое намерение продолжить

дело Стуре Младшего, спасти своё отечество.

– Если Любек даст мне помощь!..

Сенаторы согласились с его предложением. Было составлено соглашение. Магистрат обязался субсидировать его и тайно переправить в Швецию. Если он попросит, то помочь и войском.

– Когда же господин Густав добьётся успехов в Швеции, тогда обсудим на переговорах общие выгоды Швеции и Любека! – заключил бургомистр в конце заседания магистрата.

* * *

В конце мая 1520 года Густав прибыл на любекском купеческом корабле к берегам Швеции. Столица, Стокгольм, оказалась заперта на воде и суше армиями короля Кристиана. И проникнуть туда, в осаждённую крепость, всё ещё защищаемую вдовой Стена Стуре, было невозможно. И его высадили на одном из крохотных островков, шведских шхер⁶⁹.

Он не стал рисковать, добрался, уже сухим путем, до Кальмара. Там, на небольшом мысу напротив Кальмара, находилась крепость Стенс-Э. Кальмарский же замок сейчас обороняла от датчан госпожа Анна, вдова государственного советника Иоганна Мензона Нет-ох-Дага.

Густав пробрался в город тайно. Госпожа Анна приняла

⁶⁹ Шхеры (*швед.*) – небольшие, преимущественно скалистые острова близ невысоких берегов морей и озёр Финляндии и Швеции.

его.

– Я ничем не могу помочь тебе, – заявила она ему с сожалением...

Тогда он вышел к народу, на городскую площадь, стал говорить... Но его никто не слушал... Он попытался привлечь на свою сторону гарнизон замка. Немцы, наёмники, гарнизон замка, были раздражены невыплатой жалованья... А тут появился ещё какой-то молодчик, стал призывать их к чему-то... И они, обозлённые на всех, обнажили клинки против него... И он бежал от них...

Тем временем в гавань Кальмара вошёл датский флот, осадил крепость, и вскоре она сдалась датчанам. И Густав бежал отсюда.

Переодевшись в простую одежду, он скрывался под видом работника то на одной, то на другой ферме. Кто-то помогал ему, а кто-то, узнав, спешил донести о нём людям короля Кристиана. И ему приходилось снова бежать, скрываться.

Итак, в одежде работника он пошёл куда глаза глядят по лесам и просёлочным дорогам. Иногда он решался, показывался народу. Обычно подле церквей, в праздничные дни, заводил разговор, старался объяснить, что происходит в Швеции, ободрял малодушных.

Случалось, слышал он и неприятное для себя:

– Сейчас, при короле, мы имеем хлеб и селёдку!.. А если выступим против него, то попадём в беду!..

Бывало, в него стреляли... И он спасался бегством...

Наконец, добрался он до местечка Терну, в Сёдерманланде. Его сестра Маргарита и её муж Иоахим Браге обрадовались ему.

Выбрав момент, после того как все успокоились от радости первых минут встречи, он завёл разговор о том, на что решился.

– Я хочу спасти Швецию от тирана!.. Или пожертвовать на это свою жизнь!..

Маргарита не сразу даже поняла, о чём это он... Затем, сообразив, вскричала, со слезами, готовая упасть перед ним на колени:

– Густав, умоляю тебя, оставь эту затею!..

Густав, зная, что его сестра простая и слабая женщина, стал убеждать зятя, что долг того – помочь ему в этом.

Но Иоахим Браге испугался от такого его предложения.

– Не-ет! – отрицательно покачал он головой. – Я в милости у короля!.. И должен явиться в Стокгольм на его коронацию!..

Он косо посмотрел на него.

– Тебе же лучше не показываться там! – продолжил он. – Пока не получишь от короля охранную грамоту!..

Густав с сожалением осознал, что зять оказался таким малодушным.

Они расстались.

Он ушёл на отцовскую мызу «Рефеснес»: решил отдохнуть там, собраться с силами. При этом он предупредил ра-

ботников мызы, что скрывается, пришёл сюда тайно, чтобы никому не говорили о нём. Его, уставшего и разочарованного, не покидали мрачные мысли. Во всех местах, куда бы он ни совался, у старых друзей и родственников, нигде не получил он поддержки. Одни изменяли или могли изменить, выдать его. Другие же всего боялись, боялись людей короля Кристиана... И он запил... Затем одумался, снова встряхнулся, понимая, куда может завести это его...

И так подошёл конец сентября. В это время пришло новое сообщение из Стокгольма: вдова Стена Стуре, госпожа Христина, открыла ворота города королю Кристиану с условием не преследовать сторонников Стена Стуре.

И ему, Густаву, после всего пережитого ужасно захотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями о том, что происходит в Швеции, закричать во всё горло, призвать людей, чтобы не верили королю Кристиану. Это вероломный, без чести и совести человек. Нельзя полагаться на его слово.

Узнав от работников мызы, что неподалёку, в монастыре Мариенфред, живёт сейчас престарелый архиепископ Якоб Ульфзон, он поехал туда, надеясь разрешить у него свои сомнения.

Архиепископ встретил его приветливо. Он проводил там, в тиши монастыря, остатки своих дней, поэтому был настроен благодушно.

Но у него Густав не нашёл того, что искал. Старик полностью разочаровал его, когда посоветовал ему положиться на

милость короля.

И он уехал от него. Чтобы быть в курсе того, что происходит в Стокгольме, он стал тайно посылать туда кого-нибудь из своих крестьян. То же самое сделал и в ноябре, восьмого числа, в субботу.

Малый, крестьянин, вернувшийся из Стокгольма с безумным взглядом, дрожа, пресекающимся голосом бубнил одно и то же:

– Соппротивление римскому престолу есть ересь!.. Ересь!.. Ересь!..

Повторял и повторял он...

Густав врезал ему пощёчину, чтобы привести его в чувство.

И тот замолчал, уставившись на него полными ужаса глазами... Когда же он немного пришёл в себя, то рассказал то, что увидел.

События там, в столице, разворачивались как в дурном и тяжёлом сне. После присяги королю Кристиану архиепископ Тролле подал ему жалобу на совет города Стокгольма, на своих личных врагов. И король приказал закрыть ворота города. Всем горожанам приказано было не выходить из своих домов. И зазвенел, зазвенел голос глашатая на улицах, провозглашая решение сторонников архиепископа:

– Соппротивление римскому престолу есть ересь!.. Ересь!.. Ересь!..

Всё провалилось в очередной раз в дикость, всё пало к

стопам воинствующей духовной власти, к подножию языческого Рима...

Улицы – пустые... Испуганно таращились окнами дома на всё происходящее...

Затем на площади было зачитано обвинение, последовал приговор, без следствия, без суда. И тут же начались казни: покатились отрубленные головы к подножию эшафота. Сначала казнили пятьдесят сторонников Стена Стуре Младшего, высших сановников. Затем машина казни заработала уже сама собой... Среди казнённых оказались отец Густава и зять, Иоахим Браге, наивно поверивший в милость короля Кристиана.

От этого известия Густав сначала испугался, затем возмутился и ожесточился. Больше у него не осталось сомнений что делать.

* * *

Последняя его надежда – далекарлийцы. Только это осталось у него. В прошлом, как рассказал ему однажды Сванте Стуре, далекарлийцы, далийские крестьяне, оказали ему важные услуги. Это был бесхитростный, простой народ, живущий в суровом климате у северных гор по своим древним законам, готовый по призыву сразу же взяться за оружие, когда дело касалось спасения отечества, земли своих предков.

Опасаясь оставаться здесь, на мызе отца, Густав решил

покинуть её. Он погрузил всё имеющееся у него золото и деньги в походную кожаную сумку, оделся потеплее, рассчитывая на дальнюю дорогу. Велел своему слуге одеться тоже так, чтобы не замерзнуть в пути. Они погрузили поклажу на коней, сели сами и отправились вдвоем по направлению к северным горам.

Конец ноября. Стояла скверная погода, шёл сильный снег. Все тропинки замело, было плохо видно дорогу. И они лишь чутьём угадывали, что едут в нужном направлении. И так добрались они сначала до Кнель-Зунда, на озере Меларен. Остановились. Густав велел слуге первому переходить вброд неглубокий пролив, соединяющий две части озера... И тот, легонько понукая, пустил коня в студеную воду... Перешёл, выбрался на другой берег. Теперь Густав направил своего коня по его следам... Но не добрался он и до середины пролива, как увидел, что его слуга вдруг врезал кнутом по бокам своему коню и поскакал галопом прочь от озера, увозя с собой его сумку с деньгами... Такого Густав не ожидал от этого малого, считал его честным.

– Стой, трус, гадёныш! – вскричал он. – Сейчас я проучу тебя!..

Он пустил своего коня вскачь. Во все стороны полетели брызги. Конь вынес его на другой берег.

И он устремился в погоню за беглецом. Под ним был жеребчик, сильный, выносливый, и он стал догонять беглеца. Видя, что Густав вот-вот настигнет его, воришка бросил

украденное и своего коня, метнулся в лес и скрылся. Густав подобрал свою сумку, проверил, всё ли в ней на месте, и не стал дальше гнаться за мошенником.

На день Андрея Первозванного он добрался до Фалуна, небольшого городка далекарлийцев. День был праздничный, ярмарочный, шумный. И он, поддаваясь всеобщему веселью, воспрянул духом после неудач последнего времени и вот этой очередной измены слуги... Тут же на ярмарке он купил себе круглую шляпу и короткую с рукавами фуфайку из толстого сукна, переделся, обрезал себе волосы, чтобы походить на обычного далийского крестьянина. Купив ещё топор, он вскинул его на плечо и пошёл, как прочие работники, искать себе работу.

Ему повезло. За дневную плату он договорился в одной деревеньке молотить зерно в житнице у крестьянина.

Но вскоре он покинул эту мызу и пошёл искать более надёжное место.

Хотя уже была середина декабря, но лёд на реках и озёрах ещё не везде был крепок. И в одном месте, переходя по льду реку, он провалился под лёд... С трудом выкарабкавшись из воды, он, весь мокрый, пустился бегом, чувствуя, как дубеет на морозе его мокрая одежда, моля Бога, чтобы хватило силы добраться до какой-нибудь мызы, понимая, что в этом его спасение.

Обогревшись и обсохнув у доброго хозяина какой-то мызы, он пошёл дальше. К городку Мура он подошёл как раз на

Рождество. На улицах, у церквей и на базарах, игрищах, народных развлечениях собралось множество людей. И он, походив в толпе, присмотревшись к крестьянам, простым, бесхитростным, решил снова испытать своё красноречие, попробовать убедить их встать с ним заодно против датчан, короля Кристиана... И он здесь же, в базарной толчее, взобрался на чью-то телегу... Оглядел с её высоты – шапки, колпаки, женские платки...

– Друзья, товарищи! – крикнул он зычным голосом, призывая всех к вниманию. – Я, Густав Ваза, рыцарь и знаменщик Стена Стуре Младшего! Того самого, которому вы оказали в прошлом неоценимую услугу! В опасное для нашей страны время!..

Ещё что-то он говорил, кидал в толпу, стараясь поднять людей на размышление... Остановился... Молчание... Затем раздались крики.

– К оружию, к оружию! – послышалось с одного конца толпы.

– Не-ет! Надо подумать, посоветоваться с соседями! – долетело до него с другой стороны толпы. – Мы устали от войны! Налогами не отягощены!..

«Это – благоразумные!» – мелькнуло у Густава.

– И нас не касаются ваши дворянства, распри с королём Кристианом! – кинули из толпы ему. – Но ты, парень, не унывай! Мы не выдадим тебя!..

Разочарованный и опустошённый, он ушёл из городка.

Несколько дней он скрывался на мызе у старого приятеля. Там он и решил бежать из Швеции.

Тем временем в городок прибыл отряд датчан: для предупреждения всяких беспорядков. Начались грабежи... В городке ударили в набат, сбежались вооружённые крестьяне. Они разломали ворота у двора священника, и датчане, скрывающиеся там, разбежались во все стороны, как тараканы.

Только теперь поняли далекарлийцы, что тот парень был прав: им не отсидеться в своей глуши.

А тут ещё у них появились шведы, бежавшие из столицы. Среди них оказался и Ларс Олофзон, известный в среде далекарлийцев как честный, порядочный малый. Он рассказал о зверствах датчан.

– Король Кристиан, уезжая к себе в Данию, приказал поставить на своём пути виселицы!.. И сотни шведов, наших братьев, болтаются сейчас на них!..

Ларс упрекнул далекарлийцев, когда те сообщили, что здесь был Густав, ближний человек Стена Стуре Младшего, и он ушёл от них. За Густавом послали. Нагнали его уже на пути к границе в Норвегию. Он вернулся, принял над ними командование, они принесли ему присягу.

За четыре месяца сформировав и обучив крестьян приёмам боя, Густав выступил в конце весны 1521 года в поход со своим «шляпным» войском, как шутливо называл он далекарлийцев. Его армия подошла к Вестеросу, расположилась с восточной стороны города, на Балундсе-Асе, перекры-

ла неприятелю дорогу к Стокгольму. Он намеревался встать лагерем при церкви Святого Олофа. Но сделать это ему не дали датчане. Произошла сильная стычка, и он отступил...

В июне месяце он подошёл к Упсале. Дозорные, побывавшие в городе, сообщили ему, что ни датчан, ни войск архиепископа Тролле в городе нет. И он, с небольшим отрядом всадников, свободно вошёл за городские стены. Проехав в центр города, на площадь перед ратушей, он приказал своим капитанам созвать на площадь горожан. Когда тех собрали, он обратился к ним, стал увещевать их, что им, как шведам, не пристало терпеть то, что творят здесь, на их родине, датчане...

Заметив, что его речь мало произвела впечатления на горожан, он устало вздохнул от их равнодушия к судьбе своего народа и направил теперь своего коня к церкви. Спешившись подле паперти, он поднялся по невысокому крыльцу, вошёл внутрь церкви. Там было пусто, пыльно и прохладно.

Он приказал капитанам собрать всех каноников епархии Упсалы. Даже силой, если те откажутся выполнить его распоряжение.

Каноников собрали.

– Вы, как духовные отцы! – обратился он к ним. – Должны показывать пример покорности светской власти! Сами же вы всегда восстаете первыми против неё!.. И постоянно утесняете своих же, шведов! Для этого призываете на помощь тех же датчан, их короля!.. Но если бы только это было! Так вы,

под видом святости, присваиваете себе имена своих же сограждан! И из-за этого много крови пролили! И слово Божье употребляете для прикрытия не только своей жадности и тщеславия, но и своей жестокости! Вы наполнили государство ложными слухами! Ваш спор с королями о верховной власти всегда приводил к злополучию Швеции! И впредь то же будет, если не положить пределы вашей власти!..

Он знал трусливость этих Божьих избранников... И не щадил их...

– И я хочу услышать от вас сейчас, немедленно: будете ли вы, как шведы, помогать мне в деле изгнания тирана из государства?... Чтобы мне знать: как поступить в таком случае с вами!

Каноники притихли... Испуг и трепет отразились на их лицах.

– Позволь нам посоветоваться с архиепископом... – залепетал один из них. – Мы надеемся уговорить его...

Густав не верил, что можно уговорить или обуздать высокомерие Тролле. Но он позволил каноникам написать архиепископу письмо. Написал он и от себя письмо: в таком же духе, как только что выступал перед капитулом.

С этими письмами к архиепископу отправили одного из каноников.

Как и ожидал, Густав получил насмешливый ответ Тролле.

– Я сам лично принесу Густаву Эрикзону письмо. – И он

тотчас же выступил в поход с тремя тысячами пехоты, а к ним ещё пятьсот конных. На следующий день он уже стоял перед Упсалой, не далее как за полмили.

С Густавом тогда была всего горстка его людей. И если бы Тролле напал тотчас же, то он погиб бы. Но сама судьба хранила его.

Один из придворных Тролле бежал от него и предупредил Густава.

Густав посчитал это невероятным... Чтобы духовная особа, по крайней мере, не ответила на его письмо! И он засомневался в том... Ночью пришёл другой перебежчик с таким же известием.

Больше не сомневаясь, он поднял по тревоге шесть сотен пехотинцев, которые были при нём, сотню рейтар, послал за далекарлийцами, сообщил другим своим соратникам, чтобы шли на соединение.

Собрав все свои силы, он преградил архиепископу путь из Упсалы... Произошло столкновение... Тролле потерял почти половину своего войска. С остатками его он отступил в Стокгольм.

Преследуя архиепископа, Густав подошёл со своей армией к столице. Став лагерем при Брункеберге, он приказал немедленно начать осаду Стокгольма.

– Запереть вокруг те места и рыцарские поместья, которые укреплены и находятся в руках друзей Тролле или его родственников! – приказал он ещё.

Кольцо осады вокруг Стокгольма стало медленно затягиваться.

В сопровождении полусотни рейтар он поехал в объезд позиций своего войска. Появился он и в лагере при Ветлундзе, над которым поставил Енса Перезона, надёжного и уже проверенного человека. И тот сообщил ему, что сейчас намерен сняться отсюда, подвинуться к острову Броне.

– Затем подойти как можно ближе к острову Мункелиден!..

Густав уточнил ещё ему задачу, что после этого он должен, построив наплавной мост к Лонгольму и Зюдермальму, соединиться с лагерем при Сетре⁷⁰.

– Так мыотрежем полностью подвоз продовольствия в город с суши!.. Задача ясна?.. За дело, Енс! – похлопал он того по плечу, уверенный, что тот справится.

Одоблив его план, он поехал дальше. Предстояла ещё более важная операция: запереть город со стороны моря. От Зюдермальма, который должен взять под контроль Перезон, следовало навести мост из крепких плотов до Вальдернаре, королевского зверинца. И там же, на мосту, установить пушки для отражения нападения со стороны моря. И так, чтобы они простреливали стокгольмские шхеры...

Через месяц в осаждённом городе начался голод.

В это же время Эрик Флемминг сообщил Густаву, что он

⁷⁰ Брункеберге, Зюдермальме и Сетра – местечки вблизи Стокгольма. Лонгольм – длинный островок.

захватил разведывательное судно адмирала Норби и, допросив пленных, узнал от них, что Норби задумал доставить осаждённым продовольствие, поручив эту операцию Юнкеру Томасу. Сам же он, Норби, стоял тогда со своим флотом у финских шхер... И Флемминг, переодев своих матросов в датскую форму, отправил захваченное разведывательное судно обратно к Томасу. Когда же тот поднялся на корабль, то он арестовал его... И вот накинули тому на шею верёвку.

– Почему верёвка из лыка, а не из пеньки?! – огорчился Томас. – Я моряк – с пенькой всю жизнь дружил!..

– Ничего, подружишься и с лыком! – усмехнулся Флемминг.

* * *

В один из дней осады в лагере Густава появился гонец. Его привели к нему.

– От его величества короля Кристиана! – подал гонец ему письмо, представившись, откуда он.

Густав взял письмо, распечатал, прочитал.

Король угрожал ему: если он не снимет осады Стокгольма, то его мать Цецилия и две его сестры, Эмереция и Мерета, находившиеся у него в Дании, как заложницы, будут казнены...

Вот он удар под сердце... Этого можно было ожидать от маленького принца, уличного короля... Всё, как в трущобах:

на одного десятка, и бьют исподтишка... Его родные! Тяжело, мучительно было их совместить с делом, за которое он взялся. Но он уже не принадлежал только себе...

Торопила, вопила необходимость строительства государства. И в первую очередь властной структуры. Поэтому срочно были разосланы на места, поддерживающие его, Густава, грамоты государственным чиновникам. Чтобы они, ответственные чины, явились в Вадстену на риксдаг для избрания государственного правителя.

Он, Густав, понимал, что многие из дворян завистливо смотрят на него, считают его таким же, как они, равным им, не принимали и не примут его как правителя. И он сомневался: откликнутся ли они на его грамоты. Но, может быть, бедствие страны, народа перевесит всё остальное... И он не ошибся: риксдаг собрался представительным.

И он, уже уверенный в успехе, открыл риксдаг, первым взял слово. Он обрисовал прежнее и нынешнее состояние Швеции. Указал и на то, что короля Кристиана ненавидят даже в его собственной стране сами датчане.

После него выступили государственные чины. Они поддерживали его, благодарили за намерение освободить отечество.

– И хотим вместе с тобой не щадить для этого ни имущества, ни жизни!..

Следующие выступающие были не менее щедрыми:

– И всё, что имеем, вручаем тебе для государственной

службы!...

* * *

В Дании же события разворачивались драматически для Кристиана. В Виборге собрался государственный совет, и сенаторы постановили, что отрекаются от верности и повиновения Кристиану. Оформив это грамотой, сенаторы поручили земскому судье Магнусу Мунку довести это решение до короля. Ему вручили грамоту с этим извещением, и судья, всё ещё побаиваясь силы королевской власти, отправился с этой грамотой к королю в его замок. Представ перед очами короля, он растерял всю свою отвагу, обычную среди сенаторов на съездах, выступлениях крикливых... Поговорив с королём о мало значимых делах государства, он откланялся, трусливо оставив вверенный ему сенатом документ в перчатке, сделав вид, что забыл её... Наутро королевский паж, обнаружив перчатку, а в ней грамоту, передал её королю. Но к тому времени земский судья уже был на пути к шлезвиг-гольштейнскому герцогу Фредерику с другой грамотой сената, в которой сенат предложил герцогу датскую корону. Герцог не отказался от короны... Когда это дошло до Кристиана, он пришёл в крайнее изумление от этого поступка своего дяди. Затем, поняв, что это серьёзно, он попытался через верных ему государственных советников успокоить сенаторов. Но те подтвердили свой отказ подчиняться ему. То-

гда он, полагая удержать с помощью своих войск в повиновении провинции Фюн, Зеландию и Шонен, велел там дворянам, духовным и государственным чинам и даже крестьянам подтвердить ему вновь присягу в верности. Настроил он и свою супругу, королеву Изабеллу, на то, чтобы она просила у своей тётки Маргариты, правительницы Нидерландов, военной помощи против датских дворян и олигархов. Но в Дании ненависть к нему уже набрала губительную силу в среде дворянства и кучки олигархов, к его реформам в пользу народа, крестьян, ненависть к новым налогам, которыми он повязал состоятельных, ненависть и к его советчице Сигбриitte... Тем более не было у него сил на борьбу с Густавом. А тут ещё вражда ганзейских городов к нему. Он упал духом, уже не в состоянии справиться со всем этим.

И он собрался к своему шурину, испанскому королю Карлу I, только что, два года назад, после смерти своего деда – императора Максимилиана, ставшему императором Карлом V, чтобы просить у него помощи. Шведские и датские дела он оставил на произвол судьбы.

Карл V находился тогда в Нидерландах. Война с Францией, испанские беспокойства требовали гигантских расходов, отнимали у него все военные силы и время, и помочь реально своему зятю он не мог ничем. Он грозил в письмах и декларациях северным королям и князьям, но слабеющего владыку, Священную Римскую империю, уже мало кто слушался.

При его отъезде на корабли тащили всё: что попадало под руки, что можно было поднять, ободрать во дворце, сломать, унести и погрузить на галеры.

Не обошла эта участь, всё обирать и уносить, даже медных мостов в замке, содрали и с церковных башен позолоченные шпили. Всё, что движимо, все драгоценности исчезли в трюмах кораблей.

Кристиан вызвал во дворец Генриха Гоэ, своего верного генерала и государственного советника, приказал ему охранять Копенгаген, вручил от дворца ключи.

Он проследил сам, чтобы с особой осторожностью матросы погрузили на корабль один из сундуков. Его, тяжеленный, бережно подняли на борт галеры, отнесли в одну из королевских кают и там оставили.

Когда матросы ушли, он открыл замок сундука и поднял крышку.

– Вылезай, – сказал он.

Из сундука, кряхтя, вылезла Сигбригта, мать его Голубки.

Такие приключения уже были не по её годам. И она, присев тут же на койку, сначала перевела дух, размяла все свои косточки.

Она знала, что её ненавидят в Дании: аристократия, дворяне. И вот так Кристиан обезопасил её, переправив тайно

из дворца на корабль.

Немного придя в себя, она выпила вина, что предложил он, улыбнулась.

– Ладно, мой мальчик, не унывай! Если не останешься королём в Дании, тогда, может быть, будешь бургомистром в Амстердаме! – подмигнула она ему, когда он налил ей и себе ещё по бокалу вина.

Она, торговка, вышедшая из городских низов, с практичным умом и хваткой закоренелого дельца, была неповторима, жизнерадостна, не унывала никогда. И выше мечты стать бургомистром в её родном городе у неё не было с самого детства.

Оставив Сигбритту на этом корабле, в этой каюте, и приказав слугам подать ей ещё вина и еды, он ушёл на другую галеру. Там в это время на галеру садились все его семейные: супруга Изабелла, сын Иоанн, показывающий в свои восемь лет уже большие способности, и две дочери: четырёх лет красавица Кристина и самая младшая – кроха, умница Доротея.

На другие корабли грузили имущество и поднимались на борт со своими семьями его верноподданные. Они покидали Данию вместе с ним, опасаясь здесь для себя больших неприятностей.

Когда королевская галера стала отходить от причала, он поднялся на палубу, подошёл к борту.

Внизу, на причале, стояли его дворяне и государственные советники, решившие на свой страх и риск остаться здесь.

– Ждите меня через три месяца с большой силой! – крикнул он им и, подбадривая, вскинул вверх руку жестом римских императоров.

Его королевская галера, отчалив первой, развернулась и взяла курс на выход из гавани Копенгагена. За ней стали отходить от причала другие галеры, присоединился и весь остальной его флот из двадцати кораблей, стоявших на рейде.

И пока был виден родной город, столица его государства, он видел на причале тёмную исчезающую полосу людей. И его на секунду озарило, появилось предчувствие, что сюда он больше не вернётся: его власть здесь исчезла, как исчезает вот сейчас эта полоска... А если вернётся, то лишь узником...

Он спустился в каюту супруги.

Изабелла встретила его вопрошающим взглядом. Умная и честолюбивая, как и её брат, император Карл V, с утончённой чувствительностью, она, хотя в её жилах текла испанская кровь, не обращала внимания на такие мелочи, как измены мужа с какими-то девками, и не придавала значения этой его выходки с тайной погрузкой на корабль его советчицы, простой вульгарной торговли.

– Как она устроилась? – деликатно осведомилась она.

– Нормально...

Больше говорить было не о чем. Они понимали друг друга без слов.

Его флот взял курс через Зунд, к проливу Каттегат, чтобы выйти в Северное море. При выходе из пролива они угодили в шторм. Беспомощные против стихии галеры раскидало далеко друг от друга, многие занесло к берегам Норвегии. Собрав весь флот снова вместе в спокойных водах залива Бо-хус, Кристиан отправился дальше, в Нидерланды. Маргарита Австрийская, наместница в Нидерландах, тётка его супруги, Изабеллы, встретила их в Амстердаме приветливо, искренне обрадовалась, увидев любимую племянницу.

Королём же Дании на государственном совете был избран младший брат его отца – герцог гольштейнский Фредерик, под именем короля Фредерика I. И когда он, новый король, вступил в королевский замок в Копенгагене, то увидел лишь голые стены.

Глава 9. Встреча двух королей

Встреча их, Фредерика I и Густава, была обставлена со всеми почестями, в Мальмё, в городском храме. Этот храм намного уступал тем храмам в Копенгагене, которые когда-то поразили Густава, когда он оказался впервые в столице Дании. Да и то не по своей воле. Его туда привезли как пленника, хотя он был заложником, одним из пяти шведских дворян. Этот же храм, хотя внешне, строением, архитектурой был похож на те, сильно уступал им в размерах. Он казался игрушечным по сравнению с мощью, размахом тех.

Король Фредерик, младший брат давно почившего короля Ханса I, был уже в немалых годах, судя по седине его изящных локонов, когда-то густых, сейчас изрядно поредевших. Уже намного больше повидал он в жизни, чем его племянник, маленький принц, и вот этот король всех шведов. На этом, на своей опытности, он и хотел сыграть сейчас, и даже на том, как был одет вот в этот первый день осенний. Он был в плаще из серого гамбургского сукна, с гербами и знаками его королевской власти, и в шляпе с пером. Камзол покроя модного сидел на нём изящно, и гармонировали к нему башмаки коричневого цвета. Он этот цвет предпочитал другим.

– Весьма признателен, мой друг, за согласие встретиться в столь многотрудное время для наших обоих государств! – начал изысканным слогом он. – Наша дружба необходима

для сопротивления общему неприятелю и для блага наших подданных!..

Выступая постоянно у себя в герцогстве Гольштейн перед сенатом, на съездах, играл он в демократию с народом...

Густав согласился с ним, что и он имеет такое же намерение.

— Буду охотно содействовать к тому всеми справедливыми мерами!..

Эта встреча была задумана ещё год назад. Но много времени ушло на согласование места встречи. И вот сейчас шесть датских сенаторов, как аманатов, были присланы в Швецию. Шведский флот стоял у острова Готланд... Всё было сделано, чтобы обезопасить поездку его, Густава, вот в этот город Мальмё, на берегу Зунда, сейчас датской территории.

— Ну что же, мой друг! — обратился к нему Фредерик. — Тогда пройдёмте в ратушу! Там и обсудим все наши дела!..

В ратуше, старинном каменном здании, построенном ещё во времена королевы Маргрете Датской, заключившей Кальмарскую унию, всё было готово для приёма высоких гостей.

Короли сели в кресла.

По левую руку от Густава, чуть позади, встал его советник, государственный гофмейстер Тур Ензон Рос. Ему он доверял во всём: как опытному в таких делах, к тому же его родственнику. Его мать, Анна Ваза, приходилась двоюродной сестрой ему, Густаву. И тут же рядом с Росом были мар-

шал Ларс Спегзон и придворный канцлер Ларс Андерзон.

Король Фредерик, по праву хозяина места встречи, открыл её вступительной речью.

– Я полагаю Кальмарскую унию за основание вечного союза между тремя северными государствами! – благожелательно улыбаясь, начал он низким, приятным баритоном.

Густав напрягся от того, что услышал...

Не обращая внимание на то, что лицо у Густава покрылось красными пятнами, Фредерик продолжил всё в том же духе:

– Не для того, чтобы король Густав лишился шведской короны! Она досталась ему дорогой ценой! Но единственно, чтобы он признал датского короля за своего государя и за неперменного главу этого северного союза! Под ним он найдёт как защиту, так и наставление в своих предприятиях!..

Гнев Густава, его всегдашний гнев, который не раз уже подводил его в критические минуты, готов был вырваться наружу... «Прервать эту встречу, – мелькнуло у него, – устроенную для унижения его как короля». Усилием воли он сдержался, заговорил:

– Такое высказывание крайне удивляет меня! Швеция никогда не примет добровольно унижительное иго! А Дании не покорить её угрозами, насилием! Я, как законный король, есть защитник вольности и самодержавия моего отечества!..

Он на секунду остановился, взглянул на Фредерика налившимися кровью глазами, совсем как у бешеного быка, заметил, что тот сразу сник под его взглядом. Он же, не доводя встре-

чу до разрыва, осознавая, что ему нужен был сейчас король Фредерик как союзник против того же Кристиана, закончил на дружеской ноте, хотя и покрылся весь потом под кафтаном.

– И я хочу быть датскому королю другом и хорошим союзником! Если же это угодно! Но никогда подданным!..

Понял он также, что Фредерик больше не будет испытывать его.

И дальше их переговоры прошли в дружеской атмосфере. Фредерик предложил ему вечный мир с таким условием, чтобы каждое государство оставалось в своих границах. Густав не возражал. Зашёл при этом разговор и об острове Готланд. На это Фредерик заявил, что остров будет принадлежать тому государству, которое очистит его от засевшего там с внушительным военным флотом адмирала Северина Норби, остатков сил короля Кристиана.

Густав же рассчитывал, что на этой встрече будет решён вопрос об острове Готланд. В этом его убедил доверенный любекской мэрии Герман Израель. Тот приезжал к нему в Стокгольм год назад от Любека, предложил решить дело с островом Готланд. Затем, когда он, Густав, согласился с этим, Израель взялся за организацию встречи трёх заинтересованных сторон: Дании, Швеции и Любека... И целый год ушёл на согласование места встречи, условий переговоров, гарантии безопасности сторон, размены аманатами⁷¹. И это

⁷¹ Аманат – заложник.

отнял у него, Густава, много сил, расходов, времени и нервов. А что получил он сейчас?.. Да ничего! Унижение и шантаж!.. Только теперь он догадался, что его провели, как мальчика. Вот только что ему донесли, что Норби уже заключил тайно с Данией договор и передал Готланд датскому королю, вот ему, Фредерику, за немалую сумму...

Выходя из ратуши, раздражённый и уставший, он столкнулся с Германом Израелем. И уже не сдерживая себя, он дал волю накопившемуся гневу, высказал тому всё: что тот обманул его, поставил в унижительное положение... А когда тот стал что-то лепетать в оправдание, он выхватил шпагу, кинулся на него, готовый вонзить её в этого мерзавца.

Но его остановил канцлер Ларс Андерзон.

– Прошу вас, ваше величество! – воскликнул канцлер, схватив его за руку, опасаясь, что гнев короля обрушится и на него самого.

Густав отступил, с ненавистью глядя на любекца.

Тот же рыдал, как девица, причитая, что это не его вина, что всё это подстроили в Любеке...

Но эта встреча оказалась не бесполезна для него, Густава. Король Фредерик сообщил ему подробности рейхстага, прошедшего три года назад в Вормсе, где Мартин Лютер пытался изложить свои тезисы о папстве. Император Карл V, под давлением немецких князей, разрешил выступить Лютеру, но и задумал припугнуть его присутствием на рейхстаге высших немецких чинов. Такой дипломатичный ход ему под-

сказали его советники, наивно не подозревая, с какой личностью имеют дело.

Папа же Лев X⁷² своей буллой проклял Лютера и потребовал от императора арестовать его, чтобы предать суду Церкви.

Он же, император, не хотел ссориться с папой из-за Лютера. Ему нужен был папа, из видов на Италию, в войне против Франции... Лютер же?... Тот просто путался у него под ногами!.. Но он не хотел ссориться и с влиятельными германскими князьями, с тем же курфюрстом⁷³ саксонским Фридрихом Мудрым. Тот же не намерен был выдавать врагам человека, которого вся образованная Европа считала величайшим из современников, уже за одни его латинские сочинения против папства... А вот использовать эту ситуацию стоило, для своих целей, для установления абсолютного режима в подвластной ему Священной Римской империи.

И Лютер явился на рейхстаг...

– Он произвёл странное впечатление на участников рейхстага! – заметил Фредерик презрительно о Лютере, с расчётом задеть этим Густава, хотя бы немного отыграться, зная, что тот восхищается Лютером. – Оробел, когда вошёл в зал... Грубый сельский мужик, напавший на себя рясой!..

⁷² Лев X (Джованни Медичи, 1475–1521) – папа римский с 1513 г. В 1520-м отлучил от Церкви Мартина Лютера.

⁷³ Курфюрст (*нем.* Kurfürst) – германский владетельный князь (светский или духовный), имевший право участвовать в выборе императора (в так называемой Священной Римской империи, формально существовавшей до 1806 г.).

По пути в Вормс, в дороге, Лютер был необычно возбуждён, захваченный возможностью открыто изложить на рейхстаге свои тезисы о папстве... А вот тут, когда остался последний шаг, перед дверью он чего-то испугался... Он остановился перед входом в зал, где собрались император, германские князья, графы, епископы...

И он невольно вздрогнул, почувствовав, что кто-то сзади положил ему на плечо тяжелую сильную руку, и в следующую секунду над ухом у него прозвучало грубо и насмешливо:

– Монах, ты затеял смелое дело!..

Он обернулся. Перед ним стоял громадный рыцарь, как с испугу сначала показалось ему, старый уже, с седой бородой, закованный в латы.

Но он, этот мрачный рыцарь, смотрел на него по-доброму, улыбаясь, и на его лице читалось: мол, не трусь, приятель, шагай, твоё дело правое...

– Георг Франдсберг, команду ландскнехтами⁷⁴! – представился тот и легонько подтолкнул его вперед, к дверям зала, на поле его духовной битвы. – Иди, монах, и скажи, каков этот папа!.. Привяжи «кошке» колокольчик! Хм-хм!..

И Лютер уже увереннее вступил в зал... Император, молодой, что его удивило, хотя он и знал, что тот молод, сидел в кресле, на возвышении, слегка развалившись... И что ещё удивило его, тот как будто был смущён чем-то или грустил...

⁷⁴ Ландскнехт – наёмный солдат.

И это ободрило его, несмотря на то что князья, графы и епископы, сидевшие перед троном императора, как бы поддерживая его, взирали на него, Лютера, с неприязнью. Особенно же испанские гранды и итальянцы, болтливые и шумные...

— Сюда, господин Лютер, сюда! — раздался голос профессора богословия Иоганна Экка, показывающего рукой, чтобы он прошёл в центр зала.

Лютер прошёл вперед, встал лицом к высокому собранию.

Экк зачитал его список сочинений и спросил: «Вы признаете их своими?»

Лютер утвердительно кивнул головой, сказал, что это его сочинения.

Ответил он тихим, невнятным голосом... Он, выросший в бедности и живший скудным монашеским бытом, растерялся, подавленный роскошью зала, богато разодетых князей и епископов, глядевших на него снисходительно, как на школяра-проказника...

— Не хотите ли вы отречься от них? — последовал второй вопрос профессора.

Лютер, всё тем же слегка дрожащим голосом, сказал, что не готов ответить на этот вопрос, и просил отложить его ответ до следующего дня.

Профессор посмотрел на императора, а тот согласился.

На другой день, вечером, когда Лютеру дали слово, он был смелее, сказал, что согласен отказаться от своих тезисов, если...

– Если меня опровергнут свидетельством Святого Писания или ясными доказательствами! Ибо я не верю ни в папу, ни в соборы, так как явно, что они ошибались и противоречили один другому! Поэтому я не могу и не хочу ничего возразить против написанного мной! Ибо небезопасно и безрассудно действовать против совести! На этом я стою и не могу поступить иначе! Да поможет мне Бог! Аминь!..

В зале раздались возмущённые возгласы:

– Арестовать!.. Отправить в Рим!.. На суд папы!..

Но император призвал собрание к тишине, к порядку, разрешил Лютеру возвратиться в Виттенберг. Он помнил, как ослабил себя император Сигизмунд I Люксембургский в такой же ситуации, вручив Яну Гусу охранную грамоту и, не сдержав своего слова, выдал того папе, отправил на костёр... И он позволил Лютеру ускользнуть из Вормса. Саксонский курфюрст же устроил «похищение» Лютера: по дороге в Виттенберг, родной ему город, Лютер исчез... В одном глухом местечке его карету остановила группа вооружённых всадников. Они приказали кучеру следовать за ними, свернули на тёмную просёлочную дорогу. И карета под усиленной охраной покатилась в неизвестность, затерялась в сумрачных германских лесах. Так курфюрст спрятал Лютера в своём отдалённом замке Вартбург, где тот мог заниматься своими сочинениями, никого и ничего не опасаясь, и там провёл целый год.

Император же, когда Лютер исчез, произнёс имперскую

опалу над ним и над всяким, кто даст ему убежище и покровительство. А когда закончился рейхстаг, то в его канцелярии задним числом оформили послание папы Льва X, с требованием арестовать Лютера...

Когда Фредерик закончил свой язвительный рассказ о Лютере, Густав невольно улыбнулся, восхищённый ловким маневром императора, курфюрста и твердостью духа, с какой стоял Лютер на своей правде.

Сообщив всё это, Фредерик натолкнул Густава на размышления: как следует поступить и ему, королю Густаву, с католическими священниками. Новое движение в Церкви, те же тезисы Лютера, его интересовали мало. Но вот какие возможности открывались с этим движением, с падением авторитета папства. Под шумок этого можно было открыть, как волшебным ключиком, многие двери, за которыми накапливались и хранились Церковью, папством, католическими епископами, громадные сокровища, перешедшие за многие века из рук доверчивых людей в стяжательные руки, в сердца, заросшие жирком от тунеядства... Они, эти богатства, нужны были ему, королю, чтобы защитить Швецию от внешних врагов и его наследную власть от многих угроз...

И он решил сыграть на этом же, на распре между протестантами и католиками здесь, у себя дома, в Швеции: изъять у католических священников и монастырей собственность. Ту собственность, которая когда-то путем дарений, а то и явным обманом была вытянута у недалёких людей... Привлечь

на свою сторону евангелистов, с их учением Лютера, чтобы освободиться от пут Рима, диктата пап, которые навязывали свою волю многие века всем королям Европы... С этой целью он уже направил двух священников, Лаурентиуса Петри и его брата Олауса, к Лютеру, с просьбой ознакомить их с новым евангелическим учением. И вот недавно он получил от Лютера весточку, что те прослушали курс лекций и собираются вернуться в Швецию.

С учением Лютера шла демократия, как в Богемии движение таборитов... Но это противоречило целям императора, стремившегося к абсолютной власти в его империи, в Европе... У него же, Густава, противники были иные – католические епископы.

У императора не получается, судя по тому, что творится в Европе. Он же, Густав, справится с этой нелёгкой задачей.

И прежде всего ему нужно было нейтрализовать датского короля, вот этого, который того и гляди отхватит кусок шведской земли. Тот же остров Готланд, исконно шведский, уже в его руках... С этим напакостил ему, Густаву, адмирал Норби!.. Да и московский князь постоянно пускает в набеги своих: на земли финские, принадлежащие Швеции... А поляки!.. А в том же Любеке спят и видят, как бы посадить опять на датский престол короля Кристиана II.

Он вернулся в Стокгольм. В это время к нему приехал граф Гойский Иоганн Иодоксон.

Он принял его. Граф, моложаво выглядевший, показался

ему сразу же симпатичным малым.

– Ваше величество, искренне желал бы поступить на службу к вам! – после обычных процедур представления заявил граф цель своего визита.

Густав знал, что граф в прошлом служил при дворе короля Кристиана, происходил из древнего королевского дома. Уже шли переговоры о сватовстве графа к его, Густава, сестре, Маргарите. Та, вдовствуя уже четыре года после гибели мужа Иоахима Браге, была не против устроить свою семейную жизнь.

Густав был рад, что у сестры всё складывается нормально. Пообещав графу, со своей стороны, выделить для содержания его семьи приличный лен⁷⁵, он отпустил его.

А тут ещё по всему северу распространились слухи, что какой-то швабский астролог предсказал всеобщий потоп. Страхи начались и среди населения в его государстве.

– Ну, что делать с этими умниками – учёными, астрологами! – ругался Густав. – Весь север загнали в ужас!

⁷⁵ Лен – в эпоху феодализма земля и определённые доходы, которые вассал получал от сеньора при условии несения военной службы.

Глава 10. Борьба с католическими епископами

До городка Стренгнес, до его пристани, Густав добирался по озеру Меларен на галерах. Взяв роту солдат и дворян, он отправился туда, чтобы послушать проповедь двух братьев. Это были Олаус и Лаурентиус Петри, только что вернувшиеся от Мартина Лютера. Недавняя история с учёным доминиканцем Класом Гвинтом была показательна для Густава. Тот поехал к Лютеру, чтобы переубедить того в его заблуждениях, как он считал. Но оттуда он вернулся сам убеждённым сторонником нового учения.

Церковь в центре города оказалась заполнена народом. Люди стояли даже у входа, кому не досталось места внутри. Служба ещё не начиналась, затягивалась. И затягивалась из-за него, короля, поскольку с пристани до церкви уже донесли, что сюда, в этот небольшой городок, прибыл сам король с большой свитой.

Увидев короля, его внушительную охрану, толпа расступилась, пропуская его в церковь.

Густав, в сопровождении канцлера и дворян, вошёл в церковь, прошёл вперед, встал у невысокой загородки, отделяющей алтарь от остального помещения церкви. Встал как обычный прихожанин, желающий послушать проповедь.

Наконец затих шум из-за появления в церкви короля.

И к алтарю вышли два молодых человека, два священника, похожие друг на друга. Здесь все уже знали их.

Проповедь была резкая, умно, тонко рассчитанная на простых прихожан.

Густав внимательно прослушал её. И эта резкость, когда они говорили о папстве, понравилась ему. Понравилось ему и высказывание Лаурентиуса Петри о монахах.

Он одобрил его.

– Вскоре я объявлю свои мысли об этом, – сказал он на прощание священникам.

Сказал он им также, чтобы осторожно несли новое учение в народ, по наивности обманутый.

Он хорошо понимал, с какой опасной властью предстоит ему схватиться: с духовной властью, с властью, гнетущей сознание... Уже почти пять веков эта власть, власть Рима, диктовала свои законы его предшественникам, королям здесь, на севере, да и по всей Европе. Власть, которая тихо вкралась в доверие к простому народу, вошла в королевские дворцы и замки герцогов, графов и вельможей всяких... Он, Густав, уже не раз прикидывал, чем владеет Церковь здесь, в Швеции... В его стране католическая церковь прибрала к рукам пятую часть всех земельных угодий, столько же, сколько было у дворянства, а у податного крестьянства половина... На корону же, его корону, приходилась всего двадцатая часть!.. А ведь ему нужно было содержать армию, флот, чиновни-

ков... Церковники же, ни за что не отвечая, ничего не производя, только тянули, высасывали из народа, из государства, празднуя время. Сами впали в тупоумие и держали в невежестве народ, чтобы вернее обирать его... И этот спрут опутал всю Европу, диктовал свою волю всем монархам...

К этому времени у Густава шла интенсивная переписка с Лютером. И он прислушивался к мнениям Лютера. По его рекомендации он наделил Олауса Петри местом в Стурчуркан, большой церкви Стокгольма.

На первую проповедь тот явился, как всегда, в старенькой полинявшей рясе, скромно поднялся на кафедру, с доброжелательной улыбкой обвёл взглядом прихожан.

Они же смотрели на него, ждали...

И он стал говорить о евангелическом учении, как говорил о нём Лютер...

Прихожане молча выслушали его, похоже, не понимая, о чём он говорит, разошлись по домам. Так прошло несколько дней его пастырской деятельности на новом месте. На очередной проповеди только было начал он говорить, как в церковь ворвалась толпа молодых людей... Во все стороны полетели скамейки... К его кафедре, сделанной аляповато из досок в виде коробки, из-за неё его уже прозвали «Олаусом в коробке», подступили крепкие парни... Увернувшись от камня, брошенного в него, он метнулся с кафедры и скрылся в исповедальне, рассчитывая, что туда-то погромщики не посмеют войти. Отдышавшись и поразмыслив о происшед-

шем, он понял, что это дело рук католических прелатов. Те, ущемлённые, затаили злобу, почувствовав в его лице опасность для себя, своего положения духовников, за свои доходы.

– Терпи, брат Олаус, терпи! – ободрил Густав его на их очередной встрече, когда Олаус рассказал ему, что прелаты натравливают на него прихожан. – Я тоже терплю!.. Этакую глыбу-то сразу и не сдвинешь!.. А надо!..

Вот это он осознавал, и глубоко. Не встать государству, не выжить, если не отобрать власть у католической церкви, часть имущества. Всего-то и не отберёшь!.. Она же, римская церковь, уже давно страшным злом встала на пути у государства, народа... Сама никуда не идёт и другим не даёт, давит всякую живую мысль...

И он решил подрубить, прежде всего, корни у доминиканцев, у доминиканского ордена. Но сделать так, чтобы они сами очистили свои ряды от смутьянов. И он вызвал к себе аббата доминиканского монастыря Мартена Скитта, зная его как совестливого и порядочного.

– Падре, я поручаю тебе осмотреть все монастыри: проверить, послушны ли иноки Богу и монастырскому начальству... Вразумил бы их в том...

Настоятель выполнил его поручение.

– Есть праведные, но мало таких, – стал рассказывать он, вернувшись из поездки по монастырям.

Сказано это было с горечью. Он, настоятель доминикан-

ского монастыря, увидел особенно удручающее состояние среди монахов своего ордена.

– В Вестеросе аббат Роберт, сам он из Норвегии, открыто подстрекает далекарлийцев к мятежу!..

Густав поблагодарил его за помощь в наведении порядка среди монашествующей братии. И буквально на следующий же день он отрёшил своим указом аббата Роберта от места. Послал своего порученца в доминиканский монастырь: пригрозил монахам, что выгонит их из государства, если они будут и дальше подстрекать народ к мятежу.

В ответ на это доминиканцы зашумели, возмущаясь вмешательством светской власти, короля Густава, в дела Церкви, ордена... Кричали много, что для очищения своих рядов им вверена самим папой инквизиция...

Видя, что эти меры не подействовали, канцлер, по заданию Густава, сделал опись доминиканского монастыря и закрыл его. Монахи пошли побираться по городу, за подаванием... Но горожане Стокгольма, принявшие евангелическое учение, уже не терпели этих тунеядцев.

И Густав с удовлетворением отметил, что учение Лютера уже дало плоды.

Мартен Скитт сообщил ему, что монахи стали покидать монастыри, жениться...

– И самое удивительное – принялись честно трудиться!.. Что, вообще-то, больше всего озадачило его.

И Густав понял, что в Швеции забрезжил рассвет после

тёмной ночи римского угнетения и мрака невежества, в котором разум метался со страхом...

Вскоре ему донесли, что в Германии, в том же Ростоке, Гамбурге, появились скитальцы: шведские епископы, монахи, ненавидевшие труд, мирскую жизнь и его, короля Густава.

* * *

По государству, среди католических священников, покадилась волна недовольных правлением нового короля. И они стали поднимать дом Стуре против Густава, чтобы возвести одного из Стуре на престол.

Густаву донесли, что вестероский епископ Педер Суннаведер рассылает тайно светским и духовным письма, в которых излагал, что сыну Стуре, который выше Густава по происхождению, нанесено оскорбление избранием Густава королём... Густаву доставили несколько писем епископа... И его вывело из себя, что епископ, подбивая людей на мятеж, писал, что не только справедливо будет свергнуть Густава с престола, но и что это легко сделать...

«Я покажу вам, как легко это сделать!» – проснулся у него гнев его.

И он явился в Вестерос, взяв с собой сенаторов. Созвав капитул, он представил каноникам письма их епископа.

Тот же, когда ему показали его письма и предъявили об-

винения, растерял всё своё мужество, запирался... Только что избранный архиепископ Канут бросился защищать его, своего собрата, стал дерзить Густаву...

Густав заподозрил и его в соучастии в этом подстрекательстве людей к мятежу. А когда ему передали письма, изображающие в этом и архиепископа, то наказание последовало сразу же: обоих прелатов, по силе закона, лишили мест. Густав, осознавая серьёзность этой новой опасности, раскачки священниками дома Стуре, отправил молодого шестнадцатилетнего Нильса Стуре за границу на учебу.

Каноники же, защищая своих нашкодивших собратьев, теперь начали саботировать избрание нового епископа в Вестерос. Тогда Густав, пресекая все их отговорки, сам назначил на эту должность Педера Монзона. Тот, монах из Вадстена и секретарь папы, находился тогда в Риме. Через некоторое время он был избран капитулом в Вестеросе, затем утверждён в Риме папой Адрианом VI.

Этот поступок с прелатами устроил прочих, и они притихли, затаились.

Канут и Педер Суннаведер, отрешённые от мест, ушли в Далландию, в городок Мура, расположенный среди гор на берегу озера Сильян, в одном из его заливов. И там они продолжили своё дело: стали подбивать жителей на мятеж, затем связались с адмиралом Норби, завели переписку с недовольными прелатами в Стокгольме.

– Всё, кончилась святая Церковь и вера наших праотцев! –

вопили они, собирая вокруг себя толпы простаков, чтобы восстановить их против нового короля. – Король Густав не только с Данией, но и с Густавом Троллем сговорился для гибели шведов!..

И Густав поспешил туда с рейтарами, чтобы задавить мятеж в зародыше. Была уже глубокая осень, когда он пришёл туда. Войдя в городок, он приказал всем жителям собраться на площади. И там, на площади, сидя на коне в окружении рейтар, он обратился к жителям городка, упрекнул их в том, что они поступили легкомысленно.

– Вы поверили проходимцам! Да, да! Хотя они были в сутане!.. Почему вы не поступили согласно принятому в Вестеросе постановлению? – спросил он собравшихся.

Горожане молчали...

Тронув коня, он поехал вдоль ряда горожан, вглядываясь в лица людей... Те отводили в сторону глаза, опускали головы.

Он же в очередной раз убедился, как легко верят всяким проходимцам простодушные люди, как легко их одурачить, запугать...

Из толпы выступил мэр городка, снял шапку, поклонился ему.

– Ваше величество, просим помиловать нас! Виноваты!.. Но обещаем никогда больше не поддаваться на обман! – заверил он, смущённо сжимая в кулаке шапку.

Густав, растроганный видом покорных крестьян, простил

их. Ему было искренне жаль их, но он и понимал, что рано или поздно придёт другой, более красноречивый проходец и снова смутит их, запутает...

Взяв с них письменное обязательство в том, что они будут всегда хранить к нему подданническую верность, он покинул городок. При этом, в знак примирения, он подтвердил местным заводам, так называемой Медной горы, древние привилегии.

Суннаведер же и Канут бежали в Норвегию и там воспользовались защитой дронтгейского архиепископа Олофа.

Густав потребовал у норвежских властей, чтобы ему выдали мятежников.

– Согласно договору в Мальмё с королем Фредериком, вы обязаны выдать их! – в категоричной форме заявил он.

Однако норвежцы отказали ему в этом.

Тогда он предъявил архиепископу Олофу письма прелатов, их мятежные подстрекательства народа против него, короля... И архиепископ вынужден был выдать укрывающихся в Норвегии прелатов.

* * *

Густав поднялся, вместе с ближними советниками, на башню замка... Перевел дыхание, отдышался... Тяжело стало ему подниматься вверх по каменным ступенькам... С высоты башни открывался широкий вид на город, на острова,

на окрестности, теряющиеся где-то в дымке солнечного утра.

Лаврентьев день⁷⁶. Он, этот день, призывал всех людей к покаянию, к прощению... Простит он, Густав, вот этих двух прелатов, призывающих к мятежу народ против него, короля... И завтра на их месте будут десятки... И к чему это приведёт?.. Он не стал больше думать об этом сейчас, когда государственный механизм уже был запущен. И он, этот механизм, эта система, закрутится сама собой, спасая сама же себя, без дальнейшего вмешательства даже его, короля.

– Ваше величество, началось, – сказал стоявший рядом с ним Иоганн Турзон, чтобы привлечь его внимание к тому, что уже разворачивалось на острове Святого Духа, заметив его отсутствующий взгляд, рассеянno блуждающий по окрестностям.

– Да, – промолвил Густав, передернул плечами от утренней прохлады, возвращаясь мыслями к происходящему.

Прямо же за мостом, на острове святого Духа, готовилось представление – наказание мятежных прелатов. Там вывели их на площадь. Туда их доставили из Норвегии. И даже отсюда, издали, заметны были их бледные, осунувшиеся лица, тёмно-серые рясы, болтающиеся под порывами лёгкого ветерка, налетающего с моря... Подле них засуетились дра-

⁷⁶ Лаврентий Римский (ум. в 258 г.) – священномученик, архидиакон папы римского Сикста II, пострадал вместе с ним в гонение императора Валериана. Память в православной и католической церкви 10 августа.

банты⁷⁷ из королевской охраны... С того и другого содрали рясы, напялили рваные епанчи⁷⁸. Их опоясали ремнями, к которым привязали деревянные мечи... Затем голову одного украсили соломенным венцом, а у другого – епископской шапкой из берёзовой коры. Подведя к тощим крестьянским лошадам, их посадили на них лицом к хвосту, привязали к седлам...

И даже сюда, до башни, доносился после очередной «обновки» бедных прелатов хохот толпы, собравшейся поглазеть на это представление.

Процессия двинулась к мосту. Впереди лошадок пошли музыканты: засвистели дудки и свирели, барабаны боем будили сонных горожан... Кривлялись там же плясуны... Мальчишки бросали в прелатов огрызками яблок, строили рожицы, показывали непристойности свои...

Холодно и расчётливо наблюдал Густав за процессией... Так надо было... Иначе!.. Только что ему сообщили, что его злейший враг, адмирал Норби, был разбит в сражении около полуострова Блекинге от соединённого датского и шведского флотов. Адмирал потерял три больших корабля и четыре яхты, сотни его солдат и матросов были взяты в плен... Сам же адмирал бежал в Нарву с небольшим остатком сво-

⁷⁷ Драбант (нем. Trabant, чеш. drabant) – телохранители, состоящие при важных особах.

⁷⁸ Епанча – род накидки, плаща, старинное широкое верхнее платье без рукавов.

их сообщников... Король Фредерик всё же откликнулся на просьбу его, Густава, когда он описал ему последствия дальнейших беззаконий строптивного адмирала, которого Фредерик поначалу пригрел было у себя... «Видимо, рассчитывал так навредить Швеции и ему, Густаву!» – пронесли у него подозрения насчёт короля Дании... Никому не верил он... «Таков уж этот мир!» – порой говорил он ближним своим советникам, настраивая их тоже на жёсткий отпор любых поползновений соседних государей.

Эти мысли отвлекли его от процессии. Та, пройдя через мост, уже входила в Северные ворота города.

– Ну что же – пора и нам, – промолвил он, кивнул головой советникам, приглашая их за собой.

Они спустились с башни, вышли из замка и направились к ратуше, где должен был начаться суд над мятежными прелатами. Когда они подошли туда, прелатов уже ввели в ратушу, всё в таком же шутовском наряде.

Рассмотрев обвинение против прелатов, документы, изобличающие их в подстрекательстве к мятежу против законной власти, суд приговорил их к смерти. Отрешённых прелатов казнили... И это повергло в ужас всю шведскую церковную верхушку.

Эти события на некоторое время отвлекли Густава от другой опасности. Ему донесли, что в Москве, у великого московского князя Василия III, объявился адмирал Норби. Густав срочно отправил гонца к московскому князю, с требо-

ванием выдать ему мятежного адмирала, согласный за это подписать вечный мир с Московией... И в Москве посадили адмирала в тюрьму... Густав успокоился. Но следом оттуда же, из Москвы, пришло сообщение от его гонца, что за Норби заступился император Карл V, по просьбе своей сестры Изабеллы, супруги короля Кристиана II. И Карл выпросил у московского князя мятежного адмирала... Великий князь Василий III, в знак давней дружбы с Австрийским двором, выдал императору заключённого адмирала. И тот объявился в армии императора, находившейся тогда в Италии... И там он был убит при осаде Флоренции армией императора... С Россией же Густав возобновил прежний мирный договор 1510 года... Так у него, у Густава, одним врагом стало меньше. И он вздохнул свободнее: церковники притихли, внутри государства врагов не осталось, с соседними государями установились мирные добрососедские отношения.

* * *

С отрядом из двухсот конников в блестящих латах и сотни пехотинцев Густав остановился на Упсальских холмах. Внизу, под этими холмами, расстилалась зелёная низменность, покрытая крестьянскими полями.

Была весна, начало мая. Тепло, с дальних гор дул прохладный ветер, здесь смешивался с влагою, что поднималась с недалекого моря.

Сидя верхом на коне впереди своих придворных и государственных чинов, Густав окинул взглядом собравшихся здесь, на холмах, упландских жителей, в основном крестьян.

Сюда его вынудили явиться, и с немалой силой, волнения вот этих крестьян. Волнение же началось из-за лишения священников церковной десятины, закрытия монастырей, жалоб духовенства... Вот они-то, священники, догадался он, и настраивали доверчивых людей на мятежные выступления.

– Чем вы недовольны? – спросил он крестьян. – Из-за чего подняли мятеж?.. Не подчиняетесь мирскому начальству!.. Не хотите жить в любви и покорности к Богу, по божеским законам!..

– Почему наших священников лишили десятины? – слышались выкрики из толпы. – И в чём виноваты монахи?!

– Монахи? – спросил Густав крестьян. – Ленивые монахи были для государства всегда бесполезными и вредными насекомыми! И я хочу вместо них предоставить вам лучших учителей!..

Но со всех сторон закричали:

– Мы желаем удержать наших монахов, которым сами даём содержание!

– А что они, монахи, делают? – спросил он их.

– Поют! И по ночам тоже! – крикнул кто-то из толпы.

– Они что – цикады? – ехидно спросил Густав крестьян. – А кто работать будет?..

Крестьяне сообразили, что попали впросак, закричали о

другом, желая вывернуться, отыгаться:

– Почему нам хотят запретить латинскую литургию и переменить прежнюю нашу веру?..

Густав усмехнулся, велел одному из придворных, хорошо знающему латынь, говорить по латыни с крестьянами.

И тот обратился к толпе на латинском языке.

– Этого мы не понимаем! – раздались со всех сторон крики.

– Если не понимаете, почему уважаете латинскую литургию? Ха-ха! – засмеялся Густав.

Народ безмолвствовал...

Густав же понимал, что строгость и какие-либо разумные доказательства бесполезны вот этим наивным людям.

Понемногу крестьяне успокоились. Густав распустил их, посчитав, что инцидент исчерпан.

– Поехали! – сказал он канцлеру Ларсу Андерзону, который сидел по правую сторону от него во время переговоров с крестьянами. – И вы тоже, ваша милость! – кивнул он головой архиепископу Магнусу Иоганнесу, сидевшему на коне слева от него.

В город он возвращался в хорошем настроении, шутил с архиепископом. Тот же, заметив расположение к себе короля, пригласил его к себе в замок.

Дворецкий архиепископа, предупреждённый гонцом, встретил короля и его людей у въезда в замок. В большой палате, куда они вступили, посередине, вокруг огромного сто-

ла суетились слуги, куда-то спешили, несли и несли к столу вереницей блюда, вина, заморские пряности...

Дворецкий пригласил всех к столу. Архиепископ занял своё место, сел в кресло прямо напротив короля.

Густав промолчал на это...

Начали пить за здоровье.

Архиепископ взял свою чашу, встал с кресла, слегка поклонился королю, достоинство своё и в этом проявляя.

– Наша милость пьёт за здоровье вашей милости! – поднял он золотую чашу.

Густав улыбнулся, снисходительно.

– Твоей милости и моей милости нет места под одной крышей!..

За столом засмеялись над архиепископом.

Густав подождал, пока стихнет смех, затем стал выговаривать архиепископу.

– Должность ваша не состоит в великолепии и земном величии! Но чтобы по примеру Христа учить народ! И о Церкви иметь неусыпное попечение!.. Это было бы для вас, как архиепископа, приличнее, чем непомерный придворный штат и расточительность! – повел он рукой, показывая на слуг, роскошную обстановку замка, дорогую посуду, изысканные блюда. – Ваши епископы, каноники, церковные служители и монахи составляют толпу бесполезных тунеядцев, изнуряющих государство!.. А проповедуют?! Только в дни церковных праздников и жертвоприношений! В остальное

время — пьют, бездельничают! Их-то вы должны вместо этих пустышек! — презрительно показал он на прислугу. — Понуждать к наукам и нести слово Божье в народ!..

В окружении архиепископа, среди каноников, повисло тягостное молчание. Они почувствовали по тону короля, что этими его речами дело не ограничится. Впереди замаячила неизвестность, жизнь беспокойная, а может быть, и голодная. А к ней они, постоянно призывая других поститься, сами готовы не были.

* * *

Над государством, Швецией, висели долги тому же Любеку. Об этом, о долгах, постоянно напоминали из Любека посланники. Казна же была опустошена войной с королем Кристианом, годами разрухи, междоусобий внутри государства. Но платить надо было, надо было найти деньги.

И чтобы пополнить казну, Густав, своим указом, который одобрил и риксдаг, предписал собрать налог путем изъятия излишнего серебра в церквях и монастырях.

Церковники сразу же подняли ропот. Первым выступил против этого линкепинский епископ Ганс Браск. Его поддержали другие каноники.

Но Густав, сдержав свой гнев, решил подтолкнуть учтивостью Браска на выплату налога. Он написал ему, перечисляя в письме все почетные титулы, которые прелаты присвоили

себе. Начал письмо, обращаясь к нему: «Милостивый государь...»

– Всё что угодно, ваше величество! Но собственность святых церквей уменьшить не могу! – заявил епископ в категоричной форме при личной встрече с ним.

Густав был возмущён таким лицемерием, изворотливостью епископа.

– Ваши духовные отцы владеют двумя третями всех волостей и земель, принадлежащих короне! – в гневе закричал он на того. – И это вы называете святостью!.. Вы же, церковники, повсюду приводите в пример нищего, страдающего Христа! Приносите обет бедности, любви к ближнему... Но никто из вас не принимает всего этого всерьёз!.. Вам... на того же Христа!..

Он понимал, да и вот этот лукавый епископ тоже, а также вся их братия, что собственность, имущество, деньги – это сила, власть, обеспеченность и сытость... И голодать не будешь никогда, и нищим смерть не встретишь...

Понял Густав также, что тщетно зывать к совести этих людей. И он вынужден был употребить угрозы, строгость.

И «милостивые государи» повсюду стали уступать ему. Он собрал две с половиной тысячи марок⁷⁹ чистого серебра, переделал его в монету.

В это же время как-то Олаус сообщил ему, что епископ

⁷⁹ Весовая единица (денежная) в ряде западноевропейских государств: Швеции, Любеке, Германии, – равная примерно 24,3 г, в первой половине XVI в.

Браск продолжает всё так же усердно воевать с протестантами.

— Он послал монахам Ваденского монастыря какое-то сочинение «О заблудших русских»... Чтобы те, прочитав, знали, откуда исходит лютеранская ересь!.. Хм!..

Густав тоже усмехнулся на это невежество епископа и монахов.

* * *

Произошло новое волнение далекарлийцев, теперь из-за подати на колокола. Эти колокола нужны были Густаву на уплату государственных долгов тому же Любеку. И он издал указ, чтобы каждая церковь, каждый монастырь и часовня сдали в казну по колоколу второй величины. И когда его люди поехали по провинциям, стали отбирать колокола, то некоторых из них там убили.

Разгневанный, он взял пять сотен рейтар и явился к мятежникам, далекарлийцам.

Собрав их в Фалуне, небольшом городке, известном ему по прошлому, он обратился к ним, стал упрекать, что они слушают разных подстрекателей, тех же священников...

В ответ на это в толпе начали кричать, угрожать ему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.